

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**№ 1 (21) 2009
ISSN 1996-0522**Учредители**ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы» и
НП «Институт развития города»**Издатель**Челябинский институт (филиал)
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»**Редакционный совет**О.В. Артемова – д.э.н., профессор
В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Ю.В. Зацепилин – к.ф.н.
С.Г. Зырянов – д.полит.н., доцент
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.Н. Лукин – к.культурологии, доцент
С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
Р.А. Сабитов – д.ю.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор**Главный редактор**доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров**Редакция**С.Г. Зырянов – зам. главного редактора,
зав. отделом политологии
Е.В. Грунт – зав. отделом социологии
С.С. Загребин – зав. отделом культуры
В.Н. Новоселов – зав. отделом истории
А.В. Павлов – ответственный за
международные контакты
Т.Ю. Савченко – зав. отделом
экономики и менеджмента
А.Л. Фартыгин – зав. отделом
государства и права**Ответственный секретарь**кандидат философских наук
А.А. СафиуллинаЖурнал включен ВАК Минобразования
и науки РФ в перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук и
рекомендован**экспертным советом по политологии**Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-16702 от 15.10.2003 г.
Выдано Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникацийПодписано в печать 13.03.2009 г.
Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. п. л. 11,2. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3438.Издание подготовлено к печати
и отпечатано
в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

Цена свободная

СОЦИУМ**В.Д. Попов**Информационная экономика и финансовый
кризис 4**А.А. Борисенков**Гражданское общество: сущность
и особенности формирования 14**Г.Г. Горелова**Новое мышление в социальном управлении:
от стратегии манипуляции – к осознанию
ценностей 23**Н.П. Салохин**Синергетическая парадигма самоорганизации
и самоуправления общества
в трансформирующейся России 27**М.А. Дедюлина**

Адхократия в современном обществе 35

О.Ю. Арсеньева, М.Г. КраскоСоциально-экономическое положение
семей группы риска: региональный аспект 42**ВЛАСТЬ****Л.В. Савинов**

Элементы российской этнополитики 47

А.С. ЧесноковТеоретико-методологические подходы
к анализу влияния миграции
на политические процессы 50**Н.Р. Балынская**Группы как субъекты политического
процесса 55**М.К. Арчаков**Русский религиозно-националистический
радикализм в политическом процессе
современной России 59**А.Ю. Ситник**Российское измерение многопартийной
системы 64**Публикация отозвана 25.05.2023****ГОСУДАРСТВО И ПРАВО****А.В. Ильиных, И.А. Старостина**Территориальное построение государства как
фактор выбора избирательной системы
(к постановке вопроса) 69

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, социологии, политологии, права, экономики, менеджмента и предпринимательства, философии управления, работников государственных структур, а также преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся данными проблемами.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношения с муниципальной и государственной властью.

Требования к рукописям научных статей, предоставляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 132

Рукописи рецензируются

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: saa@urags-chel.ru

Редакция журнала не несет ответственности за позицию и точку зрения авторов

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

Л.А. Ромадова

Принципы трудового законодательства как регулятива оптимального функционирования социума 72

Ю.А. Жданов

Вопросы организации проведения конкурсов на замещение вакантных должностей муниципальной службы 80

С.И. Цыганов

Совершенствование законодательства об особых экономических зонах 82

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**А.В. Третьяков**

Российская металлургия в зеркале мировых и региональных проблем экономического развития 88

КУЛЬТУРА**Л.А. Липская, Е.В. Липская**

Духовно-нравственные традиции как основа современной образовательной политики 93

А.Р. Татаркина

Проблема организации досуга в южно-уральском городе на рубеже XIX–XX вв. 99

ИСТОРИЯ**Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов**

Организация генерального межевания в России 104

В.А. Воропанов

Институт стряпчих в системе государственных должностей в 1775–1864 гг. (на примере губерний Урала и Западной Сибири) 111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Юбилею Челябинской области посвящается .. 119

Второй международный научный семинар историков «Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны» 122

SOCIUM

V.D. Popov

Informational economics and financial crisis 4

A.A. Borisenkov

Civil society: essence and forming features 14

G.G. Gorelova

New ways of thinking in social administration: from the strategy of manipulation to the recognition of values 23

N.P. Salohin

Socio-synergetic paradigm of self-organization of a Society in the system of convertible Russia 27

M.A. Dedulina

Adhocracy in the modern society 35

O.Y. Arsenyeva, M.G. Krasko

Socio-economical status of riskful families: the regional aspect 42

POWER

L.V. Savinov

The elements of Russian ethnic politics 47

A.S. Chesnokov

Theoretico-methodological approaches to the analysis of the influence of migration on political process 50

N.R. Balynskaya

The groups as subjects of political process 55

M.K. Archakov

Russian religious and nationalistic radicalism in the political process of modern Russia 59

A.Y. Sytnik

Russian measurement of multi-party system 64

Retracted 25.05.2023

STATE AND LAW

A.V.Ilyin, I.A. Starostina

Territorial state construction as a factor for choosing an electoral system 69

L.A. Romadova

Principles of labour legislation as a regulation of optimal functioning of a society 72

Y.A. Zhdanov

The organization of competitive selections for the opening positions in municipal service 80

S.I. Tsyganov

Improving of the special economic areas legislation 82

ECONOMIC POLICY

A.T. Tretyakov

Russian metallurgy in the reflection of the world and regional problems of economic development 88

CULTURE

L.A.Lipkaya, E.V. Lipkaya

Cultural and moral traditions as the basis of the modern educational politics 93

A.R. Tatarkina

The problem of leisure organization in towns of South Urals from late XIX to early XX century 99

HISTORY

G.S. Smirnov, S.S. Smirnov

Organization of general land surveying in Russia 104

V.A. Voropanov

Institution of scribes in the system of public positions in 1775-1864 (the provinces of Urals and Western Siberia) 111

SCIENCE

Devoted to the Anniversary of Chelyabinsk region. 119

The Second International Scientific Seminar of Historians of the USSR Defense Industry in the years of the Cold War 122

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

УДК 330.47

В. Д. ПОПОВ

«Неависти многое открывается, только не то, самое главное, что составляет суть вещей»

(Г. Федотов, русский философ)

Мир в панике от глобального наступления финансового кризиса. В мировом информационном пространстве нагнетается ненависть к основным его субъектам. И, очевидно, справедливо. Но паника и ненависть не решают проблем. Важно другое – понимание истинных причин такого еще небывалого кризиса. А отсюда поиск путей выхода из него.

Диалектика асимметричной информации

Сразу подчеркнем, что Россия, как и множество других стран, вошла в глобальное мировое пространство, стала одним из его участников. Это во-первых. Во-вторых, мировое экономическое пространство развивается благодаря или параллельно формированию мирового информационного пространства, эти два пространства органично взаимосвязаны. Действительно, «информационное пространство», как пишет Т.Ф. Берестова, «четко ассоциируется с единой системой общественных отношений», «возникает органическая и взаимная связь между общественным сознанием и информационным пространством» [1]. Информационное пространство есть продукт отражения общественного бытия и состояния общественного сознания, где существенную роль играет отражение отраженного, интерпретированного бизнесом, политиками и СМИ истинных фактов экономического и социального бытия. То есть, информационное пространство как совокупность объект-субъектных и субъект-субъектных отношений под давлением корыстных интересов бизнеса (он же владелец СМИ) может приобретать виртуальный, манипулятивный характер. И, в-третьих, информационная революция породила новый тип экономики – информационную экономику. Наш соотечественник К. Вальтух еще в 1996 году опубликовал в Новосибирске работу «Информационная теория

стоимости». Она почему-то не цитируется учеными и не упоминается практиками. М. Кастельс в 2000 году пишет о развитии «информационной экономики» [2]. И тоже остался по сути незамеченным.

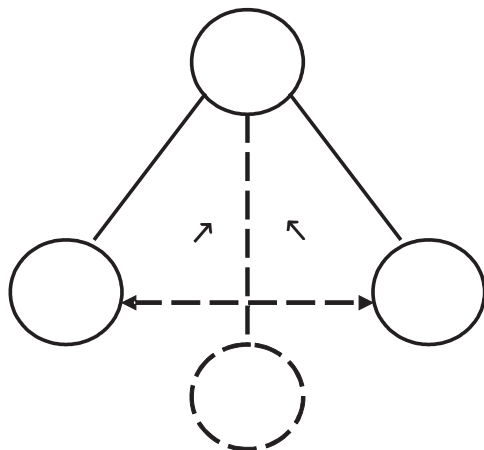
Наконец, известный по своим публикациям в России лауреат Нобелевской премии Д. Стиглиц получает признание за разработку «информационной экономики». В особенности за разработку идеи об «асимметричной информации». А в нашей науке и практике умалчивание. Почему? Видимо, потому (выскажу свое предположение), что именно алчное использование этой идеи Федеративной резервной системой США привело к финансовому кризису. И наши экономисты, вероятно, это учитывали, чтоб не давать бизнесу такое искушение. Хотя сама идея об асимметричной информации плодотворна. Но есть «закономерность» – любую хорошую идею можно извратить, превратить в свою противоположность. Очевидно, такое случилось и с «информационной экономикой», и с идеей о «асимметричной информации».

В этой связи вспоминается философский постулат М. Хайдеггера: «Существование предшествует сущности». Финансовый кризис – это извращенное, виртуальное существование финансов, предшествующее их сущности – труду, трудовой стоимости товаров в информационную эпоху. При этом не следует отождествлять онтологические свойства финансового и экономического кризиса. В основе экономического лежит материальное производство, перепроизводство товаров, у финансового – перепроизводство денег. Естественно, разорвать их нельзя, один влияет на другой. Сегодня финансовый кризис вызвал экономический ступор и в производстве. Но важно при этом знать, за коим приоритет, онтология, какая монада стала причиной нынешнего всемирного кризиса.

Такой монадой стала не столько денежная единица, сколько информация. Деньги –

цены не только эквивалент стоимости, это информация. М. Хассель справедливо заметил, что «сущность рыночной экономики» состоит в том, что собственность является источником мотивации, а цены – источник информации, необходимой для успешного ведения бизнеса» [3].

Представим «асимметричную информацию» как единство противоположностей в виде маятника-треугольника.

В секторе со знаком «+» заложено содержание положительной информации: объективной, истинной, правдиво отражающей реальную стоимость произведенного товара собственности, состояние экономических процессов и отношений между субъектами рынка, обладающих такими качествами, как совесть, честность, порядочность и лежащих в основе других черт характера рыночных субъектов: предприимчивость, расчетливость, экономичность, прозорливость и т.п. Иными словами – это конструктивная составляющая экономического сознания, экономической психологии бизнеса. Информация и знания здесь интеллектуальный человеческий капитал, который способен увеличивать стоимость и прибавочную стоимость, пусть не «здесь и сейчас», а опосредованно и в перспективе. Еще в «Капитале» К. Маркс показал, что труд учителя даст прибавочную стоимость через качество знаний, профессионализм учеников как будущих участников создания трудовой прибыли. То же самое относится к врачу, доценту, профессору. Они не нахлебники, а создатели прибавочной стоимости в общественном капитале.

В секторе со знаком «–» заложено содержание негативной, по сути искаженной ин-

формации, но способной виртуально увеличивать стоимость собственности и наращивать спекулятивный финансовый капитал. Сюда относится: спекулятивная, манипулятивная, эгоистически интерпретированная, завлекательно-потребительская («мыльная» реклама и т.п.), ложная информация, а также владение бизнес-элитой интерсайдерской информацией, которой обладает узкий круг лиц, и она недоступна массовому сознанию. Потребность в ней у народа подавляется, прикрывается бездуховной масскультурной информацией, доминирование на телевидении рэша (т.е. культурно-бытового мусора).

Вопрос: какой из этих двух секторов асимметричной информации был на вооружении экономики запада, прежде всего США?

Информационная атака

Алберт Гор очень точно назвал свою книгу «Атака на мозг» (М., 2008). Что это за атака? Это «политика запугивания» или технологии, формирующие психологию страха, ибо «страх – самый могучий враг разума» [4], где средства (угрозы, ложь, подкуп, манипуляции сознанием) оправдывают цель – получение сверхприбыли без особых затрат на производительный труд. В главе «Политика богачей» А. Гор пишет, что «на основе свободного доступа к информации» происходит «распределение богатства» [5].

Интерсайдерство как владение важной информацией узким кругом лиц формирует дефицит истинной экономической информации в общественном сознании, особенно в экономической психологии. В результате возникает паника, тревога, апатия, депрессия, фрустрация, мотивация к суициду, к эмиграции, усиливается страх населения перед последствиями кризиса. В таких условиях, по мнению А. Гора, проявляются закономерности: «в атмосфере постоянного страха общество предпочитает пренебрегать разумом и обращаться к лидерам, которые демонстрируют догматическую веру в идеологические постулаты», а, «обманывая верующих, «страх вытесняет рассудок, рассудок бросает вызов вере», но, тем не менее, «вера пересиливает страх» [6].

Вот почему важно не допустить трансформации финансового кризиса в кризис душевный, духовный, культурный.

Известный технолог информационных войн З. Бжезинский откровенно заявляет, что «социальное влияние Америки на мир в чем-то сродни феномену «культурной рево-

люции» и не связано с насилием, а оказываемое им воздействие более стойко в плане долгосрочных интересов и, в силу этого, обладает большим преобразующим потенциалом. Вдохновляемая Америкой глобальная культурная революция... изменяет социальную мораль, культурные ценности, личные вкусы, сексуальные запросы молодого населения почти всего мира» [7]. В этом контексте такой же характер носит и мировой финансовый кризис, начавшийся с США и, похоже, именно Америка в стратегическом плане выиграет от этого кризиса. Но заметим, насколько органично наступление США в глобальном экономическом и культурном пространстве. А как они управляют информационным пространством!? Последний пример – освещение западными массмедиа агрессии Грузии против Южной Осетии или газового конфликта Украины с Россией.

Однако из западного мира доносятся другие позиции. Тот же А. Гор говорил о тупике общества потребления в силу развитости материальных потребностей и неразвитости потребностей духовных. Европейские лидеры (Меркель, Саркози и др.) в дискуссии (январь 2009 г.) по сути признали закат существующего капитализма и необходимость в «новом капитализме», в «моральном капитализме», в глобальном корпоративном управлении экономикой в условиях информационной цивилизации как нового этапа трансформации всех государств мира. Встает проблема достижения консенсуса в целях управления мировым информационным процессом, согласованной экономической и информационной политики. Последняя – органическая часть научного, а не спекулятивного управления финансами, экономикой в целом.

Открытость власти перед обществом по народному принципу: лучше горькая правда, чем сладкая ложь – важнейший принцип государственной информационной политики и политики экономической. Его реализация не позволяет перерасти финансовому кризису в кризис психологический и духовный. Последние имеют более глубинные последствия, чем кризис экономический, ибо в психике людей от испытания переживаниями остается глубинный след в исторической памяти на уровне бессознательного, полная агрессивное эго. Сегодня архиважно восстанавливать фундаментальные ценности в сфере «Сверх-Я» (З. Фрейд) – совесть, стыд, порядочность, душевность, доброту, взаимопомощь, силу духа.

Обществу нужна не агитация и пропаганда на основе словесных обещаний и ожиданий, а аналитическая оценка, научный прогноз и адекватная информационная, массмедийная, культурная политика как искусство управления разумом, душой и духом народа в интересах этого же народа, его Отечества. Только не надо отождествлять такое управление с тоталитаризмом, цензурой, покушением на свободу слова. Важно учитывать роль «социального цензора» (З. Фрейд, Э.Фромм), не позволяющего поражать сознание, разум человека инстинктами алчности, наживы, агрессии, безудержного потребления и т.п. Академик В.Г. Афанасьев еще в 70-е годы прошлого столетия доказывал, что человек не только объект, а главный субъект управления. Надо быть активными владельцами своей судьбы, а не надеяться только на «добраго хозяина». В его работе «Человек в управлении обществом», в частности в главе: «Человек: управление самим собой» есть параграф о «сознательном и бессознательном в самоуправлении». В современном инновационном менеджменте такого подхода что-то не наблюдается. А ведь в этом корневая причина кризисов, поскольку субстратом экономики является не товар (как в классическом капитализме), а активный человек, обладающий чувством хозяина (или сохозяина), производящий товар с наименьшими затратами за счет повышения уровня своего профессионализма, интеллекта, умножения интеллектуальной собственности. В информационном обществе субстратом становится «информационный человек» (В.С. Егоров), т.е. человек, обогащенный полезной информацией, профессиональными знаниями (знания – это обобщенная социально значимая информация), способствующая повышению эффективности материального и гуманитарного, духовного производства, росту экономической и социально-политической активности.

Но есть другая сторона эпохи «информационного человека». Развитие информационной технологии делает его объектом манипулирования и зомбирования, психоаналитической атаки на бессознательное. А в нем заложен основной мотив поведения человека.

И вот тут мы подошли к проблеме «асимметричной информации», используемой «информационным человеком» в условиях развития «информационной экономики» и приведшей, на мой взгляд, к финансо-

вому кризису. В этом заложена одна из тайн его глобального характера проявления. Попробуем ее открыть.

От классической к новой формуле капитала

Обратимся, прежде всего, к известной формуле К. Маркса:

$$D - T - D' \text{ и т.д.}$$

где: **D** – финансовый капитал, вложенный в реальное производство;

T – товар, произведенный рабочей силой, трудом на вложенный капитал;

D' – финансовый капитал, увеличенный за счет прибыли, роста производительности труда, снижения затрат.

Далее этот цикл повторяется, увеличивается все его составляющие: растет величина **D**, т.е. финансирование реального производства прежнего или нового товара, умножается прибавочная стоимость. В результате увеличивается капитализация производства за счет роста совокупности основного и оборотного капитала. Открываются возможности роста заработной платы работников, решения социальных проблем за счет повышения производства труда и прибыли.

Теперь перейдем к информационной экономике и позволим применительно к ней трансформировать формулу классика. Но вначале условимся, что информационная экономика по критерию Д. Стиглица – «асимметричной информации» может быть двух видов. Первый построен на позитивной экономической информации. Назовем такую экономику конструктивно-созидательной или цивилизованной, более того инновационной. Ее можно представить следующей формулой:

$$D - T - I - D' - T' - I' - D''$$

где: **D** – первоначально или на определенном этапе вложенный и доставшийся (например, после приватизации предприятия) в производство капитал;

T – произведенный товар;

I – информация о товаре в маркетинговых технологиях, в рекламе, пиар-технологиях и т.п., т.е. реальные информационные затраты;

D' – возросший капитал за счет востребованности данного товара на рынке;

T' – рост произведенной массы товара за счет дополнительных капиталовложений;

I' – новый виток информационной раскрутки товара;

D'' – вновь возросший капитал за счет вложений в производство товаров в информационную политику предприятия, концерна, фирмы.

Заметим, что нельзя информационное общество представлять упрощенно, сводить к формуле – общество, где знания и информация являются товаром. Эту позицию четко выразил Ф. Уэбстер [8]. Сами по себе информация и знания ничего не стоят, значит, не являются товаром. Они обретают свойство товара, во-первых, когда ими владеет человек как производительная сила; во-вторых, когда они (т.е. информация и знания) повышают квалификацию работника, производительность труда, расширяют его кругозор, экономическую и политическую (политико-экономическую) грамотность, уровень экономического сознания. В-третьих, информация и знания лишь тогда становятся товаром, когда работник представляет себя на ранке труда и его знания обретают свойство товара, а главное, когда информация и знания оцениваются, учитываются в затратах на произведенного работником реально-стоимостного продукта, в его себестоимости и в получаемой прибыли. Есть народная пословица «без труда не выловишь рыбку из пруда». Без интеллектуализации труда – не будет самого труда, т.е. информационного общества.

Средством его формирования является информационная политика, она развивается как искусство управления в двух ипостасях: 1) управление с помощью информации всеми сферами жизнедеятельности социума: экономикой, политикой, социальной, культурной, духовной и т.д.; 2) управление собственно информационной сферой. И во всех случаях правомерно говорить о прибыли, получаемой за счет применения, использования потенциальных свойств информации. Прибыль может быть материальной, экономической, финансовой, а также интеллектуальной, нравственной, духовной, экологической (например, от информационной защиты русского народа от реликта) и собственно информационной (инновационное приращение информации и знаний). Асимметричность информации применима не только в экономике, но и в политике, культуре, искусстве и, особенно, в медийной

политике, когда, скажем, только очерняется все советское прошлое или культивируются в кино и на телевидении в основном негативные черты русского характера и затушевываются лучшие. Это подрывает у людей и силу, и волю, а главное – силу воли, силу духа, что негативно сказывается на экономике и усугубляет переживание кризиса. А сила воли и духа опускается на дно ящика Пандоры в виде феноменов глубинной психологии, российского бессознательного, а осознание бедствий на уровне поверхностной психологии восприятия проблем кризиса.

Информация в ящике Пандоры

Пандора (греч. Pandora, букв. – всем одаренная), в греческой мифологии женщина, созданная Гефестом (богом огня) по воле Зевса в наказание людям за похищение Прометеем огня у богов. Она пленила своей красотой брата Прометея и стала его женой. Увидев в доме мужа ящик, наполненный бедствиями, открыла его, и все бедствия распространились по земле. Но крышка захлопнулась тогда, когда на дне оставалась лишь надежда. В контексте теории Д. Стиглица эта надежда в виде объективной, истинной, правдивой информации, а бедствия от несовершенства виртуальной информации.

Подчеркнем, что Д. Стиглиц стал лауреатом Нобелевской премии за разработку «новой информационной парадигмы» в экономических исследованиях, в обосновании нового типа (вида) или этапа развития экономики – «информационной экономики». Стержневой идеей его инновации было вскрытие «экономик с несовершенной информацией», т.е. негативной информации, использование преимуществ положительных свойств «асимметричной информации».

В Нобелевской лекции он констатирует, что «мы идентифицировали одну из ключевых проблем информационной экономики, а именно трудность выгоды от информации» [9]. Д. Стиглиц доказывает, что «информационная экономика подорвала долгое время казавшиеся незыблемыми принципы экономической науки и в то же время она позволила дать объяснение многим явлениям, оставшимся необъясненными», «информационная экономика представляет собой фундаментальное изменение парадигмы, господствующей в экономической науке, а именно – парадигмы несовершенной информации», меняя модель возможностей

«открытия ящика Пандоры». В этом ящике, образно говоря, заложена несовершенная (негативная) информация и совершенная созидательная (положительная) информация.

В интерпретации Д. Стиглица можно понять, что в ящике Пандоры бедствия – это «несовершенство информации» и его можно устранить на основе теории об «асимметричной информации», добывая со дна ящика надежную, созидательную информацию. Асимметричность сама по себе есть единство противоположностей. Например, «несовершенство информации» в виде спекулятивной стороны «асимметричной информации» привело к построению в США финансовой пирамиды, которая стала рушиться и вызвала мировой кризис. «Несовершенство информации» мы видим и в таких информационных технологиях, как: 25 кадр, НЛП (нейролингвистическое программирование), зомбирование. Это латентные технологии. Но есть открытые, например, манипулятивные технологии. Яркий пример их применения – освещение западными СМИ грузинско-осетинской войны, когда агрессор асимметрично стал жертвой.

В перспективе важно, чтобы в захлопнувшемся «ящике Пандоры» открыть и достать на дне надежду. Открыть для конструктивной, объективной информации и выпустить надежду в современный мир. Ключ для этого – научная информационная политика как средство реализации открытой экономической политики.

Несовершенство информации и виртуальная экономика

В контексте теории «несовершенства информации» вырисовывается второй вид информационной экономики, создаваемой, развиваемой преимущественно на основе негативной экономической (точнее политической) информации. Назовем ее виртуальной или мифологической информацией, а информационную экономику представим такой формулой:

$$A1 - A2 - A_n$$

$$D - T - I - D' \begin{matrix} \swarrow \\ I' \end{matrix} \begin{matrix} \searrow \\ D'' \end{matrix} \rightarrow K,$$

$$T \rightarrow T'$$

где: **D** – первоначально вложенный капитал;
T – произведенный товар;
D' – возросший капитал за счет произведенного трудом товара;
A1 – выпуск акций за счет (I), т.е. информационной раскрутки не только

товара, но и предприятия, фирмы, превышающей в разы стоимость основного и оборотного капитала, путь к формированию виртуальной информационной экономики;

A2 – повторение той же операции, когда при информационной раскрутке предприятия вновь увеличивается выпуск ценных бумаг, акций. Растут их продажи, доходность (по сути, только информационного характера), при этом срачиваются фирмы или образуются дочерние – вновь увеличение выпуска акций, других ценных бумаг. И опять выброс на рынок ценных бумаг, новых акций. Банки, надутые реальными и виртуальными деньгами, завлекают граждан высокими процентами, кредитами. Общество потребления процветает;

T – T' – прежний объем товара + некоторое его приращение за счет информационных затрат. Товар уходит на второй план, деньги начинают делать деньги, труд, трудовая стоимость товара практически не меняется.

K – капитализация предприятия, в несколько раз превышающая его реально существующий произведенно-стоимостный капитал.

В результате развития такой виртуальной информационной экономики происходит:

- искусственное построение финансовых пирамид или «мыльных пузырей», которые не могут быть долгожителями, наступает момент, когда они быстро рушатся и лопаются, что немедленно ведет к кризису;

- образуется дисбаланс между виртуальным объектом финансов и реальной капитализацией экономики;

- разрыв между мониторингской экономической политикой (по сути спекулятивной) и производственной, промышленной экономической политикой;

- уход экономической, олигархической, да и политической элиты в психическое состояние самоуспокоенности и самодовольства, в точку «БК» – бизнес-кайф, где теряется бдительность, атрофируется инстинкт самосохранения в конкурентной экономике. При этом отсутствует потребность в истинно научном анализе и прогнозе. Мотив увеличения богатства посредством информации – доминанта экономической психологии. В итоге вдруг как снег на голову падает кризис. А где прогноз? Но надежда

выхода из кризиса остается, только ее надо достать со дна ящика Пандоры. Надежда – в использовании истинной информации, идентичной реальной капитализации предприятий, фирм, банков.

Наряду с негативными есть и другие последствия кризиса – оздоровительные. Всякий кризис – это и очищение от всего наносного, грехоподобного, неестественного для сущностных свойств человеческого бытия. Кризис – это отрезвление ума. Это и сжатие сверхбогатств, затягивание поясов для уменьшения лишнего финансово-спекулятивного веса. Для России – это очищение от олигархизма как болезни роскошью. Возможно, у нас снизится разрыв между обедневшим богатым меньшинством и стойким в выживании бедным большинством. Жаль среднего класса и беднеющей интеллигенции. Но «жаль» проходит, вытесняется из психики, когда истина возрождается. Появляется надежда, что наша элита будет нуждаться в гуманитарных научных разработках. Верится, что как и прежде и не раз из бессознательного произойдет вбрасывание в сознание нашей архетипической троицы: Веры, Надежды и Любви. Они вновь спасут нас и нашу Мать – Россию. Спасут душу и дух, силу духа нашего народа.

Что делать?

И все-таки возникает вечный вопрос после смут, революций, кризисов: что делать? С позиций неизбежного развития информационной экономики необходимо вставать на созидательный, цивилизованный путь ее развития. Информационную революцию остановить невозможно. Но ее результаты надо использовать во благо материального производства, создание не только «финансовой подушки» безопасности, а «промышленной подушки». Вот одна поучительная экономическая ситуация. Оказывается, что мировой финансовый кризис наносит совсем не такой драматический удар по Италии, как по другим странам Европы, если верить публикациям [10]. Там нет массовых увольнений или сокращения зарплат. Люди не подвержены панике, не бегут в банки снимать деньги, не гадают, в какую валюту перевести сбережения, чтобы меньше потерять. И если бы не СМИ, которые постоянно раздувают тему мировой экономической и финансовой катастрофы, никто особо и не ощутил ее.

Почему у итальянцев мировой финансовый кризис не вызывает паники и резкого

падения капитализации предприятий, банков и т.д. Причин несколько. Выделим наиболее значимые. Во-первых, это наличие «промышленной подушки безопасности» – промышленное производство в Италии на фоне других европейских стран выглядит более стабильным, несет наименьшие потери за счет конкурентоспособности выпускаемой продукции. Так, экспорт итальянской продукции в 2008 году вырос до 69,6 миллиарда евро, а в Великобритании всего на 9,5 миллиарда евро, даже Франция продала своих товаров за границу меньше на 26 миллиардов [11]. Во-вторых, в бизнесе Италии не играли так активно на биржах, не спекулировали акциями, не строили финансовых пирамид, честно вели дела, не обманывали акционеров. Из этой страны невероятно трудно было перегнать капитал за кордон, за этим строго следила и следит финансовая полиция, за сохранением рабочих мест горой стоят профсоюзы, кредитные организации очень профессионально просчитывают риски.

И, наконец, самый важный вывод, который делает Н.М. Барышев на основе общения с экономической элитой Италии. И который, кстати, коррелируется с последними заявлениями Саркози и Меркель в оценке современного капитализма. В Италии думающие люди приходят к выводу: современный капитализм, его «система была выстроена на песке, поскольку в последние годы капитализм во многих случаях производит деньги из воздуха, ничего не создавая, за счет спекуляции» [12]. Вот она виртуальная информационная экономика, о развитии которой как о «тревожной тенденции» предупреждал в 90-е годы Д. Стиглиц. Нашей российской элите не помешал бы трезвый, научный анализ причин проявления мирового кризиса в отечественной экономике, «преимуществ» российского капитализма, в насущной потребности в его трансформации. Завышенные ожидания могут очень дорого обойтись и элите, и народу. И Отечеству. Или и России, как и Италию, финансовые катаклизмы обойдут стороной? Тогда об этом убедительно, доходчиво, доказательно надо объяснить народу, вытеснить из его психологии тревогу, страх, панические настроения, апатию, депрессию. Важно понять, что психический кризис может стать более разрушительным, чем финансовый. И еще – какова судьба современного капитализма?

В этой связи вспоминается кризис капи-

талистической экономики в развитых странах (1976–1980 гг). Для его преодоления тогда объединилось 16 стран, они совместно разработали и реализовали программу ESOP (Employee Stock Ownership Plan). Она была описана в ряде наших отечественных экономических журналов в 90-е годы как программа участия сотрудников в управлении собственностью. Иначе ее еще называли программой «деприватизации» или развития «экономической демократии». Чтобы понять ее суть, важно иметь в виду функции собственности: владения, распоряжения, распределения, потребления (т.е. прибыли от ее функционирования).

В обобщенном виде [13] суть программы ESOP можно выразить решаемыми задачами:

1) расширение числа собственников с частичной приватизацией функции владения (основная доля собственности оставалась во владении прежнего собственника, например, частного владельца корпорации);

2) формирование структур: «сверхкорпорация – микробизнес» или дробление под одной управленческой крышей сверхкорпорации на относительно хозрасчетные фирмы (на принципах малого и среднего бизнеса);

3) третья задача являлась по сути информационно-психологической – необходимо было сменить с «минуса» на «плюс» значение главного мотива экономического поведения, т.е. сменить механизм отчуждения наемного работника от собственности на механизм сопричастности, соучастия, сохозяина в корпоративном управлении собственностью. Собственность сверхкорпорации и ее фирм была оценена реально и адекватно ей были наделены наемные работники. Они имели юридическое право голоса на собраниях акционеров при реализации функции собственности: распоряжения (управления), распределения и потребления (получение дивидендов и др).

Результат: производительность труда за 10 лет выросла в этих странах в среднем в 1,7 раза, следовательно, увеличилась оплата труда и вес процентов, выплачиваемых по акциям. В ходе выполнения данной программы в США было декапитализировано 11 тысяч корпораций, 12 млн наемных работников стали сохозяевами предприятий. Собственниками реальных, а не виртуальных акций в Японии стали 95% работающего населения, в США – 70%. Число предприятий, перешедших на принципы акционерно-

го или корпоративного управления собственностью только за 5 лет в Англии с 36 выросло до 1600, во Франции – с 537 до 1600, в США к 1985 году в 10237 таких фирмах работало свыше 10 млн чел. [14]. Но главный результат – формирование психологии рачительного хозяина. В условиях кризиса, приглушения негативных психических состояний людей важно реализовывать психотерапевтическую функцию информационной политики [15]. Она направлена на погашение негативных психических состояний: паники, стресса, апатии, депрессии, фрустрации.

Особо подчеркнем, что во время кризиса 70-х годов информационная экономика только еще начала развиваться, не было массового соблазна виртуально-информационного увеличения капитализации фирм. Акции сохозяев были реальными, с выплатой дивидендов, а не дутые и ложные, обманные. Встает вопрос: почему бы не объединиться, например, двадцатке стран и не возродить на обновленной основе данные принципы программы ESOP, устранив негатив, виртуальность из асимметричной информации? И сделав ставку на позитивной, истинной информации? Для этого, очевидно, нужна слаженная, согласованная, экономическая и информационная политика, общий политэкономический подход в преодолении современного глобального финансового кризиса.

В разделе «Политическая экономия информации» своей Нобелевской лекции Д. Стиглиц пишет о «путях воздействия на политические процессы», подчеркивая, что «информационное несовершенство и асимметрии пронизывают все аспекты повседневной жизни и все структуры общества», «политические процессы неизбежно создают информационные асимметрии» [16]. И предупреждает: «В контексте политических процессов, где возможности «ухода актеров со сцены» ограничены, нужно быть особенно внимательным к злоупотреблениям» [17]. И мы видим, как эти злоупотребления совершаются в международной политике. Мы наблюдаем, как информационное пространство ограничено связано с политическим пространством, где увеличение скорости движения и качества обмена информацией «снимают» или «расширяют» политическое время, а значит расширяют или сужают возможности информационной политики как искусства управления экономикой со стороны разных стран.

«Информационная экономика, – отме-

чает Д. Стиглиц в другой работе: «Глобализация: тревожные тенденции» (М., 2003), с ее более точным анализом рынков труда, капитала и товаров дает возможность конструировать макроэкономические модели, которые позволяют глубже вникать в причины безработицы, объясняют флуктуации, рецессию и депрессию, сопутствующие капитализму со времен его возникновения». Теория информационной экономики позволяет «сделать важные выводы для экономической политики» [18], дает, например, понимание того, что «запредельное повышение ставок ведет к банкротству фирм, перегруженных задолженностью» [19]. И он признается, что противоречия этой теории политические предписания навязывались бизнесу, в особенности Международным валютным фондом (МВФ) и другими финансовыми структурами. В результате несовершенства информации, игнорирования финансовыми властями теории информационной экономики привело к современному кризису. И еще в своем научном труде Д. Стиглиц пишет главу: «Всесильная ФРС и ее роль в раздувании «мыльного пузыря», «Банки и мыльный пузырь» и особо указывает на «безответственное управление глобализации» со стороны Америки [20]. Парадокс: Америка проигнорировала научные прогнозы своего же – американского лауреата Нобелевской премии. И. Ильин считал, что в начале XX века «Россия погубила полунаука». Можно сказать, что кризис в США породила полунаука. Выход: задействовать созидательный потенциал информационной экономики. Для России это новое, инновационное направление в экономической и информационной теории, в практике госрегулирования рыночных отношений. В этом заключается потенциальная миссия России, ее власти и народа, для этого надо в инновационной политике осваивать информационную теорию социального прогресса.

Тодд Сенделер разъяснил технологию применения «асимметричной информации» на примере с продажей недвижимости, когда «одна сторона в сделке более информирована, чем другая» [21]. Одна сторона – владелец дома, выставляет его на продажу и он, естественно, истинно информирован о недостатках своего товара. Перед покупателем он их скрывает, тем самым за счёт его неинформированности продает дом по выгодной ему цене. С подобными сделками наше население имеет дело ежедневно на всех российских рынках, оказываясь слабо информированными. В результате покупатель остается в проиг-

рыше. Часто это происходит в силу своей инфантильности или лености, или пофигизма, или... Или в силу отсутствия экономического просвещения, экономической информационной политики как средства формирования грамотного массового экономического сознания, адекватного правилам цивилизованного рынка.

Есть еще одна причина современного финансового кризиса. Думается, он случился еще и по причине кризиса методологии в науке, интеллектуального кризиса экономической и политической элиты, прогностической теории. Очевидно, наступает время развития новой – информационной теории.

Следует принять во внимание концептуальный тезис универсального эволюционизма: «В науке имеется ряд исследовательских программ или своего рода методологических подходов, в отношении которых пока не сказано «последнего слова». Один из таких подходов – признание всеобщности информации – оказывается наиболее плодотворным, и эта точка зрения получает все больше аргументов «за» [22].

Занимаясь разработкой проблем экономического сознания и экономической психологией, получив прививку к экономической науке, будучи преподавателем в вузе, я задавался вопросом: почему в отечественной экономической науке не разрабатывается информационная экономика? В вузах не читаются лекции по экономической психологии, по технологиям формирования рыночного, экономического, сознания? Не отсюда ли искаженная асимметричность в понимании преимуществ рынка у элиты и большинства населения? Кому его ни задавал, получал почему-то чаще молчаливый ответ. Иногда такой – не до этого, есть проблемы поважнее, или коротко – время не пришло. Как же так? Время-то сжимается, так можно отстать навсегда. Почему не открывается ящик Пандоры с тем, чтобы со дна и с помощью асимметричной информации достать надежду, веру в будущее и развеять ее по информационному полю России?

Согласно указу Президента РФ должна реализоваться «Стратегия развития информационного общества в РФ». Очевидно, что оно не может развиваться без развития информационной теории и практики инновационной экономики как базиса этого общества.

В настоящее время ученые все чаще обращаются к разгадкам многих явлений на основе разработки энергоинформационной теории. Это феноменология Н. Теслы, «магия

биополя» Л. Гримака, информационной теории эволюции, коммуникативной природы власти, закономерностей функционирования медиакоммуникации Н. Лумана. Введение понятия «эгрегора» как информационной субстанции, «теории энергоинформационного обмена» Б. Ратникова, Г. Рогозина, «сверхслабых информационных взаимодействий» А. Клюха, информационной теории общества Э. Тоффлера – это реальные шаги в разработке информационной теории формирования проекта будущего.

Труды по рефлексологии нашего «отечественного Фрейда» академика В.М. Бехтерева, «Магия мозга» его внуки Н.П. Бехтеревой открывают психологические завесы в познании коммуникативно-информационной сущности человека. «Философия информационной цивилизации» Р.Ф. Абдеева, теория производства и перепроизводства информации А.С. Панарина, его идея «социальной аномии», «духовной власти» и труды других ученых выходят так или иначе на проблемы информационной теории. Видимо, без опоры на нее невозможно разрешение кризисных явлений. Решение проблем экономики, политики, культуры, духовной жизни, управления всеми сферами жизни социума, в особенности – управления информационной сферой, сформировало потребность в обновлении и теории журналистики за счет введения новой научной специальности – журналистики как политической науки и более фундаментальной и новой науки – социальной информатологии.

И еще один заключительный аспект. Политологи ввели понятие «информационная власть». Они считают, что «информационная власть все больше вторгается во все сферы общественных отношений, приобретая в некоторых случаях самодовлеющее значение» [23]. Одним из таких случаев является ее вторжение в финансовые, экономические, политические отношения в обществе. Следовательно, от эффективности информационной власти зависит решение проблем выхода из финансового кризиса на основе развитой системы корпоративного управления отношениями собственности. При этом экономическая политика органично сливается с информационной политикой.

Итак, в условиях развития, формирования информационного общества информация становится одним из основных субстратов управления обществом будущего. Хотим мы того или нет, но придется в скором будущем овладеть информационной теорией и соответствующей ей практикой регулирования общественных процессов.

1. Социум и власть. 2008. № 3. С.7.
2. Кастельс М. Информационная эпоха, общество и культура. М., 2000.
3. Корпоративное управление. Владельцы, директора и наемные работники акционерного общества. М., 1996. С. 7.
4. Гор А. Атака на мозг. – М., 2008. С. 41.
5. Там же. С. 119.
6. Гор А. Там же. С. 74, 75.
7. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2007. С. 230.
8. См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М., 2004. С. 372–373.
9. Джожеф Е., Стиглиц Д. Информация и смена парадигмы в экономической науке. В кн. «Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков». В 5 томах. Том V. Книга вторая. Лекции Нобелевских лауреатов. М. 2005.
10. Барышев Н.В. В ожидании перемен. Итальянцы надеются, что мировые финансовые катаклизмы обойдут их стороной. Литературная газета, 14–20 января 2009 года.
11. Барышев Н.В. В ожидании перемен. Итальянцы надеются, что мировые финансовые катаклизмы обойдут их стороной. Литературная газета, 14–20 января 2009 года.
12. Там же.
13. Об этом автор писал в своих публикациях. См.: например, Попов В.Д. – Информациология и информационная политика. М., 2001.
14. Там же. С. 79–80.
15. См.: Попов В.Д. Тайны информационной политики (социокоммуникативный психоанализ информационных процессов). Изд-ие третье. М., 2007. С. 207–210.
16. Стиглиц Д. Информация и смена парадигмы в экономической науке. Лекции Нобелевских лауреатов. Книга вторая. С. 604–605.
17. Там же, с. 606.
18. Стиглиц Д. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 10.
19. Там же.
20. Стиглиц Д. Ревущие девяностые. Семена развала. М. 2005. С. 103–133, 190–222, 385–399.
21. Тодд Сендлер «Экономические концепции для общественных наук». М., 2006, с. 155.
22. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Универсальный эволюционизм. – М., 2007. С. 39. (подчеркнуто автором).
23. Политология. Учебник. Изд-е второе, доп. и перераб. Под общей ред. д. ф. н., проф. Комаровского В.С. – М., 2006. С. 82.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

УДК 323.2

А. А. БОРИСЕНКОВ

Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать различные подходы к толкованию гражданского общества, раскрыть его сущность, важнейшие черты и особенности формирования. Главный интерес статьи связан с осмыслением понятий, посредством которых познаётся и раскрывается данное явление.

Как объект исследования гражданское общество отражается различными видами общественного сознания, например, историей, социологией, философией, психологией, культурологией. Особый интерес к данному феномену существует у политологии. Он обусловлен влиянием, которое оказывает гражданское общество на развитие демократии, на совершенствование политического режима в государстве и на само государство. При этом демократия, политика и государство составляют важнейшие факторы развития гражданского общества и определяют собой важнейшие «линии» его осмысления.

Соотношение гражданского общества и демократии. Существует мнение, что гражданское общество является фундаментом демократии [1]. Такое утверждение порождает определённые противоречия в толковании и гражданского общества, и демократии. Получается, что в условиях, когда гражданское общество отсутствует или не развито, демократия невозможна. Однако это не совсем так.

Исторический опыт показывает, что гражданское общество формируется не сразу и не всегда существует в своём развитом состоянии. А демократия может «оказаться неизбежной» при любом государственном устройстве, даже в условиях тирании и диктатуры, когда гражданские права и свободы рядовых людей сведены к своему минимальному уровню. Всё дело в том, какие формы принимает демократия в этих условиях.

История говорит о том, что явления демократии могут быть различными и не обязательно связаны с наличием и развито-

стью гражданского общества. Например, демократия может носить *протестный* характер. Такая демократия, как правило, разрушительна и губительна для существующего общественного строя. В качестве примеров можно назвать восстание рабов и бунт крепостных. Это может быть и требование народа к царю выдать заговорщиков, что бывало в российской истории. Всё это вполне может служить особым явлением демократии, представляющим её в своей крайней форме, как протестную демократию. Такого рода демократия может быть обусловлена формальным бесправием людей в государстве, а значит, отсутствием гражданского общества.

Попробуем обобщить разнообразие явлений демократии – от её экстремальных, протестных и разрушительных форм и до вполне «мирных», законодательно признанных и «созидательно» ориентированных, как, например, парламентские выборы. В результате обнаруживается, что несмотря на широту и крайности отмеченного спектра, в содержании различных проявлений демократии есть нечто устойчивое и повторяющееся. Оно состоит в том, что все эти явления, во-первых, представляют собой ту или иную форму осуществления людьми своих массовых действий, массовой активности. Во-вторых, эта активность так или иначе направлена на тех, кто исполняет функцию руководства.

Цели, которые непосредственно ставят перед собой люди, принимающие участие в демократических акциях, могут быть различными. Могут быть различными по форме и сами эти акции. Однако названные выше характеристики демократии носят вполне объективный и устойчивый характер. Демократия – это всегда массовые выступления людей, явления «народной активности». Кроме того, демократия – это всегда влияние на «власть», на тех, кто принимает руководящие решения, на политические учреждения. Именно такая активность людей составляет главное в содержании народовластия. Де-

мократия – это массовая активность людей, служащая средством влияния на политические учреждения.

Из предлагаемой трактовки следует, что действительный фундамент демократии заключается в особой социальной силе, которая возникает вследствие указанной активности. Демократия как явление «опирается» на объединённые действия людей, на возникающую при этом особую социальную силу и вполне может «мыслиться» без гражданского общества.

Важнейшая особенность «протестной» демократии состоит в том, что она проявляется в виде социального конфликта и потому носит разрушительный характер. Примером может служить не только «революционный подъём» народных масс, но и различные забастовки, митинги протеста, марши «несогласных» и т.п., что характерно для современной эпохи. А результатом являются разрушения, которые могут быть весьма «болезненными» и для общества в целом, и для отдельных людей, участвующих в такой демократии.

Если обратиться к новейшей истории России, то в качестве наиболее яркого примера протестной демократии можно назвать выступления пенсионеров в январе 2005 г. (240 тыс. чел.) [2]. Как известно, они выразили протест против «неудачно» проводимой «сверху» реформы, в частности, против закона о «монетизации льгот». Это был протест против политики, ущемляющей, как казалось пенсионерам, их жизненные права.

Понятно, что такое выступление нельзя сравнивать с восстанием рабов. Он составляет особый случай протестной демократии, происходящей в условиях конституционно признанных гражданских прав. И, тем не менее, этот факт примечателен тем, что он послужил явлением демократии: состоялось массовое выступление людей, направленное на субъектов государственной политики. С другой стороны, – он «высветил» неразвитость российского гражданского общества, неразвитость гражданских форм взаимодействия с руководителями государства. Он показал «слабость» или вовсе отсутствие таких гражданских учреждений, которые были бы специально предназначены защищать права указанной социальной группы, особенно перед «угрозой», исходящей от нашего далеко ещё не правового государства.

Таким образом, не всякая демократия, не всякое её проявление несёт в себе только «положительный заряд». Но в том, что она время от времени происходит, содержится

факт, что демократия возможна в условиях любого государства. Она создаёт особый «стимул» для политиков, побуждая их к совершенствованию общественных условий. В свою очередь современное гражданское общество служит предпосылкой для более упорядоченного и рационального осуществления демократии. Такая демократия становится всё более «мирной» и контролируемой прежде всего со стороны самих граждан.

В свете сказанного представляется интересным словосочетание «гражданская демократия» [3]. На наш взгляд, оно не является случайным. Разделение людей на свободных и рабов в античном обществе, граждан и «неграждан», например, в современных балтийских государствах, – всё это может служить основанием и для соответствующей классификации демократии. Видимо, можно поставить вопрос о демократии, действительно осуществляемой гражданами, о демократии, которая опосредствована использованием гражданских прав. Такую демократию вполне можно назвать и гражданской, и созидательной в отличие от демократии, осуществляемой «негражданами» и имеющей только протестный характер. Следовательно, развитие гражданского общества способствует совершенствованию демократии, но не является её фундаментом.

Соотношение гражданского общества и политики. Данная проблема рождена представлениями о том, что гражданское общество есть «политический феномен». Этим гражданское общество как бы «зачисляют в разряд» политических явлений. В результате возникает вопрос: может ли гражданское общество как особое общественное явление отражать сущность другого особого общественного явления, называемого политикой?

Кажется, что этот вопрос парадоксален по своей постановке. Тем не менее, отдельные исследователи «отстаивают» политический характер гражданского общества. При этом гражданское общество рассматривается в качестве субъекта публичной политики, а сама эта политика определяется как «поле взаимодействия государства и других субъектов политических отношений (партий, групп интересов, общественных движений и др.), характеризующееся той или иной степенью открытости и «прозрачности»» [4].

В данной позиции выделяется ряд важных проблем, относящихся к политической теории. Назовём их: политика как особое общественное явление, её сущность и мно-

гообразии видов; государственная политика как наиболее сложный политический вид; публичная политика как политический вид и её особенности; политические отношения, их сущность и различные виды; субъекты политики, критерии их выделения и виды. Содержательно – это весьма не простые теоретические вопросы. Но их изучение позволяет сделать ряд принципиальных выводов.

Во-первых, раскрытие содержания любого общественного явления с помощью обобщенной терминологии, характерной для средств массовой информации и неформального общения, мало продуктивно и способно привести к путанице. Например, словосочетание «поле взаимодействия» ничего не даёт для понимания особенностей «публичной политики», а исказить реальное содержание этого понятия, а заодно и других, связанных с ним, вполне может.

Так, «полем взаимодействия» и для государства, и для гражданского общества могут выступать проблемы, относящиеся к различным областям общественной жизни: политике, экономике, социальной сфере. «Поле взаимодействия» – это образное и весьма широкое по своему значению словосочетание, которое характеризует не саму политику или экономику, или социальную сферу. Оно отражает наличие у данных социальных субъектов общих проблем в разных областях жизни, а также необходимость совместных действий этих субъектов для их решения. Но оно совсем не является характеристикой самих областей общественной жизни и соответствующих им явлений, включая политику с её разновидностями.

Во-вторых, согласно достижениям политической теории, субъектами той или иной политики могут быть только те, кто обладает и реально распоряжается соответствующей политической властью. Например, если представить государство политическим субъектом (т.е. субъектом своей государственной политики), то оно должно обладать и своей собственной политической властью, посредством которой могло бы принимать необходимые для себя руководящие решения. Такое государство – конечно же, субъект политики, но политики своей, им разработанной и им же осуществляемой, включая и свою публичную политику.

Гражданское общество также может быть особым социальным субъектом и также может иметь свою политику. Но у него свои возможности и своя политическая

власть, совсем не тождественная той, что есть у государства. Поэтому государство и гражданское общество как политические субъекты являются субъектами разных «политик». При этом каждый из них может осуществлять и свою публичную политику. «Публичность» политики – это вовсе не характеристика её «общности» для различных политических субъектов.

Возникает вопрос: могут ли данные субъекты взаимодействовать между собой, решая общие для себя проблемы? Вполне, если у них есть необходимое к тому стремление. Однако каждый из них при этом всё равно остаётся субъектом своей политики. Это означает, что «поле взаимодействия» государства и гражданского общества не есть особый политический институт, посредством которого принимаются их совместные руководящие решения. «Поле взаимодействия» – это только «место их встречи» для выработки общей позиции. Руководящие же для себя решения каждый из этих субъектов всё равно принимает сам, на основе своих возможностей и с помощью собственных политических учреждений.

В-третьих, ни государство, ни гражданское общество как политические субъекты в состав своей политики не входят и компонентами её не являются. Это означает, что они сами не относятся к политическим явлениям и политическим характером не обладают. Субъект политики и сама политика – это разные явления [5]. Каждый из названных субъектов – и гражданское общество, и государство – имеет не только собственную сущность, но и свою логику развития, своё назначение в обществе. Это отличает каждого из них от своей политики, представляющей лишь явление их управленческой сферы.

Попытку наделить гражданское общество политическим характером можно объяснить только расширительной трактовкой понятия политики и, в частности, понятия политической жизни. Иной раз к явлениям политической жизни государства относятся такие социальные образования, как партии и политические движения, общественные организации и даже средства массовой информации. В результате происходит смешение различных видов общественной жизни, а именно: политической жизни государства и жизни гражданского общества. Кроме того, смешиваются и соответствующие им виды общественных учреждений: политические учреждения государства и учреждения гражданского общества. Такое

смешение кажется особенно странным на фоне встречающихся утверждений о независимости гражданского общества от государства.

Взаимосвязь гражданского общества и государства. В научной литературе отмечается, что главным в попытке выделить его критерии всегда было его сопоставление с государством, а точнее, противопоставление ему, стремление подчеркнуть его независимость от государства, его «негосударственность» [6].

И сегодня гражданское общество продолжает трактоваться как нечто существующее «вне рамок государства», «независимо от него», «без его вмешательства», как некая его «противоположность» и т.п. Самый «простой» вариант характеристики гражданского общества состоит в том, что его называют «негосударством». Например, утверждается, что «мы вполне можем говорить о гражданском обществе как негосударстве» [7].

На наш взгляд, такая характеристика гражданского общества по существу ничего не раскрывает в нём самом и является весьма неопределённой. Кроме того, вся общественная жизнь в своих разновидностях и вся совокупность общественных явлений сводится к разделению на государство и гражданское общество. Остаётся неясным, как быть с другими общественными явлениями, другими видами общественной жизни, которые не относятся ни к государству, ни к гражданскому обществу.

«Негосударством» можно назвать всё, что находится за «пределами» государственных учреждений. Например, экономика, социальные группы, демократия и, конечно же, гражданское общество. Даже тоталитарное государство, несмотря на его «всеохватывающее» влияние на общество, совсем не есть, например, экономика. Экономика – это в любом случае «негосударство». Термин «негосударство» ничего не прибавляет нам в понимании гражданского общества.

Продолжая линию сопоставления гражданского общества и государства, ряд исследователей предпринимает попытку раскрыть особенности гражданского общества на основе утверждения о его «независимости» от государства [8]. Что может означать такая независимость для гражданского общества? Свободу от государства? Неподчинение его законам? Существование «вне государства»? Или ещё что-то? Например, античное гражданское общество в своём существовании очень сильно зависело от своего государства,

защищавшего и право граждан на рабовладение, и от возможного нападения со стороны рабов.

Идея «независимости» гражданского общества от государства также ничего не прибавляет в понимании этого общества, его сущности, но заново ставит вопрос о необходимости государства. Если граждане «всё могут сами», то зачем им государство? Зачем им требовать от государства предоставить им гражданские права, а затем ещё и защищать их? Идея «независимости» гражданского общества от государства по существу запутывает изучение этого общества.

Есть исследователи, которые пытаются объяснить «независимость» гражданского общества от государства тем, что характеризуют данное общество как особую общественную сферу, «свободную от государственной власти». Например, О.Ф. Шабров пишет: «Под гражданским обществом понимается сфера общественных отношений, свободная от государственной власти, лежащая за пределами властно-политических отношений. В этом смысле гражданское общество существует там, где существует государство как его противоположность» [9].

Здесь необходимо отметить, что государственная власть не есть нечто «бестелесное» существующее, не имеющее своего воплощения. Всякая общественная власть, включая государственную, проявляется в виде соответствующих ей учреждений, к которым она «прикреплена». С этой точки зрения государственная власть представлена совокупностью своих (государственных) учреждений, которые действительно находятся вне сферы жизни гражданского общества. В свою очередь, сама эта сфера свободна от учреждений государственной власти, поскольку она состоит из явлений гражданского общества. Но в итоге получается уже известный вывод о том, что гражданское общество – есть «негосударство». Не проще ли сказать, что гражданское общество и государство – это разные общественные явления?

В целом идея «независимости» гражданского общества от государства является привлекательной для исследователей. С её помощью они стремятся отразить специфику гражданского общества. Но в итоге получается, что реальная взаимосвязь гражданского общества и государства искажается.

Однако не все исследователи соглашались с этой идеей. Например, Л.С. Мамут характеризует её как «миф». Он пишет: «Никто не

возьмётся опровергать то, что гражданское общество и государство – действительно разные феномены. Они неодинаковыми способами и средствами интегрируют людей, составляющих одну и ту же человеческую коллективность (общество). Но очевидные различия, объективно существующие между ними, ни в коем случае не превращают эти феномены в независимые относительно друг друга. Гражданское общество и государство – абсолютно взаимозависимые социальные величины. Для своей экзистенции они в одинаковой мере необходимы друг другу» [10].

И действительно. На определённом этапе общественного развития государство законодательно закрепляет гражданские права тех, кто проживает на его территории, способствуя тем самым становлению гражданского общества. Со временем государство начинает функционировать в условиях уже сложившегося гражданского общества и приобретает под его влиянием правовой характер. Служа закону, оно всё более последовательно защищает права своих граждан. В свою очередь развитие гражданского общества способствует совершенствованию исполнения государственных функций. В итоге государство и гражданское общество становятся всё более зависимыми друг от друга явлениями, всё более дополняют друг друга в своём существовании. Их взаимная связь и зависимость – это явление, производное от того, что оба они помогают друг другу полнее и лучше осуществлять своё назначение. При этом каждый из них сохраняет свою особую природу и сущность.

Сущность и структура гражданского общества. Этот вопрос также получил своё освещение в научной литературе. Предлагаются различные трактовки гражданского общества. Выделяются его признаки, проявления, критерии. Накопленные знания образуют хорошее основание для раскрытия сущности гражданского общества. Рассмотрим подробнее некоторые из существующих на этот счёт взглядов.

Особого внимания заслуживает стремление сформулировать признаки и проявления гражданского общества на примере России. «Признаки гражданского общества в России как будто очевидны. Конституцией закреплены основные права и свободы, отменена цензура. Есть разные партии, парламент, социальные группы и акторы – бизнес, многочисленные СМИ, профсоюзы, суд. Есть гражданские протесты: против монетизации льгот (январь 2005, 240 тыс. чел.), увеличе-

ния цен на бензин (февраль, 50 тыс.), реформы ЖКХ (март, 100 тыс.), новых правил дорожного движения (январь 2006, 10 тыс. чел.), митинги в поддержку О. Щербинского (февраль, 25 тыс.). На некоторые протесты власть реагирует вполне конструктивно. Создана Общественная палата. Пожалуй, значимые штрихи гражданского общества этим и ограничиваются» [11].

Названные «штрихи» действительно относятся к гражданскому обществу, однако их значение для него различно и это важно подчеркнуть. Например, «наличие основных прав и свобод, отсутствие цензуры» – это предпосылка его возникновения. Закрепление таких прав в конституции государства, отсутствие препятствий для их осуществления – всё это автоматически не приводит к формированию гражданского общества, но создаёт для этого благоприятные условия.

Далее. Возникшие гражданские учреждения, включая формы гражданского протеста, являются непосредственным результатом особой социальной активности, направленной на осуществление людьми своих гражданских прав и свобод. Такие учреждения образуют *устойчивые организационные формы* совместной деятельности, служат организационным основанием последующего объединения людей и тем самым развития гражданского общества. Здесь важно видеть различие между гражданскими учреждениями как особой формой организации и складывающимся на их основе реальными объединениями людей.

К гражданским учреждениям относятся различные образования, посредством которых люди реализуют свои частные интересы, а вместе с этим и соответствующие права. Это могут быть учреждения в виде политических партий, многочисленных экономических и социальных предприятий, правозащитных и природоохранных организаций, клубов по интересам, это может быть и брак как форма, упорядочивающая отношения между мужчиной и женщиной, и т.д.

В свою очередь складывающиеся на основе гражданских учреждений объединения людей выступают уже в качестве непосредственных проявлений самого гражданского общества. При этом различные виды гражданских учреждений определяют соответствующие виды (проявления) гражданского общества. Например, производственное предприятие как учреждение может служить основанием формирования объединения

людей, называемого трудовым коллективом. Политическая партия как гражданский институт объединяет собой «единомышленников», стремящихся к политической власти в государстве. Брак как учреждение способствует объединению людей для осуществления ими своей личной жизни и т.д. *Гражданские учреждения – это устойчивые организационные формы осуществления людьми своих прав и свобод, способствующие их объединению в процессе совместной деятельности.*

Иная ситуация складывается с Общественной палатой, а также с такими государственными учреждениями, как парламент и суд. Особенность гражданского общества – это отмечают многие исследователи – состоит в том, что оно является результатом «самоорганизации». В отличие от гражданских учреждений парламент, суд и Общественная палата имеют иное происхождение. Они создаются государством, его политическими субъектами. Однако значение этих учреждений для развития гражданского общества является не менее важным. Значимость парламента и суда подтверждена общественной историей. Парламент есть представительное учреждение, дающее гражданам возможность участвовать в управлении государством. Суд защищает права граждан, опираясь на законы, установленные государством. Наряду с ними Общественная палата России занимает особое место. Она призвана ускорить развитие гражданского общества в нашей стране. На неё возлагаются функции содействия становлению гражданских учреждений. Следовательно, Общественная палата – это особая предпосылка развития гражданского общества.

Таким образом, отмеченные выше «штрихи» гражданского общества можно разделить на учреждения, которые создаются государством и служат предпосылками возникновения и последующего развития данного общества, и учреждения, которые создаются самими гражданами и являются устойчивыми организационными формами осуществления ими своих частных интересов. Вторые учреждения называются гражданскими и служат средством объединения людей в процессе их совместной деятельности. Тем самым они являются средством развития гражданского общества, а также показателем этого развития.

В научной литературе отмечается направленность этих учреждений на решение различных общественных проблем: эконо-

мических и социальных, исследовательских и инновационных, правозащитных и природоохранных и т.д. Характеризуется их конкретная роль. Так, одни учреждения создаются для осуществления гражданами коммерческой деятельности и извлечения прибыли. Другие служат формами некоммерческой деятельности и способствуют оказанию различных услуг и социальной помощи. Есть учреждения, которые предназначены для борьбы граждан за политическую власть в государстве, для защиты граждан от произвола со стороны чиновников и т.д. Короче, разнообразные человеческие потребности и интересы служат основанием разнообразия создаваемых гражданами учреждений.

В последние годы наблюдается значительный рост гражданских организаций как внутри отдельных государств, так и на международной арене. Показательны приводимые в специальной литературе цифры. Например, авторы книги «Глобальное гражданское общество» отмечают, что к 2000 г. насчитывалось свыше 37 тыс. глобальных неправительственных организаций (против 31 тыс. в 1990 г.). 9,5 тыс. из них специализировались на вопросах экономического развития и социальной инфраструктуры, около 12 тыс. занимались исследовательской, правозащитной и природоохранной деятельностью, 8 тыс. занимались сферой социальных услуг, здравоохранением и образованием. Число постоянных членов глобальных неправительственных организаций (НПО) выросло со 148 тыс. в 1990 г. до 225 тыс. в 2000 г., т. е. более чем на 70% [12].

Функциональное и количественное разнообразие гражданских учреждений рождает стремление их группировать и классифицировать. Возникает вопрос о структуре гражданского общества и его компонентах. Одну из попыток структурировать гражданское общество предпринял Л.С. Мамут, который разделил его на различные сектора. В частности, он пишет: «Более чем очевидно многосекторное строение современного гражданского общества. Имеется в нём сектор коммерческий – отношения и институты, опосредствующие деятельность по производству (и доставке) товаров и услуг с целью извлечения и распределения получаемой в результате такой деятельности прибыли. Кроме того, в гражданском обществе есть также сектора: политико-партийный, информационно-коммуникационный, религиозно-церковный, некоммерческий (в этот последний включают все отношения и институты, остающиеся за

пределами уже названных секторов). Все сектора, вместе взятые и каждый наравне с другими, образуют гражданское общество в его целостности. Выпячивание роли отдельного сектора как ведущего, главного и т.д. лишено серьёзных (внеконъюнктурных) оснований. Спорным остаётся вопрос, входит ли составной частью в гражданское общество система местного самоуправления. Специалистами на сей счёт высказываются разные, подчас противоположные мнения» [13].

Можно согласиться с предложенным разделением гражданского общества. Чем большее количество сфер общественной жизни охватывают гражданские учреждения, тем организационно и социально разнообразнее и полнее предстаёт гражданское общество. Разнообразие его учреждений можно рассматривать как показатель его структурной сложности.

Несколько пессимистическую позицию, обусловленную сложным составом гражданского общества, занимает Б.И. Коваль. Он приходит к выводу о невозможности «свести всё и вся к какому-то единому знаменателю», вследствие чего у него возникают представления об «условности» самого понятия гражданского общества [14].

Нам представляется, что разнообразие гражданских учреждений и соответствующее разнообразие видов (проявлений) гражданского общества совсем не означает его разнородности и уж тем более условности и символичности. Такое разнообразие есть естественное следствие разнообразия частных интересов. При этом существует и тот «знаменатель», который объединяет всё разнообразие гражданского общества в нечто единое.

Единство гражданского общества заключается в особой социальной активности, на основе которой оно вырастает и которая называется гражданской деятельностью. *Гражданская деятельность – это вид социальной активности, который предназначен для осуществления людьми своих прав и свобод.* Гражданская деятельность служит исходной основой формирования гражданских учреждений. Следовательно, она и связывает между собой всё разнообразие видов гражданского общества, определяя тем самым его единство, а также единство его социального пространства.

Рассмотрение гражданского общества в отрыве от его исходной основы приводит к возникновению определённых затруднений, о чём наглядно свидетельствует, например,

вопрос о местном самоуправлении. Ряд авторов не даёт ответа: является ли местное самоуправление компонентом гражданского общества?

На наш взгляд, это результат не совсем последовательного учёта исходной основы гражданского общества применительно к местному самоуправлению. Напомним, что гражданская деятельность как особый вид социальной активности состоит в использовании людьми своих конституционно оформленных прав и свобод и проявляется прежде всего в создании соответствующих учреждений. Является ли местное самоуправление результатом гражданской деятельности? Можно ли его рассматривать как особое явление «самоорганизации» граждан, как особое гражданское учреждение? На наш взгляд, ответ достаточно очевиден.

Существующее в России местное самоуправление тесно переплетено с управлением государственным и является «проводником» общих и общезначимых интересов, но на местном уровне. Отражает ли оно особые, частные гражданские интересы? Очевидно, что нет. Его задача состоит в том, чтобы служить интересам всех проживающих на его территории людей, т.е. служить их общим интересам. А это и есть особая задача государства.

Установив значение гражданской деятельности и гражданских учреждений для понимания и развития гражданского общества, мы можем теперь определить его сущность. Но прежде приведём высказывание, представляющее один из вариантов такого определения: «Если попытаться выделить сущностный признак социального феномена «гражданское общество», то в первую очередь необходимо сказать, что это есть значимая социальная общность граждан, образовавшаяся на принципах самоорганизации для реализации с помощью государства своих жизненных интересов и защиты гражданских прав, т.е. прав, связанных с владением и распоряжением имуществом» [15].

Данное определение, на наш взгляд, достаточно близко подходит к раскрытию сущности гражданского общества. Необходимо только внести в него некоторые уточнения, связанные, например, с использованием термина «общность» и словосочетания «с помощью государства».

Всякое общество – это всегда объединение, основанное на внутренних связях между его членами. В свою очередь, всякая

общность – это, как правило, объединение, обусловленное внешними признаками, наличием общих черт. Например, общность языка и этнической культуры служит фактором формирования национальной общности, которая, однако, не тождественна национальному обществу.

На наш взгляд, термин «общность» не подходит для определения сущности гражданского общества. Гражданское общество – это не просто общность людей, обусловленная общностью особых черт. Гражданское общество – это объединение людей, которое основывается на внутренних связях между ними. Оно обусловлено особой ролью каждого из них в деятельности соответствующего учреждения, вследствие чего, собственно, и происходит их объединение.

Тем не менее автор приведённого суждения отражает специфику гражданского общества. Он отмечает, во-первых, важную особенность формирования гражданских учреждений («образовавшихся на принципах самоорганизации») и, во-вторых, их особое назначение («для реализации гражданами своих жизненных интересов и защиты своих прав»).

Утверждение же о том, что гражданское общество реализует своё назначение «с помощью государства», представляется не очень точным. Люди не являлись бы гражданами и не создавали бы свои учреждения, если бы не завоевали себе у государства право на эти учреждения, а затем не преодолевали бы препятствия по их созданию, исходящие нередко от «самого государства». Идея «самоорганизации», отмеченная данным автором, гораздо точнее отражает сущность дела и подчёркивает известную автономность гражданского общества.

Таким образом, анализ представлений о гражданском обществе показывает, что оно есть особое социальное объединение. Подчёркнём логику формирования гражданского общества. Исходя из своих частных интересов и действуя на основе своих гражданских прав, люди вступают в определённые гражданские отношения и создают соответствующие гражданские учреждения. Тем самым складываются организационные формы их будущей совместной деятельности, в процессе которой они реально объединяются. Гражданское общество – это результат деятельности, воплощённый сначала в гражданских учреждениях, а затем и в соответствующих гражданских объединениях. Можно предложить следующее опреде-

ление: гражданское общество – это объединение людей в процессе их совместной деятельности, обусловленное использованием ими конституционно оформленных прав и свобод и складывающееся на основе создаваемых ими учреждений, предназначенных для осуществления их частных интересов.

В своей совокупности гражданские объединения образуют количественную характеристику пространства гражданского общества. В связи с этим примечательны попытки определить гражданское общество через *совокупность* гражданских объединений [16]. Но главными характеристиками гражданского общества являются его качественные показатели, составляющие его особое культурное пространство. Эти показатели помогают отделить его пространство от других сфер общественной жизни и создают основу для его измерения.

Толкование культурного пространства гражданского общества также составляет определённую теоретическую проблему. Существуют взгляды, в которых пространство гражданского общества характеризуется не совсем последовательно. Например, Р.Т. Мухаев считает, что гражданское общество «предстает в виде социального, экономического и культурного пространства, в котором взаимодействуют свободные индивиды, реализующие частные интересы и осуществляющие индивидуальный выбор» [17].

В этом суждении есть пункты, которые нуждаются, на наш взгляд, в уточнении. Например, экономическое пространство – это особая разновидность общественного пространства. Оно складывается из совокупности явлений, раскрывающих собой содержание экономики. Экономика и гражданское общество – это различные явления, которые не могут отождествляться. Вследствие этого и пространства у них различны.

Понятно, что гражданское учреждение может быть основано на коммерческом интересе и может иметь своей целью получение прибыли. И такое учреждение будет носить экономический характер, поскольку с точки зрения результатов своей деятельности оно включается в систему экономических связей. Однако как объединение людей данное предприятие не есть экономическое явление. Как особое объединение людей оно не входит в состав экономического пространства и не может выступать как явление этого пространства.

Гражданское общество имеет собственное пространство, представленное различными качественными характеристиками гражданских объединений, включая и результа-

тивность их деятельности. Например, складывающееся на основе экономического предприятия гражданское объединение может обладать особыми социальными параметрами: быть в определённой мере сплочённым, экономически заинтересованным в результатах своей деятельности, успешным в решении своих социальных проблем и т.д. Всё это говорит о том, что гражданское общество имеет особое социальное пространство, отличное от других социальных пространств, а значит, и о том, что гражданское общество есть особое социальное явление.

Что же касается культурного пространства, то гражданское общество действительно представляет одну из его разновидностей. Гражданское общество, как и всё, что создаётся людьми и служит им, имеет свои особенности и потому выступает как особое явление культуры. При этом культурное пространство гражданского общества не перестаёт быть всё тем же пространством гражданского общества, как экономическое культурное пространство не перестаёт быть пространством экономическим.

1. См.: Политология: Учебник. М.: Национальный институт бизнеса, 2004. С. 130.
2. См. об этом: Состоялось ли гражданское общество в России («круглый стол») // Социс, 2007, № 1. С. 54.
3. См.: Левашов В.К. Мера гражданственности в социоизмерении // Социс, 2007, № 1. С. 56.
4. Перегудов С.П. Гражданское общество как субъект публичной политики // Полис, 2006, № 2. С. 139.
5. Подробнее об этом см.: Борисенков А.А. Политическая структура: теоретико-методологический взгляд // Социум и власть, 2008, № 2.
6. См. об этом, например: Серебряков А.С. Гражданское общество, свобода, ответственность // Социально-гуманитарные знания, 2003, № 3.
7. Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // Полис, 1992. № 1–2. С. 194.
8. См.: Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития. Материалы научной конференции (Москва, 7 декабря 2000 г.). М., 2001. С. 44.
9. Шабров О.Ф. Реформа государственной службы: открытость и эффективность? // Социология власти, 2005, № 6. С. 13.
10. Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность, 2002, № 5. С. 101.
11. Состоялось ли гражданское общество в России («круглый стол») // Социс, 2007, № 1. С. 54.
12. См.: Anheir H., Classias M., Caldor M. Global Civil Society. L., 2001. P. 300, 313–314.
13. Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность, 2002, № 5. С. 96–97.
14. См.: Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития. Материалы научной конференции (Москва, 7 декабря 2000 г.). М., 2001. С. 16.
15. Левашов В.К. Мера гражданственности в социоизмерении // Социс, 2007, № 1. С. 55.
16. См.: Политология: Учебник для вузов / Под ред. М.А. Василюка. М., 2002. С. 143.
17. Мухаев Р.Т. Политология: учебник для студентов вузов. М., 2007. С. 212.

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ: ОТ СТРАТЕГИИ МАНИПУЛЯЦИИ – К ОСОЗНАНИЮ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 316.4

Г. Г. ГОРЕЛОВА

Предлагается продолжить рассуждения о психологических проблемах социального управления. В первой статье, начинающей эту проблематику, рассматривалось современное прочтение понятия личность, раскрывался принцип подхода к личности, не разрушающего ее целостности, особенности, индивидуальности (Социум и власть. 2008. №1). Теперь хотелось бы обсудить вопрос о смысле и мотивации социальных инициатив самого субъекта управленческой деятельности. При этом нами вводится понятие «генеративность», которое и раскрывается в данной статье.

В своем выступлении на X съезде партии «Единая Россия» В.В. Путин означил современную Россию не как демократическое, а как социальное государство. Такой подход актуализирует проблему ответственности государственного служащего, что подчеркнул доктор философских наук Ю.Г. Ершов (г. Екатеринбург) в докладе на конференции в ЧИ УрАГС. При принятии всех решений предполагается исходить из интересов личности, индивидуального человека, составляющего социум. При вступлении в должность управленец также принимает на себя ответственность и за вверенный ему персонал – его безопасность и нормальную жизнедеятельность.

Приходится, не без сожаления, констатировать, что почти вся отечественная современная литература по социальному управлению, за редким исключением, ориентирована на западные стандарты манипулятивного сознания и поведения управленца.

Задача состоит в отыскании новой ценностной системы, посредством которой можно было бы придать внутреннюю цельность и смысл бытию в профессии управленца, осветить их, открыть новые смысловые перспективы.

Ценностное переживание второго порядка возможно только на высших ступенях

развития ценностного сознания. «Если до достижения этих ступеней ценность принадлежала личности, была частью, пусть даже важнейшей и неотъемлемой, но все-таки частью ее жизни, и личность могла сказать: «моя ценность», – рассуждает Ф.Е. Василюк, – то теперь происходит оборачивание этого отношения – уже личность оказывается частью объемлющей ее ценности, принадлежит ей и именно в этой причастности ценности, в служении ей находит смысл и оправдание своей жизни» [1]. Если в защитном процессе человек стремится отвернуться от реальности и так, спрятав голову в песок, «уничтожить» ее, то ценностное переживание смотрит реальности в глаза, видит ее ясно и отчетливо, не допуская малейшего самообмана и недооценки сил, как бы вопрошая: «Неужели вот эта видимая, слышимая, чувствуемая данность и есть подлинное бытие, и есть истина? Неужели эта наличность, безразличная к человеческим ценностям, и дает последний, непреодолимый закон жизни, с которым остается только беспрекословно смириться?» [там же, 134]. Какова же та способность постижения, которая может разрешить заданный ценностным переживанием вопрос, может отличить истинную жизнь от ложной? Эта способность, состоящая, по словам С. Л. Рубинштейна, в том, чтобы «осмыслить жизнь в большом плане и распознать то, что в ней истинно значимо», «... есть нечто бесконечно превосходящее всякую ученость... это драгоценное и редкое свойство – мудрость (курсив автора – С.Р.)» [2], которая ориентирована принципиально на внутреннее, на самоуглубление и самопознание. Самоуглублением в ценностном переживании человек достигает не только «ослабления» внешней реальности, но и укрепления своей ценностной позиции. Перед лицом реальности, противоречащей ценности или стремящейся ее уничтожить, самоуглубление направлено на

мобилизацию всей мотивационной системы, на приведение человека в состояние готовности пожертвовать ради ценности любым из своих мотивов. Конкретная форма выражения такого рода ценностного переживания в управленческой деятельности, предполагающая отказ от эгоцентрической установки, актуализируется в генеративности [3, 4], упоминаемой, но не развиваемой подробно А. Маслоу [5].

Особая значимость периода зрелости заключается в том, что, включаясь во все многообразие общественных отношений, человек становится их субъектом, сознательно формируя свое отношение к окружающему миру. Важная характеристика в становлении личности субъектом жизни – это результативный, продуктивный момент ее деятельности. Дела, деяния, достижения, продукты, социальные влияния личности являются критериями ее субъективности. При этом важна общественная ценность продуктов и влияний, представленная для личности как «ценность моей жизни». В изменениях, которые личность произвела в общественном мире, она узнает себя, ей открываются истинный уровень ее жизни, внутрличностные противоречия, предпосылки саморазвития, самоизменений. Человек использует свои лучшие жизненные достижения в деятельности, поведении, общении на новом уровне, в новых формах отношений к жизни и т.п. Именно в период зрелости одной из центральных характеристик человека становится генеративность – желание повлиять на следующее поколение через собственных детей, через практический или теоретический вклад в развитие общества. Генеративность определяет способность оглянуться вокруг, заинтересоваться другими людьми, стать продуктивным, что, в свою очередь, делает человека счастливым. Таким образом, можно предположить, что мотив генеративности становится центральным смыслообразующим мотивом управленца зрелого возраста.

Генеративность проявляется и в написании книг, мемуаров, к чему приходят многие выдающиеся политики. Написание мемуаров имеет смысложизненное значение для человека зрелого возраста. Р. Dandrey в своих лекциях по истории литературы Франции XVII века, прочитанных им в октябре 1998 года во Французском университетском колледже при МГУ им. М.В. Ломоносова, отмечал, что «мемуары – это зеркало, в котором человек реконструирует свой образ».

В связи с этим встает и другой вопрос: как генеративные устремления зрелого человека, управленца, политика влияют на молодое поколение. Интересные рассуждения по этому поводу мы находим у А. Frossard (Французская академия) в его фундаментальном труде «Проблемы человека» [6]. В античности человек зрелого возраста был окружен почестями и уважением, и редко принималось важное решение без его совета: это потому, что он пережил множество трудных ситуаций. Он умен, поскольку он много прожил, и его мнения, основанные на опыте, встречались с признательностью. Сейчас совсем не так. Мир так быстро развивается, что опыты прошлого не имеют ни малейшей дидактической ценности, и современник охотничьего ружья не может быть консультантом в вопросах политики противоядерной обороны. Мы живем в беспрецедентном мире, что лишает зрелого человека основного стержня его прежней власти. Более того, установлено, что все «революционные» взрывы обязаны молодежи (Наполеон, Жанна д'Арк и др.). Верно, что зрелость обладает меньшим воображением, чем молодость; поэтому она и менее подвержена ошибкам, и это ее несомненное достоинство. Великие полководцы часто были молоды, но их победы далеко не всегда были благом для человечества. Нельзя согласиться и с тезисом о том, что опыт не имеет ценности в столь быстро меняющемся мире, как наш. Фундаментальные вопросы о сути и смысле жизни остаются теми же, что и прежде. Секрет только в том, что современное общество умеет ловко накинуть на них маски.

Зрелый возраст влечет за собой банально известные неудобства и немощи. Среди них самый опасный – это наступающая инволюция и эгоизм, усиливающийся все более возрастающей потребностью жить. Однако «зрелость часто более снисходительна к человеческим слабостям, имея многие из них в своем опыте; она консолидирует суждения, основываясь на опыте; она упрощает экзерсисы ума, который теперь не поддается экстравагантностям воображения. В этом и заключаются преимущества зрелого возраста, чему, впрочем, никто уже не завидует», – заключает А. Frossard.

Следует, однако, заметить, что генеративность объективируется в определенных жизненных и профессиональных показателях. Эти показатели объединены Е.А. Климовым [7] в фазы жизненного пути профессионала. Выделим те из них, которые относятся к периоду зрелости.

Авторитет (или фаза авторитета; она, как и фаза мастерства, суммируется также с последующей фазой). Это мастер своего дела, уже хорошо известный, как минимум, в профессиональном кругу или даже за его пределами (в отрасли, на межотраслевом уровне, в стране). В зависимости от принятых в данной профессии форм аттестации работников он имеет те или иные высокие формальные показатели квалификации (разряд, категорию, «чин», звание, ученую степень и пр.). О его успехах могли уже сообщать на собраниях, в прессе; возможно, он уже имеет награды, знаки отличия. С его мнением уже заметно считаются и коллеги, и руководители. Возможно, сил и энергии у него сейчас становится меньше, чем когда он был моложе (биологический, календарный возраст, потери здоровья дают себя знать), но профессиональные задачи он решает успешно за счет большого опыта, умелости, умения организовывать свою работу, окружить себя помощниками.

Наставник (или фаза наставничества, наставника в широком смысле слова – как человека, у которого и коллеги готовы поучиться, перенять опыт). Именно это имел в виду А. С. Пушкин, посвящая своему лицейскому учителю А. П. Куницыну такие строки: «Он создал нас, он воспитал наш пламень, поставлен им краеугольный камень, им чистая лампада возжена...» [8].

Авторитетный мастер своего дела в любой профессии «обрастает» единомышленниками, подражателями в самом хорошем смысле, перенимателями опыта, учениками, последователями (независимо от того, имеют ли они официальный статус учеников). Жизнь, связанная с передачей опыта молодым, с отслеживанием их успехов, а также посильным включением в их дела, может быть полна смысла.

Сама возможность актуализировать генеративность выступает для управленца как ценность. В социальном управлении он «проигрывает» и тем самым утверждает свою личностную позицию в системе социальных отношений, «возвышаясь» до уровня гражданственности. Так, профессор МГУ Т. Н. Грановский, всегда оставаясь верным научному пониманию истории, органично сочетал с ним нравственную оценку прошлого. И потому своими лекциями он не только учил, наставлял, развивал способность к мышлению, но еще и воспитывал тех, кто его слушал, в духе человечности, терпимости, спокойного, объективного отношения к жизни.

Генеративность как ценностное отношение к социально ориентированной профессии не может быть реализована без психологической компетентности управленца. Ее обычно раскрывают через «понимающее восприятие объекта»: умение «понимать людей», «понимать душевное состояние другого», «наблюдательность» и т.п., т.е. связывают с инструментальностью и практичностью психологических знаний о человеке. Генеративность предполагает совместную с персоналом деятельность по формированию смысла. Такой стиль социально ориентированной деятельности побуждает самого управленца к переоценке ценностей, «сдвигу» мотивов и внутренней деятельности по порождению новых смыслов, особенно в кризисные социальные и возрастные периоды.

Принцип реальности закономерно входит в структуру генеративности. Эмпирическим прототипом «реалистического» переживания является совладающее поведение. Утвердиться в управленческой деятельности можно только при условии, если принимать реальность такой, какова она есть, считаться с потребностями людей и внутри заданных реальностью границ и пределов добиваться возможности «возвышения» этих потребностей. Одной из таких потребностей, которую нельзя, по выражению академика П. В. Симонова, «инквизировать», является потребность в самостоятельности.

Собственную возрастную потребность в генеративности как оказании влияния на молодежь управленец может реализовать при условии его встроенности в мир современной ему культуры, отражения этой культуры не с позиций человека своего возраста, а с позиций молодого поколения. Он не должен мысленно возвращаться в свою молодость, чтобы встать на точку зрения молодого, он вынужден каждый раз «освежать» свое восприятие новой реальности, постоянно освобождаясь от «нажитых» стереотипов.

В силу своей профессиональной деятельности управленец выступает генератором положительных мотивов-«доноров» персонала. Реализуя генеративность в социально ориентированной деятельности, управленец сам испытывает положительные эмоциональные переживания, которые уже лично для него становятся мотивами-донорами.

Таким образом, внутреннюю активность человека, пытающегося уйти от нежелательных побуждений, можно обозначить как «производство смысла» [9]. Переключе-

ние их мотивационного значения на новое содержание является одним из механизмов изменения сложившихся мотивационных отношений, требующегося для преодоления кризисных состояний. В результате ценностного переживания в структуре мотивации личности управленца-профессионала на

одно из ведущих мест выходит мотив генеративности, приобретающий смысло-жизненное значение. Однако актуализация этого побуждения невозможна вне творческого отношения как к профессиональной деятельности, так и в широком контексте – к жизни в целом.

-
1. Василюк Ф.Е. Психология переживания / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 134.
 2. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1997. – С. 682.
 3. Горелова Г.Г. Личность и профессия (Профессионально-личностная реадaptация в условиях «тройного» кризиса) / Г.Г. Горелова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2002. – 402 с.
 4. Горелова Г.Г. Кризисы личности: учебное пособие – М.: Изд-во МПСИ, 2004. – 320 с.
 5. Maslow A.H. Motivation and personality / A.H. Maslow. – N.Y.: Harper and Row, 1970.
 6. Frossard A. L'homme en question / A. Frossard. – Paris: Stock, 1993. – 211 p. – P. 116.
 7. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 428–435.
 8. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – В 10-ти т. – Л.: Наука, 1977. – Т. 2. – С. 351.
 9. Чудновский В.Э. Психологические составляющие оптимального смысла жизни // *Вопр. психологии.* – 2003. – № 3. – С. 3–14.

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА САМООРГАНИЗАЦИИ И САМОУПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ

УДК 316.42

Н. П. САЛОХИН

Россия, заявив об отказе от тоталитарной социальности, прокламирует намерение осуществить постиндустриальный проект. Государственность нового типа призвана сочетать в себе демократизм гражданских институтов, эффективность социально ориентированной рыночной экономики и динамизм самоупорядочения и самоорганизации единицы общества, способной реализовать себя как равно мощный и равноответственный субъект развития. Решение указанных задач в качестве необходимого требует утверждения иной парадигмы руководства социальными процессами и формирования личности, обладающей развитыми субъектными качествами.

Система управления постиндустриально-го типа, как соответствующая содержанию социального контекста, должна быть субъект-субъектной и нелинейной. Утверждение отношений самоупорядочения, самоуправления и саморазвития не является изолированным процессом и происходит в неравновесной социальной среде, испытывающей длительное воздействие разнонаправленных гносеологических схем как посттоталитарно-авторитарного характера или либерально-монетаристских, так и рационально-правовых и гражданско-демократических. Последние направляют общество по пути прогресса, демонстрируя перманентное гносеологическое расширение. Базовым элементом движения к социальности демократического типа может стать постоянный диалог власти и общества, разнообразные субъект-субъектные связи и отношения равноправия и равной ответственности сторон.

Логика прокламируемых в России преобразований демонстрирует острую потребность утверждения гражданских институтов, обладающих способностью к самоорганизации и саморазвитию. В изменяющихся условиях индивид и социум обязаны активно и гибко реагировать на вызовы времени, ответственно и на основании собственных ресурсов устраивая собственную судьбу и определяя собственное

будущее. В рамках перманентных процедур саморазвития, которые постоянно корректируются и реконструируются, на основании смысловых схем интерпретирующих действительность, индивид не только воспринимает происходящее, но и организует собственную жизнь. Спонтанные инициативы граждан по изменению социальных отношений и качества единицы общества не редко не удовлетворяют регламенту онтологии верховного властного субъекта. Субъект государственно-го управления, не дожидаясь утверждения социального равновесия, внешним воздействием стремится преобразовать индивида и социум в соответствии с собственными гносеологическими схемами.

Практика посттоталитарной России выражает сущность разрыва во времени принципов постиндустриализма и содержания управления, что опосредуется взаимовлиянием объективных причин, выраженных в изменении макроэкономического контекста, и причин субъектного порядка, раскрывающих неравномерность в преодолении хаоса и утверждения порядка. Неравномерность развития выражена в противоречивом сочетании в управлении элементов различных парадигм – бюрократизма, патерналистского централизма, фратерналистского партнёрства, демократизма и этатизма, что затрудняет анализ качества социальности нового типа. Определённые качества персонального участия в управлении и уровня личной ответственности также становится невозможным без учёта функциональных различий как своеобразного индикатора места и роли индивида во внутренней структуре организации и самоорганизации социума.

«Мир нестабилен, – пишет И. Р. Пригожин, – но признание нестабильности – не капитуляция, напротив – приглашение к новым экспериментальным и теоретическим исследованиям, принимающим в расчет специфический характер этого мира. Вырисовываются контуры новой рациональности, к

которой ведет идея нестабильности... Реальность вообще неконтролируема в смысле, который был провозглашен прежней наукой» [1, С.46].

Постигая сущность посттоталитарных трансформаций, следует учитывать меру соотношения в ней факторов порядка и хаоса, определяющих значимость нестабильности как условия обретения социальности гражданского типа. Методология исследования самоорганизации социальных субъектов с позиций приоритета нестабильности была предложена И. Р. Пригожиным и Г. Хакеном.

Общество как таковое, локальный социум или отдельно взятый индивид являются социальной системой, обладающей качествами открытости, неустойчивости, нелинейности и неравновесности, которые в совокупности образуют комплекс оснований развития. Сочетание свойств хаоса и порядка в жизнедеятельности общества раскрывает содержание механизма проявлений вышеобозначенных качеств, что в совокупности формирует основания перехода внешнего упорядочения в самоупорядочение, организации – в самоорганизацию, управления – в самоуправление, развития, соответственно в саморазвитие. И. Р. Пригожин и И. Стенгерс в работе «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» рассматривают последний в качестве важного внутреннего побудительного стимула самоорганизации социальных систем, которые в стремлении к саморационализации самостоятельно выстраивают оптимальные структуры [2].

Социально-синергетическая методология, придавая содержательный смысл явлениям хаоса и порядка, не противопоставляет их друг другу. Применение синергетического подхода при исследовании социальных процессов позволяет рассматривать основную форму организации бытия индивидов по месту жительства – локальные территориальные сообщества как совокупность открытых, нелинейных и неравновесных самоорганизующихся систем. Открытость социальной системы характеризуется уровнем её взаимодействия с внешней средой, с верховным властным субъектом и субъектом социального управления. В самоорганизующихся системах гражданского общества взаимодействие указанного типа присуще всем элементам внутренней структуры: здесь все взаимодействуют со всеми, непосредственно или в опосредованной форме. Верховный властный субъект управляет обществом, пребывая в режиме постоянного диалога с единицей социального.

Открытость системы – необходимое, но не исчерпывающее основание самоорганизации, ибо всякая самоорганизующаяся система должна быть открытой, но не всякая открытая система – носитель более прогрессивной социальности. Мера прогрессивности открытых систем раскрывается в противоречии двух основных тенденций становления самоуправления: тенденции нарастания неоднородности в сплошной среде, что повышает уровень взаимодействия органов местного самоуправления с местными сообществами, и тенденции рассеивания неоднородности самого различного содержания, что ведет к стандартизации и снижению возможности самоуправления. Несмотря на явное доминирование в практике управления последней тенденции, мы можем говорить о нарастающем сопротивлении самоуправления детерминации и стандартным рамкам. Агрессивное утверждение в обыденности умозрительного социального проекта не только вызывает протест, но и возвращает общество в еще более архаизированное состояние не только по отношению к собственному прошлому, но и социальной практике постмодерна в целом.

Субъект управления, намереваясь подчинить инициативы индивида и социума, воспроизводит субъект-объектные линейные схемы развития и порождает цивилизационный конфликт, восходящий к противоречию либерально-монетаристской доктрины и отечественной политико-экономической и социокультурной традиции. Индивиды и локальные территориальные сообщества, ориентируясь на мирное разрешение противоречия должного и сущего, стремятся действовать как самостоятельная единица социального, отчуждая субъект-объектную гносеологию внешнего управления.

Разнообразие форм местного самоуправления позволяет говорить о том, что общество посттоталитарной России не является закрытой системой, ибо локальные территориальные сообщества активно взаимодействуют между собой и субъектами внешнего управления. Открытые системы локальных территориальных сообществ активно изменяются, но взаимодействие с внешней средой неизбежно повышает неустойчивость, что влечет под воздействием самых незначительных внешних влияний изменения различной направленности.

Нелинейность, понимаемая как неэквивалентность прошлого и будущего, является другим важным теоретическим элементом парадигмы самоорганизации социума. Практика самоуправления содержательно нелинейна,

ибо осуществляется как результат взаимодействия множества переменных. Нелинейность развития социума раскрывается в возможной альтернативности направлений эволюции объекта и ее необратимости.

Особенности нелинейности развития наиболее тщательно исследовались в работах С. П. Курдюмова и Е. Н. Князевой, которые рассматривают таковую в качестве основания для усиления социальных флуктуаций. При благоприятных условиях нелинейность усиливает положительные флуктуации системы, утверждая прогрессивные социальные последствия. В рамках территориальной общности примером возрастания значимости социального признака, не получившего пока распространенности, является рост числа участников самоуправления, волонтерской деятельности, рост численности общественных организаций и политически активных граждан. Условием такого роста мы видим падение влияния и угасание веры населения в способность субъекта управления решать в интересах большинства социально-экономические проблемы.

Открытые нелинейные системы локальных территориальных сообществ обладают важным социальным качеством – собственным порогом чувствительности. Выше определенной меры самопорядочения многократно возрастает уровень социальных связей, повышается активность индивидов и их сообществ, идет интенсивный поиск оптимальных форм и механизмов организации собственного бытия. Понижение социальной чувствительности с неизбежностью ведет к социальной апатии, застою и деградации социума. Практика современных российских трансформаций свидетельствует, что становление гражданских отношений несколько затянулось, самоуправление не достигло достаточного порога чувствительности и находится в режиме стагнации, несмотря на рост социальной и политической активности граждан.

Нелинейность выражается в возможности спонтанного изменения качеств, свойств и признаков социальной системы по собственному почину, на основании собственных ресурсов, механизмов развития и саморазвития и под собственную ответственность.

Нелинейность активизирует не учитывавшиеся ввиду незначительности факторы, способные влиять на общее направление социального прогресса. Нелинейность социальных прогрессов делает нефункциональными традиционные для классической схемы управления прогнозы на основе экстраполяции от достигнутого, ибо движение вперед происходит в

процессе случайного выбора пути развития из множества возможных, а подобная случайность может не появиться вновь [3, С. 23–24].

Социально-синергетическая парадигма в управлении признает возможность повышения или снижения темпов развития социальной системы. Наличие механизмов ускорения или затухания темпов развития, – по мнению С. П. Курдюмова, – раскрывается качеством нелинейной по характеру положительной или отрицательной обратной связи.

Отрицательная обратная связь объективно тормозит общественный прогресс, ибо служит основанием для решения о возврате в состояние равновесия, создающего стабилизирующий эффект, отрицающий необходимость перемен. Это происходит всякий раз, когда в обществе осуществляются трансформации, не соответствующие объективным потребностям развития и порождающие отрицательную реакцию населения на действие власти, трансформации, не встречающие поддержки и одобрения большинства населения, как это было в эпоху правления Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева или Б. Н. Ельцина.

Положительная обратная связь способствует переходу системы из состояния равновесия к неустойчивости, что может стать основанием появления новых активных форм организации общественных связей и обновления всей системы общественных отношений.

Социально-синергетическая парадигма управления уделяет максимальное значение использованию нестабильных, меняющихся и саморазвивающихся систем для утверждения качественно иных более прогрессивных оснований общественного развития. Неустойчивость социальной среды, по мнению ряда исследователей, выступает основанием развития и саморазвития, ибо социум в стремлении преодолеть неустойчивость и хаос в действиях самоуправления обеспечивает становление новых необходимых обществу социальных качеств.

Развитие самоупорядочивающихся территориальных общностей не может по целому ряду соображений носить стабильный характер. Но, признав значимость нестабильности, нельзя полностью проигнорировать стабильность и детерминизм в развитии. Очевидно, что и неустойчивость не всегда конструктивна [3, С. 29].

Глобальная неустойчивость неизбежно сделала бы мир царством хаоса. Однако за пределами мира социальных отношений в неживой и неразумной природе господству-

ют стабильность и порядок. В устойчивом в целом мире существуют лишь отдельные типы неустойчивых систем, для которых могут быть определены принципиальные уровни прогноза и контроля. Современная Россия предоставляет открытое пространство для становления местного самоуправления, мера открытости которого детерминирована всем предшествующим опытом развития социума. Конкретная форма актуализации отношений самоуправления в современной России пока не сложилась, следовательно, российский вариант самоуправления, будучи разновидностью «странного аттрактора», пока недоступен для научного анализа.

Систему территориального местного самоуправления нельзя обозначить как абсолютно неустойчивую. Для его возникновения необходимы конкретные условия, создающие определенным образом детерминированную сферу бытия. Неустойчивость в социальной среде раскрывается в наличии случайного внутри конкретной системы отношений. Здесь, таким образом, мы имеем дело не с отсутствием детерминированности, а с более сложными закономерностями казуального характера.

Социально-синергетическая парадигма не является переводом на язык общества постмодерна традиционной классической теории управления. Синергетическая концепция роли хаоса существенно различается с интерпретациями этого понятия, абсолютизирующими хаос подобно современному деконструктивизму. Развитие в наиболее общем виде может быть представлено как закономерное чередование периодов порядка и хаоса, и в этом случае мы должны признать хаос творческой силой, способной порождать новое положительное в жизни человека и общества. При этом важное методологическое значение имеет понимание сущности процесса рождения из хаоса новой упорядоченности как результата действий спонтанного характера, отрицающих необходимость внешнего вмешательства. Исследование проблемы перехода от состояния хаоса к порядку требует ответа на вопрос, как и каким образом в результате указанных взаимопереходов стирается само различие между этими формами реальности и как происходит их синтез? Простейшей формой такого синтеза выступает диссипативная структура – концептуальный элемент социально-синергетической парадигмы [4, С. 11].

Синергетика дает право утверждать, что рост эффективности управления прямо пропорционален его совпадению с действием внутреннего механизма развития социальной

системы. Сложноорганизованной системе нельзя навязывать направления развития, ею нельзя длительное время управлять извне, применяя команды и приказы, ибо внешнее воздействие не в состоянии заменить саморазвитие. Управление должно обеспечить сложной системе свободу выбора и свободу действий для реализации альтернативы развития. Социальная система тем более активна и функциональна, чем меньше заимствований из внешней среды включено в ее внутреннюю структуру.

Указанный вывод синергетики был положен в основание «Европейской хартии местного самоуправления» и как будто нашел отражение в действующей Конституции Российской Федерации, где декларируется самостоятельность самоуправления в рамках собственной компетенции и её автономность от системы государственной власти. Конституционное прокламирование известной степени свободы автоматически не ведет к подлинной свободе, позволяющей местным локальным сообществам самостоятельно и оперативно решать вопросы организации бытия. Местное самоуправление не имеет достаточных ресурсов для самостоятельности, испытывая, прежде всего, финансово-экономическую зависимость от государственных органов власти, что дает повод усомниться в целесообразности самоуправления такого типа.

Социальная эволюция стремится преодолеть дезорганизацию и утвердить целостность социальной системы в условиях неустойчивой внешней среды. Механизм эволюции раскрывается в способности социальной системы к самоорганизации, но обретение социальности иного типа требует повышенной самоорганизованности доминирующих элементов системы, что в условиях неравновесности снижает значение внешнего управления.

Анализ социальной практики позволяет выделить две основные самоорганизующиеся тенденции, способные при определенных условиях доминировать на разных этапах единого процесса самоорганизации территориальной общности. Эти тенденции порождены различными реакциями социальных систем на внешнее воздействие и уровнем способности социальной системы трансформировать это воздействие в своих интересах. Как известно, социальные системы делятся на открытые, обладающие способностью активно переработать внешний импульс в интересах собственного развития, и закрытые, стремящиеся к автаркии и максимальному уменьшению внешнего воздействия. Употребляя понятие «открытая система» – «закрытая система», мы не рассматри-

ваем разнотипные общества, а ведем речь о разных состояниях одного и того же общества, одной и той же территориальной общности на разных временных отрезках ее истории.

Сущность социальной эволюции как способности социальной системы быть открытой и использовать в развитии механизм обратной связи раскрыл академик Н. Н. Моисеев, который писал: «Если... в конкретных условиях возникло несколько типов организации материи, согласующихся с другими принципами отбора, то реализуется та структура, которой отвечает ее минимальный рост (или максимальное убывание энтропии). Поскольку убывание энтропии возможно только за счет погашения внешней энергии и (или) вещества, реализуются те из мысленно возможных (виртуальных) форм организации, которые способны в максимальной степени поглощать внешнюю энергию» [5, С. 28.]. Экстраполируя названный принцип на практику становления местного самоуправления, мы видим, что указанный процесс в современной России, используя внешние ресурсы, упорядочивает как внутреннюю структуру системы местного самоуправления, так и принципы взаимоотношения с управляющей внешней средой. Наиболее жизнеспособными оказываются те модели самоуправления, которые удовлетворяют объективным потребностям развития социума. Зарубежный опыт показывает, что оптимизация территориального устройства местного самоуправления ведет к упорядочению административно-территориального устройства государства в целом.

Становление социальности нового типа синергетика связывает с действием негэнтропийных источников социальной энергии. Для территориальной общности в качестве таковых выступают социальные силы человека, раскрываемые в различных видах общественно полезной деятельности. Нелинейный скачок в саморационализации собственной структуры социальная система производит на основе обретения новых ресурсных источников, что в российской практике проявилось в процессе легализации корпоративной, индивидуальной и частной собственности на средства производства. Становление самоуправления в российском обществе осуществляется в процессе утверждения новых форм собственности, однако освоение новых ресурсов не отличается эффективностью. Этот процесс, как мы полагаем, должен раскрыться в более рациональном использовании трудовых ресурсов.

Открытость является одним из условий динамичного развития территориальной

общности, но в то же время создает условия утверждения единообразия. Упорядочивающее влияние государства может привести к утверждению унифицированных субъектов самоуправления, изначально обреченных на тотальную стабильность и возрастание энтропии.

В условиях постмодерна как одно из фундаментальных оснований демократии особую ценность приобретает доступность достоверной информации. Наличие таковой повышает эффективность диалога властного субъекта и граждан, обеспечивает качество управления, утверждает самоупорядочение, самоорганизацию и самоуправление в качестве оснований саморазвития общества. Недостоверная фрагментарная информация мифологизирует и мистифицирует массовое и индивидуальное сознание граждан, разрушает систему ответственного управления и объективно препятствует прогрессу.

Успех или неуспех процесса становления отношений самоуправления всецело зависит не только от наличия ресурсов, в большей степени он испытывает влияние со стороны способности прогнозировать последствия применения указанных ресурсов.

В процессе усвоения и освоения внутренних и внешних ресурсов социально-территориальная система испытывает разные виды внешнего воздействия. Это воздействие может быть представлено как обмен финансовыми и иными материальными ресурсами, обмен информацией и идеями, обмен индивидуальными и коллективными сущностными силами между участниками отношений самоуправления, обмен между человеком и природной средой. Потоки ресурсообмена не могут объективироваться в чистом виде, ибо механизм социального взаимодействия предполагает одновременное действие многих видов общественных отношений по всем линиям контактов. В соответствии с законами самоорганизации одновременное взаимодействие по множеству линий создает неравновесность социальной системы, обуславливая возникновение новых структур. Противоречие внешних и внутренних источников неоднородности усиливает социальную стратификацию социума и может привести к возникновению антагонизмов социальных слоев и социальных групп. Утверждение реальных рыночных отношений, включающих в систему социального обмена большинство членов общества, может стать гарантом положительной социальной динамики.

Развитие отношений собственности уско-ряет процесс социальной мобильности. Динамизм социального развития усиливает демократические начала и выражается в формировании основ гражданского общества. Этот процесс является альтернативой и средством противодействия возможному хаосу и социальным потрясениям. Нормы права укрепляют стремление к самоопределению территориальных сообществ, декларируя их самоуправляющийся статус в рамках единого конституционного пространства.

В период ускорения социальной динамики происходит нарастание отчуждения и падение уровня общественной морали. Высокая социальная мобильность отдельных индивидов и сообществ превосходит темпы становления новых моральных норм. Формирование нового социального порядка в обществе, ставшем открытым, происходит на базе самых различных оснований, что позволяет обеспечить систему достаточными ресурсами.

Наряду с интенсивным усвоением внешних ресурсов в социальной системе имеют место обратные процессы, обеспечивающие стабильность и воспроизводство устоявшихся социальных норм. Указанная тенденция утверждает закрытость системы, рост энтропии и сохранение равновесия. Абсолютно закрытых систем в обществе быть не может, ибо при контакте с внешним миром такое сообщество обречено на гибель или деградацию. Формой бытия социальной системы является одновременно влияние факторов открытости и закрытости, при временном доминировании одного из них.

И открытые, и закрытые сообщества живут и действуют в соответствии законам синергетики. Система находит смысл собственного существования в сохранении и воспроизводстве устойчивого состояния. Закрытость имеет для общества, как правило, негативные последствия, так как самоизоляция и стремление к автаркии неизбежно ведет к стагнации в социальной и экономической жизни.

Нормой социальности закрытой системы является строгая регламентация всех жизненно важных сфер общества, что ограничивает инициативу и препятствует самоорганизации, объективно снижая возможности самореализации и снижая темпы общественного развития. Как показывают многочисленные конкретные социологические исследования последних лет, в том числе и проводившиеся автором, представления о порядке у большинства россиян отражают социальные нормы закрытого общества: граждане России ориен-

тированы на деятельность в рамках организационных процессов сохранения порядка и унификации социальной структуры. Устойчивая социальная структура, желательная для большинства, может быть представлена как иерархическая уравновешенность, поддерживаемая сильным государством и принимаемая населением, ведущим унифицированный образ жизни, имеющим сходные мысли и примерно равный доход. Психология эгалитаризма в этой ситуации выполняет организующую функцию, утверждая в качестве социальной нормы уравнивательные тенденции в потреблении и распределении. Уравниловка в потреблении вместо потенциального равенства возможностей обрекла советское общество на застой.

В соответствии с имевшимся уровнем социальной самоорганизации советское общество может быть определено как система равновесного характера, которая благодаря нейтрализации внешнего воздействия, насаждению единообразия, жесткой централизации и директивным методам управления могла долго оставаться неизменной и практически не развиваясь. Однако закрытая система не может быть вечной, ибо сверхцентрализация содержит в себе противоречия, ведущие к саморазрушению.

Мировой опыт показывает, что как закрытые, так и открытые системы крайне неустойчивы и неспособны обеспечить социальный прогресс: для нормального развития необходимо чередование этих форм организации общества. Спонтанная самоорганизация социума детерминирована внешним управлением и руководством, воплощающими политическую волю экономически господствующего класса. Основное различие открытой и закрытой форм самобытия общества мы видим в том, что в первом варианте доминируют естественные социальные изменения, а во втором – внешний упорядочивающий импульс – воля управляющего властного субъекта. Всякое целевое управление – основание закрытости общества, но без социального управления общество обречено на анархию. Противоречие открытой и закрытой форм социального самобытия может быть разрешено при определении сущности социального управления и его места в структуре социума.

Создание функциональной парадигмы местного самоуправления должно основываться, как мы полагаем, на отрицании классического метода управления, детерминирующего субъектно-объектной связью все сферы социального бытия. Трансформации, прокламиро-

ванные в обществе России, до сих пор не затронули сферу функционирования политической власти. Центр, несмотря на постоянные заверения в приверженности ценностям демократии, по-прежнему определяет и общие, и частные направления развития социума, политическая власть по-прежнему отчуждена от массы граждан и находится в распоряжении бюрократии. Правление меньшинства санкционируется в процессе выборов народом, который уступает право суверена избранному президенту и национальному парламенту. Такой политический режим Роберт Даль охарактеризовал как режим полиархии [6, С. 346–371].

Классический способ организации управления ориентирован на внешнее воздействие на управляемый социум, осуществляемое от имени народа во имя блага его же – народа. Постнеклассический вариант социального управления также не предполагает постоянного участия масс в решении вопросов организации собственного бытия. Но массы, в процессе диалога с властью, постоянно влияют на программу и направление деятельности управленческих органов, которые формируются по результатам выборов. Активность масс во влиянии на деятельность властей определяется мерой самоорганизации народа, отражающей содержание внутренних процессов развития и характер взаимодействия с внешней средой. В способности влиять на власть и побуждать ее действовать в интересах большинства и раскрывается сущность народовластия.

Используя классическую концепцию управления, органы власти традиционно рассматривают в качестве субъекта управления, который выступает некой силой, стоящей над обществом. Постнеклассическая парадигма управления дает возможность преодолеть тесноту субъект-объектных отношений, рассматривая социальное управление как одну из форм самоорганизации социальных систем. Регулирование социальных процессов – полисубъектный процесс, ибо общество не является случайным набором индивидов, объединенных усилиями государственных и политических органов управления. Регулирование социальных процессов предполагает заинтересованное участие в этой деятельности и объективных социальных общностей, и отдельных индивидов, и иных человеческих общностей, объединяемых многочисленными социальными связями, которые собственно и трансформируют скопление случайных индивидов в общество.

Культура, религия, семья, институт собственности, государство как таковое и иные важные социальные институты – все это ре-

зультаты самоорганизации общества. Цели, декларируемые обществом, также имеют глобальный характер: они могут быть представлены идейно-политическими феноменами, как, например, мировое господство германской нации или всемирно-историческое торжество коммунизма, но чаще объективируются в системе национально-государственной идеи. Глобальные идеи общества традиционно конструируются идеологами правящей элиты и нередко противоречат объективным потребностям развития самого общества. Очевидно, что с момента определения общесоциальной цели – в образе национально-государственной идеи или общенациональной программы развития, которую конструирует для общества власть, таковое трансформируется в управляемую организацию, утрачивая способность к саморационализации: субъект управления начинает доминировать над объектом, на который нацелена программа. Субъект управления указывает обществу, народу, гражданам цель, определяет средства и ресурсы ее реализации, и народ «дружными рядами» следует к поставленной цели. В XX веке мир неоднократно сталкивался с подобной схемой развития общества. История показала иллюзорность таких целей и неэффективность отчуждения от общества права на саморазвитие, самоорганизацию и саморационализацию. Цели такого рода объективно чужды гражданам. Гражданское общество не может иметь единой для всех цели, ибо унификация цели развития неизбежно ведет к уравнилельным отношениям и унификации личности, что противоречит самой идее демократии. Генетически общество является объективацией потребности индивида в самосохранении, что нашло выражение в появлении институтов морали, права, семьи, собственности, государства и т.д. Преодолеть противоречие должного и сущего в системе социальной работы вне изменения онтологии верховного властного субъекта не представляется возможным. Указанные институты – результат объективации потребности регулировать социальные процессы.

Механизм, определяющий характер социального развития и утверждающий стабильность общества и государства, основывается не на мифологии гражданского общества, а возникает в публичной сфере в процессе взимозаинтересованного диалога и равноответственности граждан и власти. Ошибочно полагать, что гражданское общество автоматически создает средний класс и утверждает публичную сферу. Либерализм вне субъектности единицы социального превращает публичную сферу в

маркетинг, а общественный диалог – в пред-выборную рекламу.

Общество посттоталитарной России по-прежнему испытывает влияние предшествующей культурно-исторической традиции. Система управления, по-прежнему, дифференцирована на противостоящие объект и субъект: последний стремится детерминировать управляемое сообщество в соответствии с собственными гносеологическими схемами. Восприятие объекта управления как безусловного исполнителя обуславливает текущее восприятие сущего и линейность направленности в отражении и интерпретации его потребностей и интересов, сконструированную как результат взаимовлияния субъектов управленческого взаимодействия различного уровня. Субъект управления не всегда учитывает изменение содержания социально-экономического контекста, что в условиях отсутствия необходимых для исполнения команды ресурсов вызывает со стороны объекта решительный протест и противодействие. Очевидно, что прежняя бюрократическо-централистская культура управления, в условиях нелинейности и неравновесности социальных связей и процессов постмодерна, являет анахронизм. Четкое разграничение властных полномочий, строгая функциональность при распределении ролей, узкая специализация работников управления были возможны в условиях господства распределительных отношений, когда субъект управления подкреплял собственную команду ресурсами, достаточными для её исполнения. Известная консервация

субъект-объектных линейных связей в управлении и стремление сохранить распределительные механизмы не только противоречит потребностям общества, осуществляющего постиндустриальный проект, но и выводит его на путь регрессивного развития.

Практика российских трансформаций демонстрирует классическую проблему управления: управляемому объекту – низам – недостаточно имеющихся ресурсов и они отрицают ценности новой эпохи, детерминруемые верховным властным субъектом, субъект управления – верхи – испытывает острый дефицит актуальной и достоверной информации, что побуждает его принимать некие иллюзорные решения, не имеющие отношения к реальным потребностям и интересам общества. Индивиды и их сообщества, не встречая в деятельности властного субъекта ответа на реальные проблемы жизни и защищая собственные интересы, самоизолируются и формируют субкультуры. Указанные проблемы не только отражают противоречие должного и сущего: здесь мы имеем дело с противоречием линейной и нелинейной парадигмы управления, воплощающей стремление личности эпохи постмодерна действовать в условиях неравновесности на основании собственных гносеологических схем и под собственную ответственность. Стремление субъекта управления прокламировать противоречия и конфликты как проявления иррациональности, нарушающей его упорядочивающую деятельность, снижает возможности самоупорядочения и саморазвития социума.

1. Пригожин И.Р. Философия нестабильности// Вопросы философии. 1991. № 6. С.46–53.
2. См.: Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Едиториал УРСС, 2003. 312 с.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Принципы коэволюции сложных систем// Синергетика I. М.: МГУ, 1998, С. 37–51.
4. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации социума в свете концепции синергетического историзма. СПб.: Политехника, 2002. 476 с.
5. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. 304 с.
6. Даль Р. Демократия и её критики. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 576 с.

АДХОКРАТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 321.8

М. А. ДЕДЮЛИНА

Человечество сегодня стоит на пороге грандиозных социальных перемен. Мощными катализаторами прогресса стали высокие технологии. В этой связи существенные преобразования происходят во всем социуме. Такие представления о современной технологии власти на Западе дают работы французского философа М. Фуко [1]. По его мнению, концепция формирования современного общества складывается в XIX веке, опираясь на наследие эпохи Просвещения и буржуазных революций. В этом обществе складывается ранее небывалая система власти – власть над живым биологическим видом. М. Фуко называет ее «биовластью». «Биовласть» – государственная машина с претензиями на управление биологическими закономерностями человеческого рода. По мнению М. Фуко, именно она сменила эротические и брачные нормы кратического менталитета средневековья. Новая технология создавалась постепенно и непреднамеренно одновременно в разных сферах общественной жизни. Дисциплинарная власть в этом случае является фундаментальной. Эта власть складывается в XVIII веке и начинается с перемещения индивидов в пространстве. Она требует замкнутого пространства, в котором действуют свои законы и правила, называемые М. Фуко «дисциплинарной монотонностью». Самое главное для нее, чтобы каждый индивид был всегда на своем месте, чтобы его можно было в любой момент найти, проконтролировать. Однако место, отведенное индивиду в дисциплинарном пространстве, это не просто место, а еще и статус индивида в той классификации, которую имеет дисциплинарная власть. Стремление уподобить дисциплинарное пространство большой таблице сочеталось с пристрастием к таблицам в науке. По утверждению М. Фуко, «таблицы» в XVIII в. были также техникой власти и процедурой познания. Пространство внутри казармы, тюрьмы, больницы, учебного заведения заполняется людьми, которые обязаны подчиняться правилам внутреннего порядка, а в случае нарушения они знают, что будут наказаны. Таким образом, это уже не просто властные отношения, а особые образования, которые М. Фуко определяет как «власть-знание». Создание дисциплинарных

институтов, помещение в них людей и навязывание им определенного распорядка есть один из способов, какими власть «укладывает» явления в свою «априорную форму созерцания».

Однако надо заметить, что власть-знание существует не только в дисциплинарных институтах, а и в других социальных институтах. З. Сокулер под властью-знанием подразумевает «такое знание, которое развивается и обогащается путем сбора информации и наблюдений за людьми как объектами власти» [2]. Например, Фуко пишет, что одна из функций всех социальных институтов заключается в сборе статистических данных и создании определенных сводов знаний о своих объектах. Другая функция такой власти реализуется в форме знания, в частности знания о людях, включая существование и воспроизводство властных структур. Третья с тем, что она неразрывно связана со знанием, базирующимся на знании в своем стремлении к эффективности. Это такая система власти, которую М. Фуко называет «властью над живым». Фуко пишет, что отличительной чертой права суверена было право на жизнь и смерть его подданных. Право отобрать у подданного жизнь сменилось разнообразными формами управления его жизнью и жизнью социального тела вообще. Он подчеркивает, речь идет о жизни не в юридическом, а в биологическом смысле: власть рассматривается на уровне жизни, биологического вида, расы и популяции. По мере того, как войны становились все более массовыми и кровавыми, на эшафотах лишались жизни все меньше и меньше людей. В связи с тем, что власть взяла на себя функцию управления жизнью, сама логика ее существования затрудняла применение смертной казни. Для такой власти смертная казнь была одновременно пределом и внутренним противоречием. Власть как бы расписывалась в неспособности сделать данное тело управляемым. Поэтому на законных основаниях теперь убивают только тех, кто представляет для других прямую биологическую опасность. Фуко исследует эволюцию протекания власти над жизнью, которая с начала XVII образует как бы два полюса. Первый полюс – власть над телом как машиной. Для этого создается система различных дис-

циплинарных институтов – школы, казармы, мастерские, которые создают определенную систему знаний о человеке, определяемых Фуко, как «политическая анатомия человеческого тела». Второй полюс (XVIII в.) – власть над телом как особью биологического вида и связанными с ним биологическими процессами. Сфера власти осуществляется в форме регулирующегося контроля: биополитики популяции. Власть над живым – это фундаментальный элемент развития капитализма. Она требует большего: укрепления тел и увеличения популяции одновременно с увеличением их полезности и управляемости. Таким образом, М. Фуко исследует зарождение новой технологии, пользуясь методом археологического поиска и пытаясь осмыслить власть во всем многообразии ее социально-исторических и политических функций. Ему удалось доказать, что в основе ее лежит власть, взявшая под свой контроль процессы жизни и нуждающаяся в механизмах непрерывного действия. В новое время европейцы повсеместно переходят от биологического «старого порядка» к индивидуализированному образу жизни. Именно глобальные структурные изменения в экономической, демографической, моральной и других сферах западного общества XVII–XVIII вв. вызвали к жизни новую «физику» власти. Однако социолог О. Тоффлер полагает, что технологии власти, утвердившиеся в современном обществе, изменились и масштабы этой трансформации дают возможность утверждать, что социум вступил в «эру смещения власти, когда постепенно распадаются все существовавшие в мире властные структуры и зарождаются принципиально новые» [3]. Ее трансформацию он связывает с новой ролью знаний в обществе, выражающихся в утрате профессиональной монополии на знания и информацию и с внедрением интеллектуальных технологий. «Общество эволюционирует к полностью антибюрократическим властным формам знания» [4]. В настоящее время происходит замена мускульной силы разумом в процессе общественного богатства. Новая система формирования общественного богатства обуславливает, на его взгляд, появление новой технологии власти

в связи с тем, что последнее десятилетие XX века станет и последними годами демократии, порожденной индустриальным обществом.

Сегодня практически все компьютерные индустрии в мире, как правило, состоят как из бюрократических структур, так и из адаптивных структур. Например, в адаптивных организациях «каждый член организации отвечает не за узкий участок работы, а за всю задачу данной организации в целом; для некоторых типов этих организаций характерны широкая специализация участников, комбинирование и перемена различных видов деятельности; принимаются меры по стимулированию неформальных отношений между членами организации и их направлению в конструктивное русло в плане задач данной организации; упрощается иерархия, резко уменьшается число её звеньев; в некоторых типах небюрократических организаций также вводится та или иная степень децентрализации иерархии – т.е. сосуществуют несколько автономных управляющих центров» [5]. Примерами этих организаций в современном социуме являются: матричные организации, когда один коллектив одновременно исполняет ряд проектов и потому подчиняется одновременно нескольким руководителям проектов, а также управляющему компании; адхократические организации, сводящие формальности до минимума и функционирующие как единая команда, которая решает напряжённые задачи и делит риски и награды между всеми участниками.

По существу рождается адхократия*, где принципиально иным становится кратическое поведение человека. Дж. Нэсбитт полагает, что для информационной цивилизации иерархическая структура непригодна, так как она задерживает поток информации. На место централизованных институтов придут адхократические организации. Появление таких структур связано с неспособностью иерархий разрешать социальные проблемы. Так появляется идея ячеек. «Ячейки создаются, чтобы укрепить самопомощь, обмениваться информацией и объединять ресурсы, чтобы увеличить производительность труда и улучшить его условия. Структура ячеек

*Термин «адхократия» (английское «adhocracy», от латинского «ad hoc» – для того, чтобы /по случаю/ предназначенный только для данной цели) активно использоваться в философии в 60-е годы XX века. Его появление связывают с именами У. Бенниси и П. Слейтера, Р. Хавелока (R. Havelock). Данная дефиниция начинает активно использоваться в философии в работе Э. Тоффлера «Футурошок» (1970). В работе «Третья волна» (1992) Э. Тоффлер под адхократией понимает власть интеллектуалов, мобилизованных по конкретному случаю.

призвана ускорить поток информации» [6]. Вместо ценностей производства – потребления – компьютерная техника выдвигает на передний план ценности человеческого самосовершенствования, гармонии с природой. Таким образом, технологическая власть постепенно лишает государственные структуры всякого смысла и оставляет без опоры центр общественной структуры. Появляется потребность в создании нового кратического поведения – адхократии, которая обязана своим появлением компьютерным технологиям. Одним из ярких примеров ее появления являются пиринговые сети.

Например, президент транснациональной корпорации «ИБМ уорлд трейд корпорейшин» Ж. Мезон Руж сказал: «Политические структуры нашего мира полностью устарели. За последние сто лет не менялись и находятся в вопиющем противоречии с техническим прогрессом» [7]. Фундаментом стали «ячейки», которые смогли скомпенсировать ослабленные традиционные ячейки (семьи, церкви и т.д.). Именно менеджмент стал как бы связующей цепью этих ячеек. А ячейки дали возможность личности проявить свои творческие способности.

Питер Ф. Друкер пишет, что в США, Японии и в Западной Европе «переход к знаниям и образованию в качестве пропусков к хорошей работе и возможности сделать карьеру прежде всего означает переход от общества, в котором главной дорогой к успеху был бизнес, к обществу, в котором бизнес является лишь одной из возможностей, притом не самой лучшей» [8]. В этих государствах постепенно также начинает складываться адхократия. Большую роль в этом играют современные технологии и средства коммуникации, используя их многочисленные каналы, информация вторгается во все сферы жизни социума. Это приводит к отторжению от собственной культуры, ее норм и традиций, потери цивилизационной идентичности. Основным инструментом такого вовлечения являются новейшие информационно-коммуникационные технологии, в частности Интернет. Их воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, взаимодействия правительства и общества.

Интернет – прежде всего орудие обмена, переворачивающее наше представление о функционировании общества как с внутренней точки зрения, так и внешней. Влияние Интернета на всемирную экономику неоспоримо, то же самое можно сказать и о влиянии этого нового сектора экономики на

международную политику. Во время действий ООН в Косово в 1999 г. контроль информации, передаваемой по Интернету, стал одним из приоритетов враждующих сторон. «Эффект CNN» отныне заменен Интернетом, которому государства придают все больше и больше значения, в частности в области внешней политики. Развитие всемирной сети не только облегчает мирный обмен, но и предлагает некоторым государствам скорее вести кибер-войну, чтобы разрешить противоречия или же ослабить позицию соперника, напад на его электронные сети или серверы.

На наш взгляд, можно сказать, что в целом Всемирная сеть – это само по себе ни «хорошо», и ни «плохо». А итоги воздействия сети складываются в зависимости как от того, кто, что и кому по ним передается, так и от того, каким образом эта информационная сеть «сама по себе» влияет на человека и общество. Логика «глобального информационного общения», усвоенная современным человеком, позволяет ему не удивляться, когда различные, в том числе проповедующие насилие организации, начинают действовать по всей планете, используя коммуникационные и информационные технологии. Формирование глобальных информационных сетей и систем, появление новейших технологий впервые в истории нашей планеты открывают возможности связать буквально каждого с каждым, объединить информационные ресурсы человеческой цивилизации и обеспечить доступ к ним любому человеку на Земле. Сегодня Интернет можно рассматривать как «стержень», который пронизывает все многомерное социальное пространство и является совершенно иным по смыслу и качеству местом пересечения самых различных социальных полей. В мире происходит слияние в единую среду различных сторон жизнедеятельности человека. Компьютерные и телекоммуникационные технологии проникают в науку, культуру, образование, экономику и политику.

Сеть становится нужной всем – вне зависимости от профессии и возраста. Несомненно, что не только будущее, но и современное молодое поколение будет жить в мире, объединенном компьютерными сетями. Например, сетевые политические кампании и онлайн-голосование уже становятся реальностью в Австралии, Канаде, США, Швейцарии. Интернет позволяет человеку избавиться от коммуникативных барьер-

еров. Например, Крокер и Вайнштейн [9]. трактуют привлекательность телекоммуникации в виртуальной среде: «Виртуальное сообщество привлекательно сейчас, потому что подобно падающему космическому кораблю мы вновь возвращаемся в обжигающую атмосферу одинокой (виртуальной) толпы. Технологически сгенерированное сообщество не имеет иного существования, кроме как в качестве перспективного симулякра, и в интересах медиасетевых функций выступает как жестокое, но всегда технически совершенное силовое поле (отличный звук, больше возможностей памяти) для того, чтобы спрятать в нем свое одиночество» [10].

Человек, который втягивается в мир Интернета, находя в нем виртуальных друзей и единомышленников, постепенно утрачивает потребность в активном живом общении. Он переориентируется с взаимодействий с реальными людьми на сетевых партнеров по общению. Он предоставляет неограниченную возможность многогранной и постоянно меняющейся идентификации «Я». Человек может создавать себя заново столько раз, сколько считает нужным, сколько ему хочется. Он сам себя конструирует, исходя из личного, свободного выбора и делает это ради самого же себя. Интернет, как средство трансформации личности, существенно расширяет ее границы и предоставляет обширные социальные возможности. Не случайно, оценивая современное мировое информационное пространство, Г.-П. Мартин и Х. Шуманн сравнивают его с «глобальной западной», которая уготовлена для современной постиндустриальной цивилизации, с лавиной, сметающей все на своем пути [11]. Так формируется новое компьютерное поколение – поколение, имеющее новые идентификационные параметры и принимающее физическую и искусственную реальность как равные сосуществующие параллельно реальности.

Таким образом, в условиях информационного общества субъективная идентичность и внутренний мир человека не стали более примитивными или простыми, как пытаются утверждать некоторые исследователи. Проблема внутреннего согласования, «примирения» человека с противоречивой сущностью идентификации переросла в иную плоскость – «собирающая» целостности человека, ибо соприсутствие и взаимодействие разных установок открывает перспективу подрыва идентификации как гарантии

человеческого, вечного и живого мира [12]. Современный кризис идентичности в информационно-коммуникативном пространстве становится основным дискурсом в повседневной жизни людей.

Резкое несовпадение норм поведения и жизненных правил, ценностей и идеалов в новом ключе раскрывает проблему кризиса социокультурной идентичности, позволяя предположить становление нового типа идентичности – «сетевой» идентичности. Сетевая идентичность определяет степень обособленности индивида от других членов социума, для некоторых людей является основанием для коммуникативного дискомфорта (по Э.Торфлеру – люди «третьей волны»; люди, находящиеся по ту сторону «цифрового разрыва», согласно Д.Таркенту и т.д.). Таким образом, сетевая культура формирует особый тип личности, целостность которой раскрывается только в процессе сетевой коммуникации. Понятие «игровой» идентичности, которое упоминается в связи с «Интернет-общением», в данном случае менее объемно, ибо основано на других признаках. «Игровая» идентичность в сетевом пространстве базируется на создании мифа о самом себе, как идентичность, складывающаяся из набора преставлений о себе. Современное информационно-коммуникативное пространство Интернета «населено» симулякрами – особым типом людей, имеющим биологическую телесность в реальном мире, но обменивающимися символическим капиталом и экспериментирующих в воображаемой реальности «квазисоциума», воспринимаемой ими как подлинная социокультурная реальность. В плане нашего исследования интересна точка зрения Ю.Такера. Так, Ю.Такер, исследуя проблемы современной биофилософии, приходит к следующему: «Существует целая негативная классификация нежизни, предполагаемая позитивным вопросом: «что есть жизнь?» И все же вместо вопроса о том, что есть нежизнь, лучше задать вопрос о жизни, которая становится нежизнью, отличным от жизни, становлением неживого» [13]. В своей работе он по этому поводу анализирует различные типы такого знания: роевое знание, безголовый животный мир, жизнеподобная смерть и т.д. В анализе адхократии нас будет интересовать только его осмысление роевого знания. «Роевое знание» – это термин, которым обычно описывается междисциплинарная область исследований, сочетающая биологическое изучение «социальных

насекомых» с компьютерной наукой (особенно программно-реализованными алгоритмами и мультиагентными системами). «Точно так же, как группа насекомых, которые сами по себе «глухи» друг к другу, способна самоорганизовываться для добывания пищи или строительства гнезда, так и простые программы или роботы способны самоорганизовываться в группы и выполнять сложные задачи. Такой подход к локальным действиям и глобальным паттернам, как утверждается, обнаруживает «знание» или целенаправленное поведение на глобальном уровне. Но мы также можем оспорить и пересмотреть понятие «роевого знания», ибо в нем присутствует стремление к поиску единства на более высоком уровне, которое было бы гарантией организации и порядка. Как бы его ни называть – «сверхорганизмом» или «разумом улья», – смысл в том, что целенаправленная деятельность может осуществляться только посредством процесса метаиндивидуализации всех групповых явлений, подчинения многих – как многих новой концепции Единого. Действие должно происходить после индивидуализации, а не наоборот. Однако особенность роевых насекомых и других групп животных (стай, стад, косяков) заключается не только в отсутствии лидера, но и в чем-то вроде полностью распределенного контроля» [14]. Именно эта проблема адхократии волнует создателей фильма «Матрица». Следовательно, в будущем биофилософия будет заниматься уже не только проблемами биоцентризма, холизма и альтруизма, а будет закладывать основы новой кратологической онтологии.

В современном социуме адхократические организации проявляются в двух технологиях: смартмоб и флешмоб. Если флешмоб – сетевая технология, дающая любому количеству людей возможность договориться друг с другом, для того чтобы синхронно осуществлять какое-либо определенное, заранее согласованное действие, т.е. эта технология собирания толпы. То смартмоб – эта роевая модель такого собирания. Основная цель этой технологии собирания людей для какого-либо социально-художественного, а иногда и кратического действия.

Примером роевой модели адхократии может быть работа современных пиринговых сетей (p2p), которые состоят из множества ПК, которые объединены пользовательскими подключениями к Интернету одновременно в разных точках мира. Меж тем, компании, занимающиеся информационны-

ми технологиями, сегодня могут только разрабатывать и выпускать программное обеспечение для пиринговых сетей, а сами p2p являются фактически и всеобщей и ничьей собственностью.

Инфраструктура данных сетей формирует n-мерную топологию. В пространстве адхократии складывается новый институт, члены которого, будучи альтруистами, «устраивают сумасшедшие технические обвалы» [15]. Тогда почему мы все-таки их можем вполне назвать альтруистами. По утверждению Г. Рейнгольда, сообщества любителей распределенных вычислений предоставляют циклы вычислений центрального процессора (ЦП), выступающие единицей его производительности. Циклы ЦП, в отличие от дискового пространства, позволяют проводить громадные математические вычисления. Поэтому значимость пиринговых сетей возрастает в эпоху высоких технологий. Исследования, которые проводят ученые, в рамках этих технологий, требуют большого объема математических вычислений, которые невозможно провести, опираясь на память одного ПК, тогда ученые просят помощи у сообществ любителей распределенных вычислений. Например, сегодня в таком сообществе насчитывается миллионы добровольцев. Так, в проекте SETI@home они предоставили процессоры своих ПК для «перемальвания» радиоастрономических данных, для программы поиска жизни во Вселенной.

Люди не просто участвовали в p2p – они веровали в p2p. Компьютер и программное обеспечение породили роевую технологию, но сила ее в том, что она опирается на альтруистическое сотрудничество большого числа ее членов.

Если посмотреть на природу альтруизма, то в большинстве своем каждый из нас, кто совершает альтруистический поступок, делает это неосознанно, хотя для некоторых из нас этот поступок может быть осознанным, и тогда мы ждем в ответ для себя и своих близких ответных благ. По убеждению Триверса, во всех культурах имеет место взаимный альтруизм. Поэтому можно выделить его разновидности: помощь людей друг другу во время опасностей-катаклизмов, грабежа, внутривидовой агрессии; справедливый дележ пищи; помощь больным, раненым, очень молодым или очень старым; помощь посредством орудий; помощь посредством знания. «Во всех этих случаях, подчеркивает он, наблюдается низкая ценность совершаемого действия для «дающего» и высокая для «берущего» [16].

Если сегодня проанализировать деятельность сетевых сообществ, то уже сейчас они оказывают помощь в области исследования конвергентных технологий*.

Миллионы пользователей не только бесплатно обмениваются музыкой, книгами, но и альтруистично предоставляют процессоры своих ПК, например, для разработок синтетических лекарств методом моделирования разнообразных молекул, а это возможно только при помощи громадных вычислительных задач. Таким образом, современная Всемирная паутина показывает, что миллионы ее пользователей соединяют свои социальные сети через мобильные устройства, «но и микросхемы процессоров внутри этих мобильных устройств уже в состоянии общаться с оборудованными радиосвязью микросхемами, встраиваемыми в окружающую обстановку» [17].

Сегодня р2р-технологии начинают оцениваться и в масштабах государственного управления. Например, создание государственных «питомников» сетевых компьютеров, предоставляющих вычислительные мощности.

Г. Рейнголда справедливо говорит о том, что в современном мире «пиринговые технологии и общественные договоры смыкаются как с клубами мобильных устройств, расплзающимися по всему свету, так и с сетью датчиков и вычислительных устройств, все больше внедряемых в окружающую обстановку» [18].

Сегодня облик современного мира, в котором мы живем, уже зависит от инноваций компьютерных технологий. По мере выхода технологий, составляющих основу умных толп, из стен лабораторий и запуска в производства становятся заметны первые признаки их поведения во власти и политике. Например, события 2001 года в Маниле и Сиэтле. Минуя СМИ, пользователи мобильных телефонов сами становятся вещателями, получая и передавая новости и сплетни. Поэтому стоило обладателям сотовых телефонов услышать призыв собираться на бульваре Эпифанио-де-лос-Сантос города Манила, как они стали рассылать полученное ими сообщение дальше, словно повинувшись приказу. Мобильные телефоны тогда не только помогали преодолевать скученность, вызванную неумением государства наладить повседневную жизнь. В них также видели средство создания массового

движения, устремленного к общей цели [19]. Так, в январе 2001 года, в Филиппинах президент Джозеф Эстрада стал первым главой государства, который потерял власть из-за действий смартмоб. Более миллиона горожан Манилы, созданных и направляемых волнами текстовых сообщений, собралось на месте проведения мирных демонстраций. Десятки тысяч филиппинцев пришли на бульвар Эпифанио-де-лос-Сантос, сокращенно EDSA, за один только час, прошедший после получения первым абонентом сообщения: «Отправляйтесь на EDSA одетыми в черное». За четыре дня там перебивало более миллиона человек, большей частью одетых в черное. Так, появилась легенда о «Поколении Txt» [20]. Потому что именно эта спонтанная демонстрация дала возможность начать процедуру импичмента президенту. «Профессор Рафаэль рассматривает собранную в Маниле посредством SMS-сообщений толпу как отражение явления, ставшего возможным благодаря технической инфраструктуре, но выступившего в качестве общественного орудия» [21]. «Роевые» стратегии опираются на многочисленные небольшие подразделения наподобие групп единомышленников в «битве за Сиэтл». Члены каждой группы оставались рассредоточенными до тех пор, пока мобильная связь не призвала их стянуться одновременно отовсюду к определенному месту, согласуясь с другими группами» [22]. «Беспроводное воплощение информационного «пузыря» в пределах 3,5 метров от пользователей настольных компьютеров представляет физическую модель того, что социолог Э. Гофман назвал «порядком взаимодействия», частью общественной жизни, где происходит личное (лицом к лицу) и речевое взаимодействие. Он утверждает, что обыденному миру повседневных взаимодействий присущи сложные знаковые (символические) обмены, видимые, но редко осознаваемые, которые позволяют группам согласовывать свои перемещения в общественных местах. Люди посредством представления себя другим дают им информацию и им хочется, чтобы она вызвала у окружающих доверие. Однако Гофман замечает, что они также невольно выдают иную информацию, так что наряду с их продуманным формированием собственного имиджа происходит утечка правдивой, но не управляемой ими информации» [23]. Итак, общество информации

* NBIC- конвергенция (по первым буквам областей: N- нано, B- био, I- инфо, C-когно).

делает очевидными неограниченные возможности коммуникации, благодаря которым «киберграждане» [24] создадут новые формы коллективного сознания, опираясь на творческую интерактивность и совместное пользование ресурсами.

1. Foucault M. Surveiller et punire. [Text] / M. Foucault. P., 1975. – P. 125.
2. Сокулер З. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени [Текст] / Сокулер З. // Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб – 1997. – С.16.
3. Toffler Al. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of 21st Century. [Text] / Al.Toffler. N.Y. – L.: Bantam Books, 1990. – P.3.
4. Там же. P.177.
5. Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политические и практические аспекты. [Текст]: монография / А.В. Олескин. – М: Институт философии РАН, 2001. – С. 211.
6. Nisbeth J. Megatrends: Ten New Directions Transforming our Lives. [Text] / J. Nisbeth. N.Y., 1982. – P.192.
7. Режабек Е.Я. Транснационализм: идеи и реалии. [Текст] / Е.Я. Режабек //Научная мысль Кавказа. – 1996. – № 2. – С. 7.
8. Друкер П.Ф. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе в обществе и мировоззрении. [Текст]: монография. / П.Ф. Друкер / Пер. с нем. – М., 1994. – С. 250.
9. Kroker A. The Theory of the Virtual Class. [Text] / Kroker A., Weinstein, M Data Trash. Montreal, 1994. – P. 124.
10. Hamman R. Computer Networks Linking Network Communities: A Study of the Effects of Computer Network Use Upon Pre-existing Communities. 1999. – (<http://www.socio.demon.co.uk/mphil/short.html>).
11. Мартин Г. Западная глобализации: атака на процветание и демократию [Текст]: монография. / Г. – П. Мартин, Х. Шуманн / Пер. с нем. – М.: Изд. дом «АЛЬПИНА», 2001. – С. 24–25.
12. Кнабе Г.С. Жажда тождества. [Текст]: монография / Г.С. Кнабе. М.: РГГУ, 2002. – С. 13–15.
13. Такер Ю. Биофилософия для XXI века. [Текст] / Ю.Такер // Л О Г О С. – 2006. – № 4 (55). – С. 88 .
14. Там же. С. 92
15. Там же. С. 102.
16. Цит. по: там же. С.78.
17. Там же. С.104.
18. Там же.
19. Там же. С.225.
20. Там же.
21. Там же. С.228.
22. Там же. С.231.
23. Там же. С. 243.
24. Ж. де Росне. Общество информации будет таким, каким его сделает кибергражданин – (<http://www.cite-sciences.fr/derosnay>).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЕЙ ГРУППЫ РИСКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

УДК 330.567.28

О. Ю. АРСЕНЬЕВА, М. Г. КРАСКО

Современная социально-экономическая ситуация характеризуется разным уровнем адаптации семей к требованиям, предъявляемым к ним рыночными отношениями. Важнейшими условиями успешного приспособления к современным экономическим реалиям является, во-первых, ориентация взрослых на самостоятельное удовлетворение материальных потребностей всех членов малой группы. Если при социализме государство брало на себя обязательства, связанные с трудоустройством, гарантиями определенного заработка, то в наше время каждый человек должен суметь обеспечить легальные доходы для поддержки своей семьи. Решить эту задачу оказывается не всегда легко, так как в ряде регионов страны существенно изменилась структура промышленного производства, часть предприятий закрылась, сократилась потребность в рабочих кадрах. Возникает особый региональный аспект создания необходимых материальных условий для реализации семей всех ее основных функций.

Проведенные нами социологические исследования в Ханты-Мансийском автономном округе показали, что не все семьи сумели успешно адаптироваться к требованиям самостоятельного решения экономических проблем. С одной стороны, этот регион характеризуется достаточно высокими темпами развития таких отраслей, как добыча газа и нефти. Экспорт этого очень важного в наше время сырья создает возможность для высо-

ких заработков тех, кто занят в материальном производстве. С другой стороны, не всем удается найти то рабочее место, которое обеспечивает высокие заработки. Существуют семьи, которые с большим трудом могут реализовать свои материальные возможности. В нашем исследовании изучались семьи, которые относят к так называемой «группе риска». Они характеризуются, во-первых, неустойчивым материальным положением, которое не обеспечивает возможность самостоятельно удовлетворить базовые потребности взрослых и детей. Те, кто работает, чаще всего имеют временные заработки. При этом они невысокие, так как квалификация низкая и они заняты на подсобных работах.

Во-вторых, часть таких семей характеризуется тем, что в ней только один взрослый работает и на его иждивении находятся маленькие дети или инвалиды. В-третьих, взрослые представители таких семей отличаются склонностью к алкоголизму, наркомании, что постоянно создает угрозу правонарушений. Совершение преступлений ведет к тому, что дети оказываются без родителей и попадают в детские дома. Поэтому возникает необходимость оказания разнообразной помощи со стороны органов социальной защиты таким семьям.

В ходе специального социологического исследования были выявлены особенности оценки своего материального положения взрослыми представителями этих семей.

Таблица 1

Оценка материального положения семьи (в % к числу опрошенных)

Показатели	%
Денег хватает только на покупку продуктов и одежды	42
Денег хватает только на питание	33
Имеются средства для приобретения вещей длительного пользования	15
Денег не хватает даже на продукты	10

В целом большинство семей группы риска, живущих в Югре, характеризуется средним уровнем материального положения. Это связано с тем, что в регионе весьма высокие заработки у подавляющего большинства работников, включая тех, кто занят неквалифицирован-

ным трудом. При этом руководство региона постоянно оказывает специальную помощь тем семьям, которые испытывают значительные трудности в содержании детей.

27% респондентов, материальное положение которых улучшилось за последний год,

отмечают, что в основном это заслуга управления социальной защиты населения. 12% опрошенных указывают, что на улучшение их материального положения оказали влияние какие-либо другие факторы.

Однако самые главные трудности семей, как и следовало ожидать, сохраняются именно в сфере решения материальных проблем. Причем это не только собственно материальные трудности, которые заняли первую строчку рейтинга (46%), но и нехватка жилплощади, которая также напрямую связана с материальным положением семьи (34%).

Глубинные интервью дали следующие типичные ответы.

«Материальная база. Первая – деньги.»
(г. Сургут, женщина 35 лет, имеющая 1 ребенка)

«Да, это была такая проблема! Муж устроился в охрану, 5 тысяч зарплата. Жить как?»
(г. Ханты-Мансийск, женщина 30 лет, имеющая 2 детей)

«Проблема – деньги, как жить? Чем питаться, как одеваться?» (г. Сургут, женщина 28 лет, имеющая 1 ребенка)

«Проблема – приобретение жилья – неизвестно, каким образом это произойдет»
(г. Нижневартовск, незамужние женщины до 25 лет, не имеющие детей).

Первоочередной задачей, разрешение которой будет способствовать повышению уровня жизни семей риска, является улучшение жилищных условий, этот вариант в качестве одного из возможных был указан в большинстве случаев (39%). При этом наиболее актуальной эта проблема является для семей гг. Югорска (63%) и Ханты-Мансийска (53%).

Данные мониторинга положения семей группы риска показали, что самую низкую степень удовлетворенности по округу в целом семьи отметили в получении временного жилья (89%) и в получении помощи при ремонте жилья (95%). Это позволяет говорить о том, что улучшение жилищных условий для семей было и остаётся самым основным фактором при оценке социально-экономического положения.

Больше всего трудностей с приобретением, выделением, ремонтом и достройкой жилья испытывают жители Югорска (37%) и Ханты-Мансийска (33%). При этом семьи именно этих населённых пунктов улучшение жизни в основном понимают как улучшение жилищных условий. Исследование показало, что 62% опрошенных в Югорске и 53% в Ханты-Мансийске указали на то, что улучшению жизни семьи будет способствовать решение жилищной проблемы в различных вариантах, начиная от ремонта до выделения из муниципального фонда жилья для детей-сирот. Это

говорит о том, что жилищная проблема является одной из самых актуальных для семей группы риска данного региона.

В качестве основных видов помощи, связанных с жильем, семьи социального риска на сегодняшний день получают лишь компенсацию расходов на оплату коммунальных услуг и обеспечены проведением ремонта индивидуальных жилых домов (некоторые категории граждан). При этом, если первым видом услуг не удовлетворены 16%, то второй услугой недовольны 57%. Суть недовольства выражается в том, что объем выделяемых средств явно недостаточен.

Проблема улучшения жилищных условий семей требует пристального внимания в следующих населённых пунктах: Ханты-Мансийск, Покачи, Нижневартовский район, Березовский район, Октябрьский район, Югорск.

На первый взгляд, значительную часть данных проблем должна решать сама семья. В наше время ремонт жилья возлагается на плечи самих жителей как городов, так и сельских поселений. В то же время семья, где живут инвалиды, люди пенсионного возраста, безработные, конечно, не имеет средств для самостоятельно приведения жилища в приемлемое состояние. Количество таких семей постоянно возрастает. Возникает необходимость поиска новых способов решения этой задачи с привлечением средств федерального бюджета. Местным органам власти самостоятельно данную задачу не решить.

Не менее пристального внимания заслуживают меры по оказанию содействия в поиске работы – в них нуждаются 14,2% опрошенных. Значимость помощи в поиске работы оказалась вторым по значимости критерием улучшения уровня жизни респондентов (больше всех помощь в трудоустройстве необходима семьям Ханты-Мансийского района). Почти половина семей отметила поиск работы с более высоким заработком в качестве основного способа самостоятельного улучшения жизненных условий.

Данная проблема обостряется в условиях начавшегося в конце 2008 года мирового финансового кризиса. Он уже привел к росту безработицы не только в тех регионах, где слабо развито промышленное производство. Снижение спроса на углеводороды во многих странах мира, а также снижение цен на нефть ведет к сокращению объемов добычи сырья на севере Тюменской области. Увеличивается, хотя и очень медленно, количество людей, которые лишились места работы. Также наблюдается сокращение размеров зарплат по целому ряду профессий. В первую очередь эти негативные факторы сказываются на семьях группы риска. В ней больше людей, у которых уже снизились доходы.

47% готовы самостоятельно найти работу для улучшения условий своей жизни. При этом на основании полученных данных можно проследить обратную зависимость между возрастом респондента и готовностью искать работу. Такую готовность выражают в 62% случаев опрошенные в возрасте до 18 лет; 57% – в возрасте от 18 до 24 лет; половина опрошенных – в возрасте от 25 до 34 лет; 55% – в возрасте от 35 до 44 лет; 40% – в возрасте от 45 до 54 лет и 9,1% – в возрасте старше 55 лет.

Респонденты отмечают большие трудности в поиске желаемой работы.

«Сейчас какая-то политика пошла непонятная: моему мужу очень сложно устроиться работать по профессии. Если есть ребенок, то, как правило, маму не берут, потому что частые больничные, кому это надо. И как бы ты ни говорила, что у тебя столько бабушек, как они помогают, все бесполезно...» (г. Сургут, женщина 35 лет, имеющая 1 ребенка).

«Сейчас принимают на работу только тех, если у тебя есть кто-то знакомый..., если нет знакомого, соответственно едешь мимо... Просто так... с корочками не устроишься.» (г. Югорск, женщина 28 лет).

Значительное число опрошенных готовы самостоятельно повысить уровень образования, заняться самообразованием, чтобы сделать себя конкурентоспособными на рынке труда. Особенно остро нуждаются в таком виде поддержки семьи из Нижневартовского района. Проблема повышения уровня образования членов семей группы риска является очень актуальной, так как подавляющее большинство не имеет высшего образования, а треть опрошенных – это люди со средним и незаконченным средним образованием.

Низким уровнем образования можно отчасти объяснить и нежелание респондентов для улучшения собственной жизни организовывать собственное дело, т.к. для этого необходимы определённые профессиональные умения и навыки, которые не могут быть заложены системой среднего образования.

В 8% случаев опрошенные не собираются ничего предпринимать и рассчитывают только на государственную поддержку. На неё больше всех надеются жители Сургутского (14%) и Берёзовского (14%) районов.

При решении своих жизненных проблем семьи риска в основном рассчитывают на органы государственной власти регионального и федерального уровней (23% и 16% соответственно). Так же надеются на помощь органов социальной защиты населения (24%). Обозначенная тенденция является закономерной для России в целом. Это неоднократно было отмечено в исследованиях природы

и особенностей функционирования отечественной власти, согласно которым основным принципом взаимодействия власти и общества в России является принцип патернализма, когда люди ожидают отеческой заботы со стороны государства по отношению к своим гражданам. Такая привычка складывалась в течение всего периода существования советской власти. Люди знали, что власти должны не только трудоустроить, но и обеспечить жильем, бесплатным образованием, медицинскими услугами. От таких установок освободиться трудно. Исследования показали, что еще одной важной чертой семей группы риска является устойчивое сохранение тех стереотипов поведения, которые уже давно не соответствуют реальному положению в стране. Люди, на наш взгляд, намеренно не хотят перестроить свое сознание, приняв те ориентации и установки в экономическом поведении, которые обеспечивают успешную адаптацию к рыночной экономике.

Рассчитывают только на себя, не ожидая какой-либо помощи, только 24% опрошенных. Возможным источником помощи, по мнению респондентов, должны быть также родственники – 9%. В меньшей степени обязанность помогать касается друзей и коллег по работе (2% и 0,5%).

Анализ степени удовлетворенности различными видами **материальной** помощи со стороны разного уровня власти, а также органов социальной защиты, показывает следующее. Опрошенные удовлетворены следующими видами помощи:

- бесплатное питание учащихся – 58%;
- бесплатное посещение дошкольного учреждения – 48%;
- прием детей в дошкольные учреждения – 44%;
- пенсия – 36%;
- ежемесячная компенсационная выплата неработающему нетрудоспособному лицу, осуществляющему уход за ребенком с ограниченными возможностями – 33%;
- ежемесячное пособие по безработице – 32%;
- единовременная помощь в связи с трудной жизненной ситуацией – 34%.

Как видим, доминируют те виды помощи, которые предназначены в первую очередь для улучшения положения детей. Они оказываются самой социально незащищенной группой населения. Если им власть не будет помогать в трудной жизненной ситуации, в которой оказалась их семья, то детям будет очень трудно выжить. Следует особо выделить помощь детям дошкольного возраста. Для них ценно то, что они могут получать

ежедневно качественное питание в детском саду. Не все семьи группы риска способны накормить ребенка в условиях потери работы родителями. При этом респонденты отмечают помощь и в устройстве ребенка в детский сад. Не секрет, что в настоящее время во многих регионах ощущается острый дефицит мест в дошкольных учреждениях.

«В нашем городе очень остро стоит проблема садиков. Чтобы устроить ребенка, часто нужен специальный вступительный взнос. А где нам взять деньги? Только богатые могут себе позволить такие расходы» (г. Сургут, женщина 25 лет, имеющая 1 ребенка).

Помощь со стороны местной власти позволяет семьям риска преодолеть это препятствие. Мы полагаем, что также важна единовременная помощь при возникновении трудной жизненной ситуации. Такие сравнительно часто возникают в семьях риска.

Исследования выявили и те социально-экономические проблемы, которые пока не удастся решить при ограниченных возможностях материальной поддержки, которые существуют у региональной власти.

Среди материальных услуг наибольшую неудовлетворенность наряду с обеспечением проведения ремонта индивидуальных жилых домов вызывают услуги, связанные с ограниченными физическими возможностями людей. Так, не удовлетворены совсем и частично ежемесячной компенсацией затрат на оплату услуг сурдопереводчика 47% и ежемесячной компенсацией затрат на обучение и воспитание на дому – 37%.

Также наблюдается большое количество семей, неудовлетворенных услугами в сфере образования и культуры. Ежемесячными компенсациями затрат на приобретение специальных учебных пособий не удовлетворены 46% респондентов. Доступность культурной жизни оценили отрицательно 40% опрошенных семей в округе. Причем такая услуга, как бесплатное посещение 1 раз в месяц музеев, выставок, парков культуры и отдыха, не во всех населенных пунктах способствует изменению ситуации. Не учтено, что в сельской местности по сравнению с городами намного меньше музеев, выставок и других центров культуры. Чтобы воспользоваться данной услугой, необходимо добираться до культурного учреждения, а это требует дополнительных материальных затрат. Бесплатное посещение 1 раз в месяц музеев, выставок, парков культуры и отдыха не удовлетворило 44% жителей округа. Наибольшее количество неудовлетворенных этой услугой проживает в районах (Березовском – 85%, Ханты-Мансийском – 76%, Нижневартовском – 61%). В силу объек-

тивных обстоятельств в этих населенных пунктах либо отсутствуют музеи, выставки, либо их очень мало.

На наш взгляд, местной власти вполне по силам организовать помощь в посещении детьми семей риска выставок, музеев, а также в приобретении специальных учебников. Нужно только четко выявить те семьи, которые действительно нуждаются в таких видах материальной поддержки.

Большинство семей отметили необходимость в дополнительных мерах социальной поддержки. Но при этом часто в качестве дополнительных мер называются уже существующие. Самостоятельное упоминание респондентами различных видов помощи, которые уже оказываются органами социальной защиты в числе дополнительных, свидетельствует о том, что объём и качество этой помощи оставляют желать лучшего.

В качестве дополнительных мер в первую очередь были названы меры по улучшению материальной поддержки (как целевой, так и нецелевой). Наряду с увеличением конкретных видов выплат (пособий, пенсий, компенсации услуг ЖКХ) и помощью на приобретение одежды, мебели, бытовой техники и протезно-ортопедических изделий более четверти семей выразили надежду на увеличение их материального довольствия вне зависимости от его формы.

Исследование показало, что в настоящее время даже в сравнительно благополучных в экономическом отношении регионах существуют острые проблемы повышения уровня жизни семей группы риска. Несмотря на оказываемую со стороны государства, органов местной власти помощь, многие из этих семей самостоятельно не способны достигнуть приемлемого уровня благосостояния. Причина заключается в том, что в этих семьях отсутствуют те субъекты, которые бы могли при наличии единовременной помощи обрести силы для дальнейшего самостоятельного развития. Речь идет, в первую очередь, о семьях инвалидов, матерей-одиночек с несколькими детьми. В то же время следует выделить те семьи, в которых взрослые готовы повысить уровень образования, приобрести востребованные на рынке труда профессии, чтобы самим решать проблемы улучшения социально-экономического положения. Вновь возникает проблема дифференциации содержания и форм оказания социальной поддержки семье, опираясь не только на показатели уровня ее материальной жизни, а учитывая имеющийся потенциал превращения в самостоятельный субъект получения средств для удовлетворения основных потребностей взрослых и детей.

ЭЛЕМЕНТЫ РОССИЙСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ

УДК 323.2

Л. В. САВИНОВ

Начало XXI века для России характеризуется социальными вызовами, связанными с новыми этносоциальными и этнополитическими реалиями: усилением иммиграционных тенденций, приводящих к появлению достаточно больших этнодиаспоральных сообществ – проблема включенности «новых» мигрантов в российское социокультурное и социально-политическое пространство; увеличением в обществе проявлений этнического национализма, экстремизма и нетерпимости – проблема этнической толерантности; значительной социально-экономической и политической асимметрией территорий, приводящей к появлению этнонационалистических требований в российских окраинах – проблема «внутреннего колониализма»; объединением субъектов Федерации, процесс которого несет не только интеграционные, но и значительные скрытые угрозы и вызовы этнополитического характера и т. д.

Обозначенные проблемы далеко не закрывают список, однако являются основными в этнополитической повестке дня. Вместе с тем картина значительно усложняется с учетом региональной специфики и особенностей и требует выработки адекватных ответов на новые этнополитические вызовы.

Очевидно, что сегодня Российская Федерация преодолела угрозу распада, связанного с этнотерриториальной фрагментацией. Однако поиск позитивных альтернатив, направленных на развитие интеграционных этнополитических тенденций, все еще остается актуальной как научной, так и практико-прикладной проблемой.

На этом фоне в российской науке, в том числе этнополитологии, сложилось неоднозначное представление о роли этноса (этнических групп и общностей) и этничности (этнической идентичности) в политических процессах. Неоднозначно и понимание механизмов политизации этничности и этнизации политики.

Для современного российского общества – общества полиэтничного и многоконфессионального и потому мультикультурно-

го в своей сущности – все еще находящегося на этапе серьезных социальных трансформаций и демократического транзита, адекватное объяснение и корректный анализ содержания, характера и направленности этносоциальных процессов требует прежде всего адекватного понимания *смыслов и ценностей современной этнополитики как ее базовых элементов*.

Как известно, теория и методология исследования этнополитики начинает свою историю с того момента, когда в 70-х годах XX в. появилась новая междисциплинарная отрасль социально-гуманитарного знания – этнополитика. Можно сказать, что ее институционализация началась со статьи М. Паренти «Этнополитика и жизнеспособность этнических идентификаций» (1967) и завершилась изданием фундаментальной работы Дж. Ротшильда «Этнополитика» (1981).

Согласно М. Паренти, этнополитика занимается анализом взаимосвязи этнической идентификации и политического выбора. По мнению Дж. Ротшильда, в центре этнополитики должно находиться исследование «политического измерения и политико-структурного содержания этничности» и его предметом является политический срез, политическое содержание этнической действительности. В этом смысле этнополитика изучает «политизированную этничность», которая представляется в качестве важнейшего политического феномена современности. В свою очередь под политизацией этнической идентичности понимается такой уровень ее мобилизации, в результате которой она превращается из психологической, культурной и социальной величины в политическую силу.

Однако наличие политического смысла в действиях этнических акторов (как правило, элит) еще не делает эти действия предметом этнополитики – важно определение политического содержания этнической мобилизации для достижения разнообразных потребностей и интересов этнических групп. При этом их политические интересы могут быть актуализированы различными по содержанию целями. В частности, для одних

это сохранение этнической идентичности и вообще физического выживания, для других – развитие языка, культуры, сохранение религии и традиционного образа жизни, третьи стремятся к широкой политической автономии или к созданию собственного государства.

Итак, под *этнополитикой в широком смысле* понимается определенная сфера политической жизни общества, в которой так или иначе затрагиваются интересы и чувства этнических групп (общностей) и других акторов, включенных в этнополитические отношения. *В узком смысле этнополитика* – это конкретная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, направленная на регулирование этнонациональных отношений.

Таким образом, этнополитика – это сфера политического бытия, определяемая участием этнических групп во власти и властных отношениях.

Характер и содержание современных этнополитических процессов свидетельствует об изменении смыслов и ценностей этнополитики, и прежде всего появлении новых этнополитических пространств и нового этнополитического времени, их взаимообусловленности.

При этом в условиях серьезных экономических, политических, социальных и духовных трансформаций пространственно-временные структуры либо эволюционируют (расширяются, сжимаются, деформируются), либо появляются совершенно новые континуумы. К примеру, в современной России наблюдается сужение политического пространства и вообще сужение политического за счет расширения административного.

Поэтому понимание и объяснение природы изменения этнополитического пространства и этнополитического времени невозможно без более широкой постановки проблем онтологии и гносеологии всего социального континуума, в том числе и политических пространственно-временных структур различного содержания и уровня.

В связи с этим важно определить возможности и пределы этнизации и этнификации политического пространства и политического времени как возможности и необходимости конструирования новых смыслов и ценностей этнополитики.

Сложность анализа современного общества, по мнению Э. Гидденса, заключается в том, что осведомленность одних субъектов деятельности и высокая степень «ситуа-

тивности в познании» других создают условия «смешения» преднамеренных и непреднамеренных последствий действий. И тогда социальные явления представляют собой «то, что для одних индивидов является регулируемым (контролируемым) аспектом социального окружения, для других может быть чем-то, что скорее «случается», нежели «целенаправленно осуществляется»» [1].

Сегодня любой пространственно-временной континуум – это не просто «вещь в себе», но и «социальный факт» (по Э. Дюркгейму). При этом пространственно-временной континуум необходимо понимать как сложно структурированную систему. При этом в современном глобализованном мире политика, экономика и культура сами по себе приобретают феноменологическое содержание и «интерсубъективность» (по А. Шюцу).

Можно сказать, что общественное (социальное) сознание в самом широком смысле есть углубленный поиск онтологичности происходящего в социальном пространстве и времени либо постижение трансцендентных форм бытия. И потому окружающий нас пространственно-временной континуум – это уже не только и не столько миросистема в социальной перспективе, сколько трансцендентальная метареальность, конструируемая, реконструируемая и деконструируемая в каждой точке пространственно-временных координат. И здесь очень важно понять: кто конструктор, кто формирует смыслы и содержания этой метареальности и, наконец, кто акторы социального действия, разворачивающегося на исторической авансцене.

И еще одна теоретико-методологическая проблема анализа конструирования социального пространства и времени как новых смыслов напрямую связана с гносеологией изучаемых феноменов.

Как известно, существует два подхода к пониманию социального пространства. В первой трактовке – субстанциалистской – социальное пространство состоит из субстанций – индивидов, социальных групп и организаций. Во второй трактовке – структуралистской – социальное пространство рассматривается как «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции – сверху, снизу или между, посредине»

[2]. В этом случае значим тезис В. Ильина о многомерности социального пространства. Его аналогом может быть шар, рассекаемый многими плоскостями в разных направлениях, где каждая плоскость – это особая социальная структура, состоящая из статусных позиций.

Не менее важна и теория структуризации Э. Гидденса, согласно которой социальная структура – это набор правил, которые определяются одновременно и результатом, и условием действия индивида. Субъект в одно и то же время создает правила и воспроизводит их, следует им. Институты в таком случае выступают как социальные практики, протяженные во времени и пространстве [3].

Политические институты, и в первую очередь государство, поддерживают социальный порядок, формируя и структурируя социальное не только пространство, но и социальное время. При этом в условиях транзита и революционного изменения нормативно-ценностной и институциональной матрицы общества социальная реальность как прошлое, настоящее и будущее теряет свою определенность и устойчивость. Формируются новые смыслы и значения, в том числе политического содержания и направленности.

В этих условиях общественное сознание испытывает огромные перегрузки. Возникает ложное сознание, когда объективные картины мира отражаются искаженно, предвзято и тенденциозно. Кризисное состояние сознания инициирует неадекватное восприятие социальной действительности и формирует из фрагментарных элементов комплекс «социальных квазиреальностей» [4].

Социальное время в свою очередь является категорией от антропного и «создается» деятельностью. Оно «если рассматривать его как реальность, есть не что иное, как изменение и движение» [5].

В современных обществах, как ни в каких других, актуализируется проблема «управления временем»: прошлым, настоящим и будущим. Прошлое конструируется через интерпретацию истории и в первую очередь через учебники истории. Настоящее организуется элитами и господствующим правящим классом в своих интересах и согласно своим ценностным ориентирам. Будущее формируется через включение в массовое сознание определенных смыслов и значений и прежде всего мировоззренческого содержания.

Реальность такова, что сегодня возможности этнических антрепренеров – государства, политических и гражданских структур, церквей, лидеров общественного мнения и т. д. – по формированию этнически заданных смыслов, ценностей, значений и символов практически не ограничены. Спектр инструментария, которые используют этноантрепренеры, значителен и эффективен – это и управленческие решения, и политико-идеологические установки, и социоинженерные конструкции, и манипулятивные социопрактики.

Россияне относятся к нации соотечественников, ориентированных на коллективистские ценности, а не к нации сограждан, ориентированных на ценности индивидуалистическо-прагматического плана (определение Ю. Хабермаса) [6]. В силу этого в российском обществе во все времена национальный (гражданский) универсализм всегда уступал этническому партикуляризму, будь то большинства или меньшинства.

И, наконец, уточним понятия «этнизация» и «этнификация», описывающие процессуальность этнополитики. В нашем представлении этнизация – это преднамеренное включение этнического в политические явления и процессы. Это политизация этнического через выстраивание этнополитических смыслов и ценностей. В свою очередь этнификация – это придание политическим явлениям и процессам этнического содержания. Фактически это конструирование-описывание этнополитики.

При этом возможности и ограничения этнизации и этнификации политики зависят от характера доминирующих в том или ином обществе (сообществе) идеологии (политических смыслов и ценностей) и политической практики (реальности).

Именно поэтому этнизацию и этнификацию политики как политическое действие мы определяем в традиции А. Турена, когда он выделяет три системы действия: историчность, определяющую социальные и культурные ориентации общества и избавляющую общество от редукционизма, институциональную систему, которая вызывает изменения общества (тип институционализации определяет тип трансформаций, происходящих в обществе), и организационную систему, которая обеспечивает равновесие общества, способствует сохранению его целостности [7].

Таким образом, возможности и ограничения всякой этнизации и этнификации

политического, то есть конструирования новых смыслов и ценностей этнополитики, определяются, во-первых, социокультурными традициями, во-вторых, характером институционально-организационной среды. В первом случае речь идет о субъективистских концептах: традициях, морали, культуре, праве и т. д. А во втором об объективных возможностях и ограничениях социоинженерии институциональной и организационной систем общества.

У каждого этнического сообщества свое социальное пространство и свое социальное время, которые формируют производные от них пространственно-временные структуры, в том числе и этнополитические. Этнотруппы формируют «свою» историю, пытаясь через прошлое определять свое настоящее и будущее. Причем в этноисториях господствует традиция и «антиутопия» как образ идеального прошлого.

В условиях множественности социальных пространственно-временных конструкций и их взаимопроникновения особую значимость приобретают социальные институты – государство, религия, образование, СМИ и т. д. – наиболее успешно формирующие смыслы и содержания прошлого, настоящего и будущего. Они связывают разные пространства и времена, сохраняя социокультурные и иные идентичности. И главным образом политико-идеологические.

Подводя итоги, сформулируем два наиболее значимых тезиса.

Во-первых, многокомпонентные общества являются историческими конструкциями, находящимися в процессе постоянного изменения. Но это вовсе не означает, что эти конструкции непрочны и недолговечны и представляют собой лишь результат социальной инженерии. Они построены на соци-

альном фундаменте с учетом социально-экономического, политического и культурно-исторического контекста.

При этом само содержание контекстов и смыслов этнополитики всегда ситуативно, изменчиво и пластично. Так, если в начале 90-х годов прошлого века в этнополитике преобладали институциональные факторы, что объясняется глубинными трансформациями базовых социальных институтов, то сегодня на первый план выходят ценностные факторы. Сегодня именно ценности, которые разделяет большинство и по отношению к которым большинство выражает преданность, формируют социальные идентичности, и прежде всего идентичности этнические (культурные) и национальные (гражданские).

Однако эти ценности не были изначально и являются отражением современных идеологий, формируемых социальными антрепренерами: государством, партиями, церквями, элитами и пр. Сегодня в России проблема этнополитики – это прежде всего *проблема совпадения кодов этнической и национальной идентичностей*.

Во-вторых, представляется, что *антиномия этнического партикуляризма и гражданского универсализма как основной элемент этнополитики не является фатальной и неразрешимой*. Этническое и гражданское, являясь базовыми политическими категориями, в условиях «этнического ренессанса» существуют и определяют себя во взаимодействии.

Таким образом, элементы современной российской этнополитики определяются прямым и обратным отражением ценностей и смыслов (идеологий) прошлого и настоящего.

1. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический проспект, 2003. – С. 465.

2. Бурдьё П. Социология. Начала / П. Бурдьё. – М., 1994. – С. 185.

3. См.: Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. – М., 1995.

4. См.: Бергер П. Конструирование социальной реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995.

5. Муравьев В.Н. Овладение временем / В.Н. Муравьев. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 101.

6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – С-Пб.: Наука, 2000. – С. 2.

7. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – М., 1998. – С. 19.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 325.14

А. С. ЧЕШОКОВ

Социально-экономические и политические перемены, произошедшие в мире за последние годы, актуализировали целый ряд процессов, характеризующихся сегодня как неотъемлемые составляющие феномена глобализации. Одним из таких процессов является интенсификация международных миграций населения. Эмиграционные и иммиграционные тренды оказались в центре внимания в силу значимости и масштабов их непосредственного и опосредованного влияния на политическую, экономическую и социально-культурную жизнь как стран, продуцирующих эмиграционные потоки, так и стран, принимающих иммиграционные потоки. Будучи явлением комплексным и крупномасштабным, иммиграция не может не быть объектом политического контроля и управления, а значит, политические процессы в принимающих странах с неизбежностью связаны с широким кругом проблем, связанных с иммиграцией, а иммигранты, в свою очередь сами становятся активными участниками политической жизни.

Многочисленные демографические исследования и составленные на их основании прогнозы свидетельствуют о том, что в целом население планеты увеличивается, но неравномерно. Пропорции прироста населения по странам и регионам мира носят несбалансированный характер, что становится причиной избыточного демографического давления в одних регионах и демографического вакуума – в других. Ситуация осложняется и крайне неравномерным экономическим развитием разных регионов, и нередко оказывается так, что экономически нестабильная ситуация в стране дополняется высоким уровнем фертильности, что естественным образом приводит к интенсификации эмиграции из данной страны в экономически более стабильные государства. Страны же с высоким уровнем экономического развития, согласно статистике, как правило, сталкиваются с проблемой более или менее значительного сокращения рождаемости, парал-

лельно с довольно высокими объёмами иммиграционных потоков. Таким образом, перед принимающими иммигрантов странами встаёт целый комплекс проблем, связанный с экономическим обеспечением вновь прибывающих людей, их интеграцией в новые социальные и политические условия. Особое значение приобретают проблемы толерантности (прежде всего, национальной и религиозной), соблюдения прав человека и обеспечения национальной безопасности. Появляются новые феномены социально-политической жизни, связанные с присутствием в стране иммигрантов: районы компактного проживания иммигрантов определенной национальности, партии с антииммигрантскими программами и избирательными платформами, появление «этнических» сфер занятости в легальной и «теневой» экономике, введение билингвализма в образовательных учреждениях и местах общественного пользования и т.п.

Очевидно, что политический процесс представляет собой динамичное взаимодействие множества акторов: со стороны гражданского общества – иммигрантов и их сообществ, диаспор, движений и организаций в защиту прав и свобод иммигрантов (в том числе беженцев и вынужденных переселенцев), движений, выступающих против иммиграции и иммигрантов, а также политических партий. Со стороны государства – законодательных, исполнительных и судебных органов на всех уровнях организации власти. Таким образом, очевидно, что акторы, принимающие участие в политических процессах, могут носить как индивидуальный, так и групповой характер, а также быть институционализированными и неинституционализированными.

Во многих странах мира к важнейшим факторам социальной среды, оказывающим прямое или косвенное воздействие на течение и результаты политических процессов, несомненно, относится иммиграция. Иммиграция может воздействовать на политические про-

цессы напрямую, т.е., иммигранты как индивидуально, так и коллективно, представляя собой элементы гражданского общества, могут становиться непосредственными акторами политических процессов. Государственные институты, непосредственно регулируя иммиграционные процессы, создают законодательное поле, разрабатывают государственную стратегию для управления миграционными потоками, а также производят имплементацию разработанных и установленных норм в отношении иммиграции. Косвенное воздействие иммиграции, происходящее параллельно с прямым, проявляется в том, что данные об иммиграционных процессах так или иначе отражаются в общественном мнении в виде стереотипов или общих мнений, либо могут трактоваться различными политическими силами сообразно их политическим целям и интересам.

Важно иметь в виду, что разные по динамике, направленности и характеру виды политических процессов могут происходить в той или иной стране одновременно. Например, наряду с тенденциями демократизации во внутренней политике, утверждением примата прав человека и мультикультурализма в социально-политической жизни в сферу иммиграционного регулирования и правоохранительной деятельности могут активно внедряться ограничительные и запретительные практики.

Социально-политическая активность иммигрантов и их сообществ несомненно является фактором, оказывающим существенное влияние на политические процессы в странах прибытия. В то же время потенциал значимости иммиграционного фактора неоднозначен и зависит в каждом конкретном случае от степени групповой сплоченности иммигрантов и их приверженности культуре и традициям страны выбытия; от организованности, ресурсного обеспечения и влияния иммигрантских общин, ассоциаций, объединений и партий; готовности иммигрантов отстаивать свои индивидуальные и групповые интересы; способов, избираемых иммигрантами для артикуляции и защиты этих интересов и степени конвенциональности, легальности и официальной предпринимаемых ими действий. Ключевой характеристикой политического процесса является переход от одной расстановки и соотношения сил на политической сцене к другой, от одного баланса и равновесия сил через его нарушение (дисбаланс) к новому равновесию. Таким образом, иммиграционный фактор в ряде случаев может рассматриваться как катализатор дисбаланса и последующего витка развития политического процесса.

Трансформации политических процессов связаны со сложными взаимодействиями государственных и негосударственных институтов, групп и индивидов. Однако именно «государственное управление, связанное с разработкой государственной стратегии и проведением повседневной публичной политики, занимает ключевое место в структуре политического процесса». Государственное воздействие, распространяясь в целом на гражданское общество, подразделяется на конкретные направления (политики) в зависимости от так или иначе структурированных социальных объектов: классов, групп, слоев и т.п. Поэтому, например, существует молодежная, демографическая, национальная политика. Поскольку иммигранты также выступают отдельной социальной группой в рамках гражданского общества, то неизбежно существование и иммиграционной политики.

Иммиграция является одним из многих феноменов, которые составляют социальную (внешнюю) среду политической системы и оказывают непосредственное влияние на процессы, проходящие в её рамках. Таким образом, иммигранты и их сообщества в виде относительно изолированных компактных поселений (гетто), политических движений и партий, культурных и профессиональных организаций и объединений, криминальных групп, и т.п. могут являться как самостоятельными акторами политического процесса, так и оказывать опосредованное влияние на политические процессы в странах прибытия, будучи фактором социальной среды.

По замечанию Е.Ю. Мелешкиной [1], «от степени институционализации политической деятельности зависит не только достижение конкретных целей (оно, как правило, тем эффективнее, чем выше степень институционализации), но и воспроизводимость, повторяемость, регулярность каких-либо политических отношений, их закрепление в правилах и нормах». Потребностью в институционализации деятельности для повышения ее эффективности может быть объяснен феномен геттоизации (создания относительно изолированных национально-территориальных общин), обычно воспроизводимый иммигрантами в странах прибытия. Институциональное объяснение дополняет традиционное психологическое объяснение такого поведения иммигрантов, заключающееся в констатации потребности в групповой идентификации и аффилиации.

Участие иммигрантов, их сообществ и групп в политической жизни принимающего общества весьма различается по степени актив-

ности, но в целом является ограниченным ввиду отсутствия у иммигрантов (по крайней мере, в течение определенного периода) статуса гражданина принимающей страны. Однако, будучи одним из наиболее значительных факторов социальной среды, они косвенно влияют на многие текущие политические процессы в принимающих странах, чем, несомненно, воздействуют и на трансформацию политической системы в целом.

Обратимся теперь к более подробному рассмотрению феномена иммиграции и определению характера ее причин и аспектов влияния на политические процессы.

Термином «миграция» обозначаются перемещения людей, связанные, как правило, со сменой места жительства. Подразделяется миграция на безвозвратную (с окончательной сменой постоянного места жительства) и временную (переселение на достаточно длительный, но ограниченный срок). Сезонная (перемещение в определенные периоды года) и маятниковая (регулярные поездки к месту работы за пределы места постоянного жительства) миграции обычно понимаются как разновидности временной миграции.

Прежде всего, необходимо развести понятия внутренней и внешней миграции: под первым принято понимать имеющее социально-экономическое, демографическое и политическое значение внутригосударственного территориального перемещения населения, постоянно проживающего в данной стране. Под вторым же следует понимать всю совокупность перемещений, совершаемых людьми между странами мира и оказывающих прямое или опосредованное влияние на социально-экономические, демографические, культурные и политические трансформации как регионального, так и глобального характера. Поскольку в данной статье речь идет о международной миграции, следует остановиться на ее рассмотрении более подробно. Внешняя миграция состоит из двух составляющих: эмиграции и иммиграции. Иммиграцию в контексте данного исследования следует определить как въезд граждан одного государства (или лиц без гражданства) на территорию другого государства на постоянное или временное место жительства. Причем категория въезда может в ряде случаев отличаться от правового статуса, приобретаемого в дальнейшем иммигрантом в принимающей стране.

Для удобства анализа миграционные процессы принято подразделять на типы. Одна из возможных типологий такова [2]: первый тип – миграция, порожденная процессами деколо-

низации в странах Третьего мира. Этот тип миграций проявляется в широком миграционном движении коренного населения развивающихся стран в европейские страны, бывшие некогда метрополиями, а теперь установившие льготный иммиграционный режим для жителей своих бывших колоний. Именно поэтому Великобритания стала принимать в последние десятилетия значительный поток иммигрантов из Индии и Пакистана, Италия – из Эфиопии, Нидерланды – из Индонезии и Суринама, Португалия – из Мозамбика и Анголы, Франция – из Алжира и Марокко. Второй тип – «этническая» миграция, проявляющаяся в процессах репатриации представителей какого-либо этноса из страны, где они родились (куда переехали или были перемещены), в страну государственного самоопределения своей этнической группы. В первую очередь это касается репатриационного движения этнических немцев в Германию, этнических евреев – в Израиль, этнических русских в Россию. Третий тип миграций – экономическая. Она связана со сложившейся в 1950-е гг. практикой привлечения западноевропейскими государствами трудовых иммигрантов для восстановления разрушенной войной промышленности. В более широком смысле под экономической миграцией понимается трудовая (в том числе сезонная) миграция из бедных и беднейших стран в богатые. Четвертый тип – вынужденная миграция. Порождается таковая, как правило, политическими, религиозными или этническими преследованиями; стихийными бедствиями; либо развертыванием в стране военных действий. Следует отметить, что все выделенные типы носят «чистый» характер и, объясняя реальные миграционные процессы в мире, постоянно можно наблюдать наложение и перекрещивание этих типов.

Под иммиграционным потоком следует понимать общее количество иммигрантов, прибывающее в страну вне зависимости от целей и мотивов их приезда. Однако, в исследовательских целях, иммиграционный поток принято разделять на группы с тем, чтобы полноценно и всесторонне проанализировать отдельные его составляющие и составить на их основании общую картину. Такими группами, например, могут быть: категории въезда иммигранта и получаемого им впоследствии статуса расового, этнического происхождения и вероисповедания, а также по профессионально-образовательным характеристикам иммигранта.

Иммиграция, будучи одним из важнейших факторов социальной среды, своими тем-

пами, масштабами, этнической и культурно-религиозной диверсифицированностью потока оказывает как прямое, так и опосредованное влияние на складывание системы государственных органов, ответственных за контроль и регулирование иммиграции в принимающих странах. Кроме того, иммиграция оказывает влияние на эволюцию институтов гражданского общества, связанных с самоорганизацией иммигрантов и развитием организаций по защите прав иммигрантов различных категорий.

Протекание политических процессов в странах, находящихся под воздействием интенсивных иммиграционных трендов, имеет достаточно сложный и неоднозначный характер, потому что социально-политические и экономические трансформации, порождаемые иммиграцией, носят комплексный характер, воздействующий на всю социальную и политическую систему в целом. В этих условиях адекватное предвидение последствий политических решений и изменений является одним из главных залогов построения эффективной стратегии и тактики поведения для всех политических акторов. Именно поэтому политический анализ зачастую концентрируется на выработке инструментария для процесса принятия и реализации политических решений и анализе уже принятых решений, оформленных документально и имеющих юридическую силу.

Исходя из вышесказанного, отметим, что иммиграция является фактором, инициирующим (и влияющим на) политические процессы, касающиеся регулирования и управления иммиграционными потоками, причем инициаторами (актерами) политических процессов в принимающих странах могут являться как сами иммигранты и их сообщества, так и институты и структуры гражданского общества и государства. Основным содержанием политического процесса, так или иначе связанным с иммиграцией, является целый комплекс политических решений, процедур и мер. Во-первых, это оформление государственного политического курса или долговременной стратегии в отношении иммиграции; во-вторых, это разработка и имплементация законодательства в иммиграционной сфере в соответствии с заранее установленными государством стратегическими целями и задачами в этой области; в-третьих, это собственно деятельность институтов государственной власти, направленная на осуществление поставленных целей и задач; в-четвертых, это контроль и мониторинг действий власти со стороны институтов гражданского общества (в том числе со стороны самих иммигрантских сообществ), а также деятель-

ность этих институтов, связанная с защитой прав иммигрантов путем оказания им помощи различного рода и лоббированием интересов иммигрантов во властных структурах. При этом в круг основной проблематики политических процессов, связанных с иммиграцией, входят такие проблемы, как экономическая эффективность иммиграции, этнокультурный конфликт иммигрантов и местного населения принимающих стран, защита прав и свобод иммигрантов, адаптация и/или ассимиляция иммигрантов в принимающих странах.

Иммиграционная политика, являющаяся одной из результирующих политического процесса, традиционно понимается как государственная политика по отношению к принятию иностранцев (граждан других стран или лиц без гражданства), намеревающихся остаться в стране на постоянное или временное место жительства. Поэтому иммиграционная политика состоит из следующих компонентов:

- Принятые правительством страны официальные государственные стратегии и/или концепции относительно понимания значения и роли иммиграции для развития данной страны.
- Национальное законодательство в сфере управления и регулирования иммиграционными процессами (которое, как правило, включает в себя законодательство о натурализации и гражданстве, критериях адмиссии, а также условиях и правилах временного пребывания иностранцев на территории страны, правилах предоставления убежища и статуса беженца, условиях отказа в пребывании на территории страны и механизмах депортации и реадмиссии).
- Система государственных органов и институтов, отвечающих за последовательное проведение предусматриваемых концепциями и законодательством мер в сфере иммиграции.

Специфика иммиграционной политики, в отличие от многих других видов внутригосударственной политики, заключается в том, что её объектом являются лица, проживающие на территории страны и участвующие в социально-экономической жизни страны, но не имеющие ни права, ни возможности легально повлиять на окончательно принимаемые государством решения в этой сфере.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что иммиграционная политика с необходимостью включает в себя следующие составляющие [3]: превентивную политику, подразумевающую сотрудничество принимающей иммигрантов

страны со страной их выбытия, международными и негосударственными организациями. Иными словами, задача этой политики заключается в воздействии на иммиграционный поток еще до того, как он достигнет границы страны прибытия. Политику адмиссии (приема иммигрантов), т. е. определения и законодательного закрепления различных иммиграционных категорий и селективных критериев, с помощью которых в дальнейшем осуществляется управление иммиграционным потоком. Считается, что политика адмиссии должна включать в себя элемент планирования. Политику контроля, направленную на создание эффективного управления иммиграционными потоками, особенно на границах, и противостояния нелегальной иммиграции. Как правило, это делается через введение в политику контроля рестриктивных элементов. Политику интеграции, ориентированную на создание эффективных социальных, культурных, политических и экономических условий для интеграции легальных иммигрантов, уже обосновавшихся в стране въезда. Сюда входит и мультикультуралистская установка на создание в стране приема иммигрантов обстановки этнической и конфессиональной толерантности, и обеспечение иммигрантам доступа к системе социального обеспечения, здравоохранения, образования. Поощрение иммигрантов к активному участию в политической жизни на локальном уровне, наконец, защита трудовых прав иммигрантов.

Содержательное наполнение иммиграционной политики конкретной страны зависит от целого ряда гипотез, которыми руководствуются разработчики стратегической линии этой политики, а также от контекстуальных факторов, прямо или косвенно воздействующих на всех участников политических процессов в принимающих иммигрантов странах. Среди гипотез следует отметить следующие дилеммы, ответ на которые предопределяет содержание иммиграционной политики и то, будет ли она либеральной или же рестриктивной. Во-первых, это дилемма структуры иммиграции – является ли она процессом массовым или индивидуальным? Во-вторых, это дилемма продолжительности иммиграции – является ли она процессом перманентным или временным? На-

конец, в-третьих, это дилемма характера протекания миграционных процессов – являются ли они прогрессирующими, регрессирующими или носят циклический характер [4]? Что касается контекстуальных факторов оформления иммиграционной политики, то основными следует признать следующие: группу исторических факторов, состоящую из традиций политической культуры данной страны. Под этим подразумевается то, что политические установки относительно иммиграции будут различаться в странах, имевших длительный опыт управления иммиграционными потоками, и странах, не имевших такого опыта, но сталкивающихся с возрастающими иммиграционными потоками. К факторам, связанным с политической культурой, относят идеологические и морально-религиозные ценности, господствующие в принимающей иммигрантов стране. В этом смысле можно проводить сравнение государств, где доминируют (или декларируются как доминирующие) мусульманские и христианские ценности или сравнительный анализ функционирования иммиграционной системы в условиях авторитарных, тоталитарных и демократических режимов правления. Группа экономических факторов связана с обуславливающим влиянием на иммиграционную политику таких сфер, как состояние рынка труда, демографическое развитие и финансовая состоятельность принимающей страны. Таким образом, устанавливается взаимосвязь между «старением» нации, безработицей, высокими налогами на содержание государственной системы социального обеспечения и степенью либеральности/рестриктивности иммиграционной политики. Группа социальных факторов имеет отношение к готовности и способности общества принимающей страны ассимилировать прибывающих иммигрантов, а также готовности самих иммигрантов к интеграции. Поэтому речь здесь идет не только о взаимной толерантности как потенциале мультикультурализма, но и готовности к компромиссам как со стороны иммигрантов и их сообществ, так и со стороны местного населения. Определенное значение в степени влияния всех групп контекстуальных факторов на политические процессы имеет также степень концентрации иммигрантов в принимающей стране.

1. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов. Под ред. Е.Ю. Мелешиной. М.: Изд-во «Весь мир», 2001. 304 с.

2. Kaya B. The Changing Face of Europe – Population Flows in the 20th century. Strasbourg: Council of Europe, 2002. P. 25–31.

3. Hailbronner K. et.al. Immigration Admissions. Oxford University Press, 1997. P. 53–75.

4. Luciani G. Migration Policies in Europe and in the United States. New York, 1993. P. 2–6.

ГРУППЫ КАК СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

УДК 323.3

Н. Р. БАЛЫНСКАЯ

В политологии традиционно в качестве субъекта политики выступают, прежде всего, властные структуры, в качестве объекта воздействия власти мыслится общество. Также к субъектам политики традиционно относятся социальные и национальные общности, организации, учреждения, способные участвовать в политической жизни, принимать политические решения и добиваться их реализации, а также влиять на власть и изменять общественные отношения в соответствии со своими интересами и целями. При этом одним из самых действенных инструментов передачи информации от субъекта власти к объекту, способного в кратчайший срок охватить многомиллионную аудиторию, выступают средства массовой информации (СМИ).

В последнее время в связи с обращением России к демократическим ценностям в центре внимания ученых в качестве самостоятельных субъектов политических отношений все чаще стали рассматриваться группы граждан, объединяющихся в соответствии со своими интересами, в том числе и политическими. И это важная тенденция, поскольку одним из базовых признаков демократии и политического плюрализма является наличие оппозиции: «Воля большинства должна оставлять определенные гарантии для меньшинства, для оппозиции. Если воля большинства станет абсолютной, исключаящей любую другую волю, то оппозиция исчезнет, а вместе с нею и демократический выбор избирателей. Важно понять, что шансы демократии связаны с шансами оппозиции, устранение которой дает «вечную власть вечного авангарда» [1, с. 109]. Таким образом реализуется принцип децентрализации власти, когда общество из объекта воздействия власти частично становится субъектом политики.

Однако процесс этот весьма противоречив. Можно выделить два основных пункта, в соответствии с которыми видны принципиальные расхождения. С одной стороны, группы по интересам в политике действительно являются основой демократии, и в России они начали складываться: распространение в последние годы получили различные общественно-политические организации.

Только в Магнитогорске, например, в 2003–2004 годах активно влияла на политические решения деятельность общественной организации «Центр защиты материнства и детства», а в настоящее время активно действует очень многочисленная организация «Я – женщина», созданная при поддержке ОАО «ММК». Среди оппозиционных организаций, чья деятельность вышла на областной и федеральный уровень, можно назвать «Союз оппозиционных сил» – именно эта организация инициировала митинги и пикеты перед областным правительством в Челябинске и на Красной площади в Москве, посвященные противостоянию малого и среднего бизнеса и властных структур в городе Магнитогорске. С другой стороны, приходится констатировать, что группы по интересам пока значительной роли в политической жизни страны не играют. В современной России обнаруживается парадокс: чем больше формируется групп как политических субъектов, тем меньшая роль в политическом процессе им принадлежит. Еще одно противоречие связано с ролью личности в политическом процессе. С одной стороны, исследователи признают за личностью участие в политических отношениях, в рамках которых личность политически социализируется. С другой стороны, в соответствии с представлениями традиционной политологии в политике личность выражает свои интересы именно в группе, поскольку отдельному человеку трудно в одиночку реализовать свои интересы. Однако политическая реальность демонстрирует: отдельная личность значительно влияет на политический процесс.

Справедливости ради отметим: политология рассматривает эту способность влияния личности в рамках многочисленных теорий лидерства. Однако далеко не все действия отдельной личности в политическом процессе представляют собой проявление лидерства. Исследователи отмечают, что на современном этапе развития общества «формирование политических ценностей зависит от получения прибыли или личного своекорыстия богатых соискателей политической власти» [2, с. 30]. Причем это не единичные случаи, речь можно вести об определенной устойчивой тенденции. Становится очевидно:

отдельная личность тоже может являться самостоятельным субъектом политики с присущими данному субъекту свойствами, по поводу которых исследователи замечают: «Во многом постклассический субъект политики формируется сегодня не в рамках политической системы, а вне ее и вопреки ей – в неравной борьбе с политическими структурами и силами рынка. Современный политический актор уже не стремится создать идеальное государство, идеальный политический строй, он осваивает и защищает лужайку, которую постоянно пытаются захватить. Человек политический сегодня скорее обороняется, чем участвует в борьбе, скорее защищается, чем пророчествует. Другими словами, он – сила освобождения, а не архитектор политического порядка» [2, с. 27].

Не оспаривая вывод, к которому приходят исследователи, все же позволим себе не во всем согласиться с ними. Действительно, роль отдельной личности в политике возрастает. Но не перестали играть значительную роль в политической жизни государства и традиционные политические институты.

Непротиворечивым объяснением проявившихся противоречий может стать новая классификация субъектов политики, в соответствии с которой субъекты подразделяются на две большие группы: традиционно-представительные и спонтанно-периодические. К традиционно-представительным субъектам относятся общественные институты. Это устойчивые во времени образования, действия которых, в силу институциональной специфики, отличаются некоторой консервативностью и медлительностью. Спонтанно-периодические субъекты представлены многочисленными группами по интересам и отдельными индивидами. Их действия значительно отличаются от действий традиционно-представительных институтов: даже ресурсы, обладание которыми повышает шансы заметным образом трансформировать политический процесс или влиять на него, у групп по интересам и отдельной личности заметно более ограничены. Из этого проистекает и различие в методах осуществления властных амбиций разными группами субъектов.

Специфика функционирования традиционно-представительной группы субъектов политического процесса обусловлена четырьмя основными особенностями. Первая заключается в том, что состав субъектов вытекает из формы государственного устройства, существующей в каждой стране. Традиционно политоло-

гия к форме государственного устройства относит форму правления, государственное устройство, политический режим [3]. Та или иная форма государственного правления порождает институциональные субъекты политических отношений с достаточно конкретным набором для каждой страны. Например, для монархии традиционно-представительными институтами являются институт подданства (политико-правовая принадлежность лица абсолютному монарху) и институт самой монархии. Для республиканской же формы правления традиционно-представительными субъектами политики будут являться институт гражданства (политико-правовая принадлежность лица своему государству) и институт президентства.

Также влияет на состав и действия традиционно-представительных субъектов политики государственное устройство. Например, унитарное государственное устройство не способствует развитию института местного самоуправления, тогда как федеративное устройство, напротив, направлено именно на то, чтобы институт местного самоуправления развивался активно, представляя собой самостоятельный субъект политических отношений.

Именно то, что состав традиционно-представительных субъектов вытекает из формы государственного устройства, официально провозглашенной в нормативных документах (Конституции), определяет вторую особенность этой группы субъектов: традиционно-представительные субъекты политического процесса имеют четко обозначенный предел компетенции. Так, например, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который дал импульс введению двухуровневой территориальной организации местного самоуправления и установление 4-х основных типов муниципальных образований, способствовал признанию за местным самоуправлением самостоятельности в управленческих процессах, определил предел компетенций. То же можно сказать и о других институциональных субъектах политики: институте президентства (компетенции прописаны в Конституции Российской Федерации), институте политических партий (компетенции прописаны как в Конституции Российской Федерации, так и в законе «О политических партиях» и т.д.).

Третья особенность заключается в том, что традиционно-представительные субъекты политического процесса имеют официальные, определенные законом рычаги уп-

рвления. Методы воздействий с целью изменения политической ситуации также прописаны в законодательстве (для политических партий – это закон «О политических партиях», система законодательных актов в области предвыборной агитации и пропаганды и т.д.).

Четвертая особенность заключается в специфических временных характеристиках, в соответствии с которыми действуют традиционно-представительные субъекты. Политическое время для каждого субъекта политического процесса может быть либо заданным кем-то извне, либо заданным самим субъектом. Если время, заданное извне, не совпадает с временем, определенным самим субъектом, то субъект испытывает дискомфорт и стремится исключить возникшее противоречие. Особенность функционирования традиционно-представительных субъектов политического процесса заключается в том, что эти субъекты живут по политическому времени, установленному извне, и не могут сколько-нибудь значительно изменять это политическое время. Это объясняется тем, что традиционно-представительные субъекты политических отношений, как уже было сказано, являются институциональными субъектами. Фиксирование в законодательных актах компетенций данных субъектов обуславливает их действия и временные континуумы проявления политической активности. Так, время играет значительную роль в законодательных актах, посвященных выборам, есть временные ограничения и в отношении таких институтов, как журналистика, реклама. Функционирование журналистики как субъекта политического процесса нуждается в пояснении.

На наш взгляд, журналистика представляет собой особый социально-политический институт и относится к группе традиционно-представительных субъектов. Состояние журналистики, как отмечают исследователи, на разных этапах своего развития зависит от определенных факторов: «Для журналистики ключевыми являются два фактора – политика правительства в области печатного слова и общественные потребности, уровень развития читательской аудитории» [4, с. 16]. Действия журналистов в России регламентируются системой законодательства о средствах массовой информации, куда входит Федеральный закон «О СМИ», «О рекламе», «О выборах Президента Российской Федерации» и т.д. Законодательство четко определяет предел компетенции данного института, а также механизм его функционирования и временные рамки. Например, в законода-

тельстве прописано, какое время отводится журналистам и редакциям для хранения информации (например рекламной), за какое время и каким образом чиновник обязан среагировать на запрос журналиста и т.д. Однако журналистика – это особый, специфический субъект политического процесса. Будучи институтом, журналистика относится к группе традиционно-представительных субъектов. В то же время именно журналистика обладает возможностью охвата информационным импульсом многомиллионной аудитории в кратчайший промежуток времени. Таким образом, по характеру своих действий в политическом процессе журналистика относится к другой группе субъектов – к субъектам спонтанно-периодическим.

Спонтанно-периодические субъекты осуществляют информационное вмешательство в политический процесс. Действия данной группы субъектов в политическом процессе также обладает рядом особенностей. Группа спонтанно-периодических субъектов политики может периодически пополняться за счет перешедших в нее традиционно-представительных субъектов. Для этого институциональным субъектам приходится на определенный промежуток времени менять методы своих действий. В основном, действия таких субъектов продиктованы несовпадением временных характеристик, заданных извне и сформулированных самостоятельно. Как правило, субъект, переходящий из группы традиционно-представительных субъектов в группу спонтанно-периодических, стремится сократить политическое время, что дает возможность максимально увеличить отдачу от своих действий, исключить возможность маневрирования для других субъектов, находящихся с ним в условиях политической конкуренции.

В качестве примера можно привести действия института политических партий. Перед выборами в государственную Думу 2 декабря 2007 года можно было наблюдать, как все политические партии, имеющие свои печатные органы, заметно активизировали собственные информационные действия. Партии относятся к группе традиционно-представительных субъектов политики и в межвыборный период действуют в соответствии со всеми характеристиками, которые присущи этой группе субъектов. Однако в период предвыборной агитации партиям необходимо усилить эффект от своих действий, начинается борьба за завоевание новых секторов информационного пространства. Именно в этот момент политические партии переходят в иную группу – группу

спонтанно-периодических субъектов политики, при этом меняются методы и интенсивность их действий. После выборов наблюдается возвращение этого субъекта в группу традиционно-представительных субъектов.

Группа спонтанно-периодических субъектов представлена также и группами по интересам. У этих субъектов весьма своеобразные методы действий: они действуют через информационные импульсы. Любой группе по интересам необходимы периодические информационные действия, чтобы придать своей деятельности ускорение и определенную направленность. В качестве примера подходит действие любой организации. Так, Всероссийский общественный фонд «Социального развития» постоянно организует конференции, симпозиумы, ведет активную деятельность в разных комитетах при Государственной Думе. У фонда существует план, в соответствии с которым данная организация не только проводит мероприятие, но и осуществляет ряд значительных информационных действий по его сопровождению. В то время, когда организация готовится к очередному мероприятию, в СМИ идет информационная отдача от уже проделанной работы. Когда интерес аудитории угасает, проводится следующее мероприятие, и процесс запускается снова. Таким образом, организация постоянно осуществляет спонтанное, периодическое вмешательство в информационное пространство, и чем чаще активизируется информационное пространство, тем большая отдача от действий организации и тем более длительно ее влияние, осуществляемое уже по инерции.

Следует становиться и еще на одном субъекте, который также отнесен нами к группе спонтанно-периодических субъектов, – отдельная личность. Отдельная личность влияет на политическое пространство, она

может создавать информационные поводы, изменять политическое время. Но ресурсов, которыми обладает отдельная личность, может оказаться недостаточно, чтобы изменить политический процесс значительно. Поэтому происходит процесс совмещения интересов личности с интересами других субъектов политики, что открывает возможности использовать дополнительные ресурсы. Именно по поводу этого процесса ученые констатируют: «формирование политических ценностей зависит от получения прибыли или личного своекорыстия богатых соискателей политической власти» [2, с. 30].

Таким образом, все многочисленные субъекты, функционирующие в современном российском политическом процессе, можно разделить на две группы: субъекты традиционно-представительные и спонтанно-периодические. Это деление опирается на различия, которые наблюдаются в действиях субъектов политики, а потому дает возможность непротиворечиво объяснить особенности в поведении каждого субъекта. Исследование этого направления становится принципиально важным, поскольку сегодня с уверенностью можно констатировать: современная политическая система России сформировалась, однако политический процесс пока развивается спонтанно и является труднопрогнозируемым. Для осознания причин спонтанности действий субъектов политики важно понимание самого механизма инициирования этих действий, а также процесса выработки методов их осуществления. Четкое представление о группах субъектов политики с учетом специфики методов их действий способно не только в определенной мере дать объяснение процессам, происходящим сегодня в мире российской политики, но и способствовать переходу политического процесса в более стабильную фазу.

1. Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе: Учебное пособие для средних учебных заведений. М.: «Книжный дом «Университет», 1999. 520 с.

2. Василенко И.А. Информационные ресурсы власти и формирование новой постклассической картины политического мира XXI в. // ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. 2004. № 2. С. 27–38.

3. См.: И.А. Козиков. Еще одно пособие по политологии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 6. С. 74–75.

4. См.: Ковалева М.М. Отечественные СМИ в поисках самоидентификации // Средства массовой информации в современном мире. СПб: Издат-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. С. 15–21.

РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 329.7

М. К. АРЧАКОВ

Определенную угрозу для гражданского общества в современной России представляют ультранационалистические организации, использующие в своих программных документах религиозную составляющую. Поэтому необходимо иметь ясное представление о сущности той или иной разновидности религиозного радикализма и возможных стратегиях участия националистических организаций в политическом процессе.

В качестве предмета исследования мы рассмотрим деятельность некоторых религиозно-националистических организаций, позволяющую понять их место и роль в современном российском политическом процессе.

В современном русском религиозном радикализме можно выделить два направления: православное и неоязыческое.

Православный религиозно-националистический радикализм представлен рядом общественных организаций, движений ультранационалистической направленности, использующих в той или иной степени религиозные идеи. Можно указать следующие: НПФ «Память», РНЕ, РНС, РОНС, Черная сотня, РПНСД, Союз Русского Народа и др.

Все данные организации объединяет самоидентификация их членов как «православных националистов», этнонационализм и довольно натянутые отношения с Московской Патриархией РПЦ.

Плохие отношения с РПЦ связаны с тем, что Московская Патриархия и основная часть православной общественности поддерживают доктрину «традиционных религий». Доктрина эта сводится к идее опоры государства на доминирующие организации этнически разграниченных конфессий – православия, ислама, буддизма и иудаизма – примерно пропорционально численности соответствующих этнических групп [1].

Непримиримость к идее «многообразия равноправных конфессий» и опора на жесткий православный фундаментализм позволяют говорить о наличии православных ультранацио-

налистических организаций в политическом пространстве современной России.

Более-менее активно на политическом поле современной России пытаются действовать РПНСД, РОНС и Союз Русского Народа.

Одной из самых радикальных ультранационалистических организаций России является Русское православное движение (далее – РПНСД). Эта организация создана осенью 2007 г. в Перми на основе распавшегося Пермского отделения РНЕ.

Возглавил организацию бывший член ЦС РНЕ В.В. Носков, объявивший о том, что новая организация является не просто политической, но и Свято-Михайло-Архангельской общиной истинно православных христиан. По мнению активистов РПНСД, целью движения является создание православно-теократического государства, политический строй которого определяется как национал-социализм [2].

При этом православие понимается как «религиозно-нравственная доктрина», а человечество разделяется на два типа – люди (истинные христиане, которыми могут быть только белые народы – потомки Сима и Иафета) и нелюди (небелые народы, потомки Хама). Члены движения считают себя «Новым Израилем», подлинными евреями (в отличие от народа, который общепринято называется еврейским), рассматривают Святое Писание как описание истории богоизбранного народа, то есть истинных христиан. В случае прихода к власти лидеры РПНСД планируют установить режим апартеида, учредить единый государственный банк в условиях плановой экономики, ввести наказания за «религиозно-нравственные преступления», создать «Православную армию со всеобщей воинской обязанностью» [3].

Исходя из своих программных установок, РПНСД старается активно участвовать в российском политическом процессе.

Так, пропагандистский аппарат РПНСД настаивает на создании автономных общин сторонников РПНСД в регионах РФ. Подобные

общины нужны РПНСД в качестве инструмента подготовки и создания христианского государства. Создание христианского государства возможно лишь при реализации сепаратистских тенденций. Поэтому руководство РПНСД считает, что создание региональных автономных общин может быть особенно актуальным в связи с «неизбежным разделом» России [4].

То есть в случае дестабилизации общественной ситуации в РФ общины РПНСД могут выступить одним из акторов, поддерживающих региональные сепаратистские движения. Однако процесс создания региональных общин РПНСД идет довольно медленно и охватывает в основном Пермь, Челябинскую и Свердловскую области.

Кроме того, РПНСД и его лидеры стараются сотрудничать с другими национальными организациями и участвовать в их деятельности, отдавая предпочтение тем, в руководство которых входят бывшие лидеры РНЕ, а также члены ЛДПР. Так, осенью 2005 года в Перми было создано национальное объединение «Авангард патриотической молодежи», куда вошли члены ЛДПР, РНЕ, РПНСД и ряд других более мелких национальных группировок. Тесные связи руководство РПНСД поддерживает с созданной летом 2006 г. Партией защиты российской конституции «Русь» (ПЗРК «Русь»), возглавляемой бывшими членами РНЕ А. Рашицким, Ю. Васиным, а также депутатами фракции ЛДПР в государственной Думе Н. Бурлаковым и В. Давиденко.

Но, несмотря на это, подчеркнутый расизм и крайняя религиозная нетерпимость не позволили РПНСД сформировать массовую общественную структуру, необходимую не только для реализации поставленных задач, но и для оказания давления на органы власти в России.

Одной из достаточно активных религиозно-националистических организаций является «Союз Русского Народа» (СРН). Союз Русского Народа был создан на Учредительном съезде 21 ноября 2005 г. В нем участвовали делегаты около 70 субъектов РФ, а также представители Белоруссии, Украины и Казахстана. На Съезде был избран Высший Совет движения, который возглавил известный скульптор В.М. Клыков [5].

Съезд принял ряд программных документов, отражающих взгляд руководства и членов движения на общественно-политическую ситуацию в России, в том числе и по религиозному вопросу.

Так, один из документов «Обращение Всероссийского Соборного Движения к съезду Союза Русского Народа» прямо указывал

на то, что «никто не может отменить законную форму государственности в России – Православную самодержавную монархию». Наш национальный идеал – православный народ, Русская православная церковь, православный Государь. Православная самодержавная власть нужна русскому народу как отвечающая его религиозно-нравственным идеалам...» [6].

Данный документ недвусмысленно провозглашает исключительность православия как государственной религии, особые права РПЦ по сравнению с другими конфессиями, что, естественно, является проявлением религиозного радикализма. Принятый съездом Устав прямо разделяет граждан России по национальному признаку. Так, пункт 13 гласит: «членами Союза могут быть только природные русские люди обоего пола...», пункт 14: «все лица некоренного русского происхождения и инородцы могут быть приняты в члены Союза не иначе, как по единогласному постановлению соединенного собрания членов совета и членов-учредителей, в составе председателя совета, шести членов совета и половины числа членов-учредителей». Евреи в члены Союза никогда допущены быть не могут, даже в том случае, если они примут христианство» [7].

В подобные националистические тона окрашены и другие документы Союза, утверждающие, что «страна живет по свехлиберальной конституции, провозгласившей главной задачей государства защиту пресловутых боготорческих масонских принципов прав человека, в число которых входит государственное истребление миллионов еще не родившихся младенцев.

Основная часть собственности и производственных мощностей находится в руках инородцев и иностранцев. Все русские природные богатства объявлены мировым достоянием, беспощадно эксплуатируются и вывозятся для наращивания мощи наших геополитических соперников, а то и прямых врагов России.

Правительство преднамеренно наводняет русскую землю миллионами чужеродных и инославных захватчиков, которые грабят, убивают, насилуют и эксплуатируют русских людей, распространяют наркотики и суррогаты, отнимают рабочие места, жилье, вывозят награбленный капитал за границу и постепенно превращаются в «пятую колонну» враждебных сил» [8].

Таким образом, Союз Русского Народа в отличие от РПНСД хотя и не провозгласил расизм в качестве одного из основных принципов идеологии, но в то же время является организацией националистической, стоящей

на позициях религиозно-националистического радикализма.

Одной из текущих задач СРН подобно РПНСД определил «создание разветвленной сети отделений на территории РФ, Украины и Белоруссии» [9].

Но в отличие от РПНСД отделения СРН должны были тесно сотрудничать с местными церквями, приходами, руководством РПЦ. Второй, не менее важной задачей признавались пропаганда и агитация. На практике «пропаганда и агитация» нередко приводили к разжиганию национальной розни, антисемитизму, религиозной нетерпимости к представителям других конфессий. Так, весной 2008 г. по 282 статье УК РФ за разжигание национальной розни и призывы к созданию террористических партизанских групп были осуждены И. Терехов – председатель Амурского отдела СРН и два его ближайших соратника.

Серьезным ударом для СРН стала смерть В.М. Клыкова, председателя Высшего совета движения в июне 2006 г., что привело к расколу в рядах Союза. В настоящее время «один» Союз Русского Народа возглавляет генерал Л.Г. Ивашов, а «другой» Союз – один из членов Высшего совета А. Турик. Однако раскол в организации не привел к существенному снижению её активности. Оба «Союза» пытаются активно участвовать в политическом процессе современной России, обращаясь к православной общественности и ища покровительства у высших иерархов Московской Патриархии.

Более «умеренной» религиозно-националистической организацией является Русский Общенациональный Союз (РОНС), который с 1990 г. бессменно возглавляет Игорь Артемов. Эта организация хорошо известна в кругах национал-патриотов своим православным фундаментализмом. В своей деятельности РОНС пытается опереться на сотрудничество с иерархами РПЦ, но пока безуспешно, проводит молитвенные стояния, крестные ходы, участвует в восстановлении православных храмов.

Вместе с тем, принимаемые обращения, постановления съездов, заявления лидеров РОНС позволяют отнести данную организацию к религиозно-националистическим.

Так, документ «Наши программные принципы» прямо указывает: «Россия – государство русского народа. Государственным идеалом и основой русского образа жизни является православное христианство» [10].

Достаточно радикальной является Резолюция VI съезда РОНС «О русском государстве», провозглашающая главной целью «восстановление России как русского православного государства» и далее «не может быть от

Бога власть, отдавшая православный народ на поток, разграбление и растление инородцам и иноверцам» [11].

Данные материалы РОНС прямо противопоставляют православие остальным конфессиям, говорят о его государственной официальной роли, а также жестко противопоставляют православных верующих «инородцам и иноверцам» по религиозному признаку.

Не менее показательна резолюция V съезда РОНС «Покончить с кавказской оккупацией России!», утверждающая, что «навести порядок в России сможет только православная русская власть. Со всеми национал-сепаратистами мы должны разговаривать с позиции силы... Необходимо уже сегодня ввести визовый порядок въезда азербайджанцев в Россию и разработать меры по очищению от них русских городов» [12].

Подобные документы свидетельствуют о том, что РОНС – одна из религиозно-националистических радикальных организаций, действующих на современном российском политическом поле. Деятельность РОНС в целом подобна РПНСД и СРН и заключается, главным образом, в создании региональных отделений (отделения РОНС существуют в 55 субъектах РФ), пропаганде националистических взглядов, сотрудничестве с другими праворадикальными организациями. Так, основным союзником РОНС сегодня является политическая партия «Народный Союз» Сергея Бабурина, стоящая на правоконсервативных позициях. Кроме этого, некоторые участники РОНС проходили по ряду уголовных дел, как например, теракт на Черкизовском рынке в Москве и т. д. [13].

Таким образом, анализ документов РПНСД, СРН, РОНС позволяет утверждать, что данные общественные организации являются религиозно-националистическими. Общественно-политическая деятельность РПНСД, СРН и РОНСа направлена на расширение своего представительства в субъектах РФ, ведение активной национальной пропаганды, искусственного противопоставления православных граждан России представителям других конфессий. Призывы к насилию против «инородцев и иноверцев» являются серьезной угрозой гражданскому обществу и способствуют обострению межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Своеобразным участником политического процесса в современной России является движение за возрождение древнейших дохристианских верований и обычаев Руси – это русское (славянское) неоязычество.

Первые организации, которые основывали свою деятельность на дохристианском сла-

вянском мировоззрении, появились в России в конце 80-х гг. XX века. Это созданное в 1986 г. В. Безверхим в Ленинграде «Общество волхвов», Федерация Славяно-горичкой борьбы А. Белова, Нижегородская областная языческая община А. Рыбина и ряд других. Вскоре процесс создания неоязыческих общин, групп и организаций охватил более 20 субъектов РФ.

Современное неоязычество неоднородно. В нем можно выделить два направления: религиозное и политическое. Религиозное неоязычество представлено Союзом славянских общин. Создан Союз в 1997 г. под председательством руководителя Калужской славянской общины В. Казакова. Союз Славянских Общин включает в себя различные неоязыческие религиозные общины, созданные в Москве, Калуге, Рязани, Рыбинске, Смоленске, Орле и других городах и районах России. Основная цель данных неоязыческих общин – восстановление славянского (языческого) вероисповедания в качестве полноценной религиозной конфессии. С этой целью Союз Славянских Общин проводит различные религиозные мероприятия – сборы (вече), организует проведение славянских праздников, обрядов и т.д.

Союз Славянских Общин, другие неоязыческие организации и группы религиозного направления, как правило, стремятся дистанцироваться от политической жизни, стараясь заниматься только просветительской, религиозной деятельностью и поэтому предметом нашего анализа не являются.

Наибольший интерес представляет политическое направление в современном российском неоязычестве. Одним из достаточно известных политических объединений современных неоязычников является общественное движение «Русское освободительное движение» (РОД), созданное 22 июня 1997 г. в деревне Весенёво Шабалинского района Кировской области. РОД не имеет государственной регистрации, уставных документов, формального руководства. Это объединение ряда мелких националистических партий и групп вокруг общепризнанного идеолога и духовного лидера Доброслава (Алексей Добровольский). Основой для создания объединения «Русское освободительное движение» послужила одна из главных теоретических работ Доброслава «Природные корни русского национального социализма». В этой работе и других Доброслав прямо пишет: «Христианство лишь подстилка сионизма, средство духовного разоружения народа перед нашествием чуждых и враждебных сил; религия, делающая людей рабами без всякой борьбы. Срочно необходимо осознать: идет отечественная война

против иудейских поработителей. Посильное участие в Русском Освободительном Движении – это и есть высшее мерило самосовершенствования» [14].

Или возьмем другой его труд: «Памятка русскому национал-социалисту»: «Будь силен и справедлив. Только у сильных и мужественных вырабатываются великие добродетели, а никак не у немощных христиан-лизооблюдов, чей холуйский удел – копошиться в иудейской блевотине. Вечный жид не вечен, так же как его холоуи. Вся эта мразь сгинет, испеленная всенародной ненавистью, но только мы решимся на все во имя спасения Родины. Священная война – всё, остальное – ничто!» [15].

Нетрудно заметить, что идеология Русского Освободительного Движения – это не возрождение дохристианских религиозных верований славян, а обычное разжигание религиозной вражды, примитивное антихристианство, радикальный национализм.

Таким образом, РОД не является чисто религиозной организацией, но вышеизложенное позволяет отнести данное объединение к политическому религиозно-националистическому радикализму.

Если РОД Доброслава является своеобразным объединением мелких национальных группировок, то в современной России существуют общественные организации – партии, стоящие на основах неоязычества.

Так, в последнее время большая часть борцов за языческое возрождение ориентируется на Национально-Державную партию России (НДПР), возглавляемую С. Тереховым и А. Севастьяновым. НДПР известна как организация, стоящая на жестких ультра националистических позициях, использующая в своей риторике антисемитизм, расизм, ксенофобию и т.д. В неоязыческих кругах известна благодаря одному из своих членов – руководителю издательской группы «Русская правда» А. Аратову. Группа «Русская правда» является издателем и распространителем русского перевода книги Адольфа Гитлера «Моя борьба», антисемитской брошюры «Протоколы сионских мудрецов» и «Иисус Христос – гомосексуалист» [16]. По факту издания и распространения указанной литературы на А. Аратова неоднократно заводили уголовное дело по ст. 282 УК за «возбуждение национальной, религиозной вражды».

Менее известной, но более скандальной является неоязыческая организация «Церковь Нави» во главе с И. Лазаренко. Основой для «Церкви Нави» послужил Фронт Национально-революционного действия (Партия Национальный фронт), созданная И. Лазаренко в 1992 г. В своей программе «Церковь Нави» декларирует культ абсолютной власти вождя

нации, элитаризм, национал-социализм, антихристианство.

Кроме вышеперечисленных, в современной России существует еще более десятка неоязыческих групп, пытающихся сочетать неоязычество с участием в политической жизни страны.

Основными задачами политизированных неоязыческих групп являются: расширение поля деятельности (региональный фактор), пропаганда неоязычества, как правило, в форме резкого осуждения православия, как иудео-христианства (мировоззренческий фактор) и постоянно предпринимаемые попытки объединения неоязыческих групп в единую политическую партию, открыто действующую на политической арене современной России (интегральный фактор). Характерная для вышеописанных групп и организаций пропаганда национализма, религиозной розни (антихристианство), расизма позволяет утверждать о наличии религиозно-националистических организаций неоязыческого толка.

Если в целом современное националистическое движение России носит отчасти маргинальный характер, то политизированные религиозно-националистические организации неоязычников следовало бы считать маргинальным флангом националистических маргиналов. Несмотря на то, что существует множество неоязыческих групп, разбросанных по многим регионам России, группы эти в большинстве случаев относительно малочисленны и не оказывают какого-то влияния на политический процесс современной России. Однако для гражданского общества потенциальной угрозой является то, что неоязыческие идеи не ограничены только кругом непосредственных приверженцев, а получают широкое распространение, став устойчивым элементом молодежной субкультуры.

Безусловно, многие аспекты деятельности религиозно-националистических праворадикальных организаций требуют дальнейшего исследования. Тем не менее, на основе анализа деятельности некоторых православных и неоязыческих праворадикальных организаций можно сделать определенные выводы в отношении вероятной стратегии радикальных религиозно-националистических организаций вообще.

Религиозно-националистическая идеология и сектантская организационная природа таких движений оказывают негативное влияние на их способность стать полноправными субъектами современного российского политического процесса.

Религиозно-националистическим организациям для реализации своих задач и намерений остаются полулегальные и нелегальные способы, среди которых мы выделяем следующие: создание автономных общин, групп, отделений, которые при определенных обстоятельствах могут участвовать в сепаратистском движении; объединение нескольких групп или вхождение их в более крупные праворадикальные организации; создание нелегальных боевых групп, отрядов с возможным ведением партизанской (террористической) деятельности.

В совокупности эти способы деятельности религиозно-националистических праворадикальных организаций представляют прямую угрозу гражданскому обществу современной России. Таким образом, несмотря на ограниченные возможности для участия в политическом процессе, религиозно-националистический радикализм является потенциально опасной для общества разновидностью праворадикальных идеологий, сочетающих в себе религиозную нетерпимость и агрессивный национализм.

1. Солдатов А. Русская православная церковь на пути к монополизации духовного пространства России / Отечественные записки. 2003. № 1.
2. Основы идеологии и деятельности РПНСД / Мировоззрение. 2003. № 2.
3. Основные положения программы РПНСД / Мировоззрение. 2003. № 2.
4. Православное государство / Мировоззрение. 2004. № 1.
5. Русский форпост / Благовещенск. № 6.
6. Обращение Всероссийского Соборного Движения к съезду Союза Русского Народа. М., 2006. С. 4.
7. Устав общества под названием «Союз Русского Народа». М., 2006. С. 4.
8. О преодолении последствий антихристианской богоборческой и русофобской революции в России. / Постановление Съезда Союза Русского Народа. М., 2005. С. 3.
9. Постановления Съезда Союза Русского Народа. М., 2005. С. 8.
10. Русский общенациональный союз. М., 2004. С. 100.
11. Русский общенациональный союз. М., 2004. С. 58–59.
12. Русский общенациональный союз. М., 2004. С. 58–59.
13. Русский общенациональный союз. М., 2004. С. 5–52.
14. Верховский А. Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С. 43.
15. Добровольский А.А. Язычество как волшебство. М., 2005. С. 251.
16. Русская правда. 2000. № 20.

РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ

УДК 329+323.2+32.019.5

А. Ю. СИТНИК

Последнее десятилетие XX века вошло в мировую историю как период масштабных политических трансформаций, связанных с появлением на территории Восточной Европы и Азии новых государственных образований, что явилось следствием распада «восточноевропейского социалистического содружества» и СССР. Новыми акторами геополитики был взят курс на преодоление модели социалистического развития, переход к рыночной экономике и демократии.

В политической науке этот процесс был обозначен как «демократический транзит». Формирование в переходных обществах новых политических систем на основе заимствованных западных институциональных моделей политического устройства в ряде случаев проходило с определенной степенью корректировки, отражавшей культурные особенности и институциональные традиции стран-реципиентов. В странах, где институциональные преобразования осуществлялись без привязки к традициям политической культуры, со временем происходило либо отторжение новых политических институтов, либо их замещение неформальными политическими практиками [1]. В условиях, когда общество было попросту не готово воспринять институциональные новации, адаптация к новым политическим практикам проходила стихийно. Вызванный институциональной революцией разрыв с традицией стал причиной формирования институтов, которые не были укоренены в прежней институциональной среде. В результате создаваемые политические структуры превращались в институциональные аномалии, т.е. при формальном соответствии западным образцам, их функциональный механизм и эффективность существенно изменялись. Развитие российской партийной системы можно считать ярким примером подобного превращения, а именно, характерной чертой формально существующей многопартийной системы становится не свойственная заложенному в ней принципу политического плюрализма неформальная моноцентричность.

Понятие моноцентричности, применяемое в отношении партийных систем, можно

трактовать неоднозначно. Моноцентричность может быть свойственна как партийным системам, которые отличает неплюралистический характер функционирования, так и системам, которые принято называть многопартийными. В данном случае *моноцентричность* следует определить как *характеристику партийно-политических систем (плюральных/неплюральных), системообразующим элементом которых является партийная организация (доминирующая партия, «партия власти»), обладающая широким электоральным ресурсом и стремящаяся оказывать монопольное влияние на принятие политических решений*. Отметим, что электоральный ресурс и возможность политического влияния приобретаются посредством использования политико-технологических и/или публично-политических механизмов. В качестве первого может выступать формирование законодательства о выборах, а также норм, регулирующих деятельность политических партий. Ко вторым можно отнести действия партийной организации по продвижению своего политического предложения в электоральном пространстве (политическая агитация, политическая реклама и т.д.).

Выбор формы моноцентричной партийной системы с ядром в виде доминирующей «партии власти» зачастую является следствием того, что страны, заимствуя демократические институциональные структуры, в силу каких-либо причин оказываются не в состоянии построить стабильную конкурентную партийную систему. При этом моноцентричность становится механизмом адаптации заимствованного партийно-политического института в рамках исторически сложившейся институциональной структуры (институциональной матрицы) того или иного государства.

Институциональный выбор партийного формата по своей сути является осознанной необходимостью институционализации запросов, возникающих в гражданском обществе, и продиктован необходимостью оформления расколов, которые могут иметь экономический, идеологический, религиозный и другой характер. Когда же гражданское

общество находится в стадии формирования и обозначенная необходимость четко не выражена, она может быть артикулирована государственными властными структурами.

Движение к моноцентричности партийной системы на деле как раз и является выбором со стороны государственной власти. Его эффективность проявляется в структурировании партийно-политического пространства, что дает возможность снизить степень политической неопределенности, сделать процесс принятия решений более простым и контролируемым. Следует отметить, что подобный формат партийной системы совершенно необязательно ведет к утрате ее нормативных функций, а именно: способности блокировать неудачные и поддерживать удачные политические и социально-экономические решения, сохранять конкурентность политической среды и в соответствии законом гарантировать смену политики и политических сил у власти. Другими словами, *нормативная институциональная эффективность* такой системы может быть на достаточно высоком уровне.

С другой стороны, моноцентричная партийная система может обладать *прагматической институциональной эффективностью*, становясь механизмом, который обеспечивает максимизацию политической прибыли отдельных политических акторов и гарантирует воспроизводство политического режима. Таким образом, можно констатировать, что характеристика институциональной эффективности моноцентричной партийной системы напрямую зависит от интересов и

целей, которыми руководствуются политические акторы, делая ставку на ее формирование.

Обращаясь к российской действительности, моноцентричность партийной системы непосредственно можно связать с двумя основными причинами. Во-первых, со слабостью российского гражданского общества и, как следствием, неструктурированностью общественных интересов и политических ориентаций населения страны. Во-вторых, – особенностями институциональной среды. Это характер политического режима с институтом избирательной системы и партийного законодательства.

На протяжении всего посткоммунистического периода политические ориентации граждан России претерпели серьезные изменения. Ценности и нормы демократии, имплантированные в политическое сознание россиян с началом модернизации политической системы, если и стали базисом политических ориентаций, то подверглись мутации и были адаптированы уже в измененных формах к реальным условиям, «... в российском обществе сложился своеобразный модернистский фантом в форме навязанных ценностных предпочтений, не подкрепленных реальным операциональным опытом...» [2].

Данные опросов общественного мнения, проводившихся с 2001 по 2007 годы, показывают, что уровень доверия общества к политическим партиям был и остается достаточно низким (см. таблицу 1).

Таблица 1. **В какой мере, на Ваш взгляд, заслуживают доверия политические партии? [3].**

	2001 год	2004 год	2007 год
Вполне заслуживают	7%	5%	7%
Не вполне заслуживают	28%	27%	27%
Совсем не заслуживают	36%	40%	36%

Менее 50% опрошенного населения признаёт необходимость для России «многопартийности, сильной партийной системы». Противоположного мнения придерживается 30%. Но в целом практически половина общества отрицает необходимость многопартийности как таковой. 20% утвер-

ждают, что «России нужны не партии, а лидеры», а 25% являются приверженцами системы с «одной партией, постоянно находящейся у власти», что в принципе свидетельствует об ориентации на моноцентричную партийную систему [4].

Подобное отношение в общества к

политическим партиям и многопартийности объясняется тем, что в течение 70 лет существования советского режима все какие-либо значимые общественные особенности, которые могли бы стать факторами формирования четких политических ориентаций, растворялись в котле коммунистической идеологии. Единственной идентичностью стала принадлежность к единому и неделимому советскому народу. Это стало причиной того, что в России ни социально-классовые различия, ни религиозная принадлежность, ни географическое расположение (известное противостояние «Восток-Запад», «Север-Юг») не стали катализаторами оформления политических ориентаций и базой для развития политических партий. Кроме того, разочарование в реформах 1990-х годов и политических силах, с которыми они отождествлялись, привели к реставрации традиционно присущих населению ценностных ориентаций, находившихся в состоянии анабиоза. В обществе сформировался «негативный ценностный консенсус» [5], под воздействием которого партийное многообразие стало восприниматься в массовом сознании как «непорядок». Электоральное пространство, представленное политическими ориентациями российских избирателей, стало активно сужаться в направлении провластного вектора. Эти обстоятельства не способствуют становлению конкурентной многопартийной системы в России. Напротив, в обществе сформировался «авторитарный запрос на демократию» [6]. Большая часть населения страны, руководствуясь патерналистскими настроениями, отдает свои голоса на парламентских выборах государственной власти, которая представлена в партийном пространстве «партией власти». Этот тренд в полной мере используется для сужения рамок многопартийности и формирования в России моноцентричной партийной системы.

В российских условиях институциональный выбор многопартийной системы изначально вступил в конфликт с институтом сильной президентской власти. Российский вариант президентско-парламентской республики отличается тем, что власть президента более обеспечена властными ресурсами, чем власть парламента. Показательным в этом отношении является индексный анализ полупрезидентских государств постсоветского пространства, проведенный Зазнаевым О.И. Результаты исследования показали, что в сравнении полупрезидентскими

республиками постсоветского пространства «индекс формы правления» у России является наиболее президентским [7].

Институт сильной президентской власти не сочетается с образованием устойчивых партийных систем. В частности, Мексика, как и ряд других стран Латинской Америки, заимствовав американскую модель конституции с сильной президентской властью, не сумела построить стабильную конкурентную партийную систему [8].

В российской политической системе конституционно была заложена слабость политических партий как института, способного влиять на политическую ситуацию в стране, активно представлять и отстаивать общественные интересы перед государственной властью. На начальном этапе российской модернизации этот шаг новой политической элиты можно трактовать как попытку упрочить свое положение в изменяющейся институциональной среде, попытку устранить конкурентов в борьбе за обладание политическими ресурсами.

В качестве механизма конкуренции на «рынке политического представительства» власть активно использует «партию власти». В этом ключе «партию власти» следует рассматривать как *партийное объединение, созданное политической элитой и конкурирующее на электоральном пространстве с другими партийными организациями, представляющими отличные от политической элиты сегменты общества, с целью организации большинства в законодательном органе страны и поддержки проводимого властью курса*. Подобных партийных образований в новейшей политической истории России, особенно в 90-е годы, было немало. Но в условиях слабого административного потенциала государства «партия власти» не удавалось реализовать функцию укрепления позиций государственной власти в законодательном органе страны. И только последний партийный проект – «Единая Россия» в значительной степени оправдал возложенные на него надежды. С 2003 года «Единая Россия» становится центральным элементом формирующейся моноцентричной партийной системы в России. Доминирование «Единой России» обеспечено трендом политических ориентаций населения страны, что позволяет захватить значительный сегмент электорального пространства, отдав менее значимую его часть на откуп другим политическим партиям.

Кроме того, для придания партийной системе России моноцентричного характера

властью активно применяются политико-технологические инструменты. При этом прагматическая эффективность российской партийной системы имеет первостепенное значение, а вот ее нормативная эффективность значительно ослабевает. Оптимальное с точки зрения власти партийное пространство оказывается не способно пропустить через себя и выразить импульсы, идущие от гражданского общества. В этой связи памятен пример с монетизацией льгот.

Сокращению российского партийного пространства в первую очередь способствовало принятие в 2001 году Закона о политических партиях с последующей его модификацией, ужесточающей тренд моноцентричности, в декабре 2004 года, а также внесение поправок в избирательное законодательство, которые повысили заградительный барьер на парламентских выборах для политических партий до 7%, запретили образование блоков, ввели полностью пропорциональную избирательную систему. По словам Б.И. Макаренко, «...в руках всеильной бюрократии оно [законодательство о партиях] становится мощнейшим инструментом, позволяющим власти не допускать возникновения нежелательных субъектов избирательного процесса, будь то либеральных или радикально-националистических» [9]. Действительно, повышение минимальной численности партии до 50 000 человек, изменение порядка регистрации партий и кандидатов и другие ограничения стали причиной того, что к последним парламентским выборам число политических партий сократилось до 15. Реальными же шансами преодолеть избирательный барьер обладали лишь «Единая Россия», «КПРФ», «ЛДПР», «Справедливая Россия», что и показали итоги выборов в декабре 2007 года.

Но, если нормы партийного законодательства, как и повышение заградительного барьера, хоть и формально, все же ведут к укрупнению политических партий и оптимизации партийной конфигурации, то введение полностью пропорциональной избирательной системы, на первый взгляд, не выглядит столь однозначным решением. Известно, что применение пропорциональной избирательной системы ведет к большой партийной фрагментации в рамках партийных систем. Возможности создания партийных коалиций существенно ограничены, «ничто не побуждает здесь [партии] к слиянию, ибо их самостоятельное выступление на выборах не наносит им никакого урона, а если и наносит, то самый минималь-

ный» [10]. Но специфика политического режима России влияет на то, что эффекты пропорциональной избирательной системы оказывают обратное действие на формирование партийной системы. Внедрение пропорциональных правил является попыткой государственной власти укрепить доминирование в партийном пространстве. Анализ парламентских выборов в России показывает, что применение смешанной избирательной системы способствовало прохождению в парламент независимых депутатов и представителей партий, которые не проходили в законодательный орган по пропорциональной части системы. Применение исключительно пропорциональной системы дает возможность власти концентрировать ресурсы при создании искусственных подконтрольных «оппозиционных» партий, которые способны конкурировать за электоральные сегменты партий, на которые не оказывает влияние заградительный барьер [11]. Примером подобных действий является образование партии «Справедливая Россия», призванной оттянуть на себя часть электората КПРФ. Таким образом, применение пропорциональной системы можно считать инструментом по укреплению моноцентричного формата партийной системы России.

По итогам парламентских выборов 2007 года можно сказать, что моноцентричность стала базовой характеристикой российской партийной системы. Тенденция крайнего политического плюрализма 1990-х годов сменилась тенденцией создания моноцентричной партийной системы, которая становится эффективным инструментом в руках исполнительной власти для поддержания статус-кво. Примечательны в этом отношении слова заместителя руководителя Администрации Президента РФ В.Ю. Суркова об обеспечении доминирования «Единой России» в течение минимум 10–15 лет. При сохранении до определенного времени в обществе провластного тренда, вопрос о легитимности доминирующего положения «партии власти» может не возникнуть. Но при усилении позиций политических партий, что может стать актуальным при третьем президенте России, такая опасность видится вполне возможной. Не случайно в первом послании Федеральному Собранию РФ Д.А. Медведев предложил дать гарантии представительства избирателям, проголосовавшим за так называемые малые партии, получившие от 5% до 7% голосов.

Представляется, что этот шаг в перспективе хотя и не приведет к ослаблению моноцентричности партийной системы России, но по-

зволит в некоторой степени поднять ее нормативную эффективность и институциональный статус российских политических партий.

1. См.: Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. – 2003. – № 4. – С. 6–26.
2. Сергеев В.М. Итоги парламентских выборов и эволюция российского политического сознания // Полис. – 2004. – № 1. – С. 36.
3. [Электронный ресурс] <http://www.levada.ru/press/2004032302.html>, <http://www.levada.ru/press/2007040901.html>
4. Путеводитель по выборам: политическая Россия. – М.: ВЦИОМ, 2007. – С. 271–272.
5. См.: Руденкин В.Н. Гражданское общество в России: история и современность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 169.
6. См.: Шестопал Е.Б. Авторитарный запрос на демократию, или Почему в России не растут апельсины // Полис. – 2004. – № 1. – С. 25–28.
7. См.: Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. – 2007. – №2. – С. 146–165.
8. См.: Гельман В.Я. Перспективы доминирующей партии в России // Pro et Contra. – 2006. – Т. 10, № 4. – С. 63–65.
9. Макаренко Б.И. «Нанопартийная система» // Pro et Contra. 2007. – Т.11, № 4/5. – С. 51.
10. Дюверже М. Политические партии. – М.: Академ. проект, 2000. – С. 331.
11. См.: Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Пропорциональная избирательная система и опасности президентизма: российский случай // Полис. – 2007. – № 5. – С. 8–22.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР ВЫБОРА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

УДК 342.82

А. В. ИЛЬИНЫХ, И. А. СТАРОСТИНА

Оценка территориального устройства государства в отечественной юридической науке получила значительное освещение. В монографических трудах, статьях, учебных курсах рассмотрены различные аспекты этого феномена, высказаны полезные для теории и практики правового регулирования суждения.

Дальнейшие научные разработки и дискуссии представляются актуальными по ряду причин. Во-первых, в последнее время отмечается существенный интерес к территориальным преобразованиям во многих государствах. Во-вторых, ощущается потребность в проведении комплексных исследований с широким вовлечением представителей общей теории права и отраслевых юридических дисциплин. И, наконец, в-третьих, целесообразен перенос акцентов на анализ реальностей влияния особенностей территориального устройства государства на иные, но не менее значимые, факторы его существования и развития, среди которых можно выделить и формирование избирательной системы, что и будет являться объектом преимущественного рассмотрения в данной статье.

Избирательная система – понятие многогранное, а различные ее компоненты находятся в тесной взаимосвязи, и их положительные и отрицательные свойства проявляются в большей или меньшей степени в зависимости от того, в какой комбинации они применяются. Один и тот же элемент избирательной системы в разных условиях может вести к совершенно различным последствиям.

Несмотря на это, различные элементы избирательных систем находятся в тесной взаимосвязи, и их положительные и отрицательные свойства проявляются в большей или меньшей степени в зависимости от того, в какой комбинации они применяются. Один и тот же элемент избирательной системы в разных условиях может вести к совершенно различным последствиям.

Сказанное имеет прямое отношение не только к выбору избирательной системы в общенациональном масштабе, но и к решению аналогичного вопроса в масштабе территориальной единицы государства, особенно для такой большой, и многонациональной страны, как Российская Федерация, регионы которой существенно отличаются по большому числу параметров: размер территории и численность населения, национальный состав, доля городского населения, климат, экономика, история, традиции и т.п.

В свою очередь, в вопросе выбора избирательной системы в контексте территориального устройства государства следует выделить, прежде всего, такой фактор, как величина территории, на которой проводятся выборы (косвенно этот фактор связан с уровнем публичной власти, но мы знаем примеры, когда некоторые муниципальные образования превышают по численности населения иные субъекты Федерации). Так, главным достоинством системы, основанной на одномандатных округах (т.е. мажоритарной), считается близость кандидатов и избранных депутатов к избирателям. Однако это преимущество не стоит абсолютизировать, особенно когда речь идет об общенациональных выборах. Например, в Российской Федерации одномандатные округа по выборам депутатов Государственной Думы охватывали в среднем около 500 тыс. избирателей. Нетрудно подсчитать, что если избранный по такому округу депутат в течение всего срока своих полномочий только и делает, что круглые сутки встречается с избирателями, то и при этом он может уделить каждому в среднем лишь около четырех минут [1].

Размер округа играет важную роль и в том случае, когда решается вопрос о возможности применения преференциального голосования. Дело в том, что системы, основанные на преференциальном голосовании, требуют централизованной обработки всех

бюллетеней, что чрезвычайно трудно осуществить в рамках большого округа.

Соответственно, для небольших государств (по размерам территории) свойственны наиболее простые модели избирательных систем, зачастую – очень близкие к традиционным. Иная ситуация наблюдается в крупных государствах, где существуют субъекты Федерации, автономии и тому подобные образования, которые также играют существенную роль в организации и функционировании государственной власти в стране, поэтому интересы территориальных единиц, включая создание собственных избирательных систем являются обязанностью государства, и оно должно учитывать их в той, либо иной форме.

Так, например, в Великобритании наряду с историческими особенностями, специфика избирательной системы объясняется также сложной системой регионализма, или территориальной организации публичной власти. Существенной чертой организационной структуры избирательной системы США является ее тесная взаимосвязь с развитием федеральных органов власти, в частности, федеральные структуры власти обладают определенными конкретными властными полномочиями, тогда как остальная власть сосредоточивается в штатах. Во Франции широко введен принцип представительности на всех институциональных уровнях государства. Наиболее распространенным способом реализации этого принципа стало введение выборности как способа формирования органов управления и самоуправления. Неудивительно, что в настоящее время мы можем насчитать пять уровней выборов, начиная от муниципальных образований (коммун и районов крупнейших городов: Парижа, Лиона, Марселя) до избрания представителей в Европейский парламент. Есть, конечно же, в зарубежной практике и другие примеры влияния территориальной организации государства на построение избирательной системы [2].

Таким образом, можно констатировать, что сейчас в мире не существует универсальных подходов, благодаря которым невозможно сказать, какая из избирательных систем является «наилучшей» для всех государств и однотипных территориальных единиц. Очевидно, что достоинства и недостатки той или иной системы не носят абсолютного характера, а связаны с конкретными обстоятельствами, в которых данная система применяется.

Проводя заданную параллель, следует отметить, что в российском государстве с заключением в 1992 г. Федеративного договора изменилась модель избирательных отношений между федеральным центром и субъектами Федерации: с этого времени выборы на региональном и местном уровне должны были регулироваться не только федеральными законами, но и нормативными актами субъектов РФ [3].

В октябре 1993 г. в процессе поэтапной конституционной реформы Президент РФ своими указами утвердил «Основные положения о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа» [4] и «Основные положения о выборах в органы местного самоуправления» [5]. В этих указах органам государственной власти субъектов РФ рекомендовалось разработать и принять соответствующие положения о выборах с учетом утвержденных на федеральном уровне «Основных положений».

Таким образом, данные указы положили начало «рамочному» регулированию региональных и местных выборов. В то же время этот первый опыт оказался во многом негативным. Как отмечает А.Е. Постников [6], было не вполне ясно, до какой степени региональные положения о выборах могли расходиться с «основными положениями». Отсутствие в «основных положениях» акцента на защиту избирательных прав, равно как и отсутствие на федеральном уровне механизма такой защиты, делало возможным нарушение избирательных прав в региональных положениях. Сказалось и то, что в большинстве регионов в тот момент отсутствовали представительные органы власти и положения о выборах принимались главным образом главами администраций. С другой стороны, многие способы решения проблем в «основных положениях» механически переносились с федерального уровня на региональный. Так, в обоих «основных положениях» не предусматривалась возможность образования многомандатных избирательных округов.

Как всем известно, на сегодняшний день на федеральном уровне применяются две системы. Соответственно, мажоритарная на выборах Президента РФ и пропорциональная – на выборах депутатов Государственной Думы РФ, предопределяющим источником регулирования же региональных выборов является Федеральный закон от 6 октября 1999 г. N 184-

ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [7], допускающий пропорциональную либо смешанную систему (п. 4 ст. 4 данного закона гласит – не менее 50 процентов депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации (в двухпалатном законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации – не менее 50 процентов депутатов одной из палат указанного органа) должны избираться по единому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутые избирательными объединениями в соответствии с законодательством о выборах), отдавая право выбора одного из возможных вариантов регионам, многие из которых, выбрали вариант смешанной избирательной системы, но тенденции, на наш взгляд, таковы, что и региональная власть постепенно будет переходить на русло пропорциональной избирательной системы. Неприкасаемым, в этом смысле, пока остается только местный уровень власти, где главенствует мажоритарная система, однако партийное влияние и здесь велико, так как и местные депутаты представляют интересы тех либо иных партий.

Соответственно, следует отметить, что на местном уровне пропорциональная избирательная система «существует» не в формальном, закрепленном виде, а заходит с тыла через партийное влияние на кандидатов в депутаты, что тоже ее сближает с общей тенденцией укрепления партийного стержня.

Таким образом, не затрагивая всех граней данного вопроса, а в большей степени останавливаясь на его постановке и необходимости дальнейшего исследования, можно констатировать, что территория государства, хотя и является очень существенным критерием выбора избирательной системы, но, в тоже время, крайне зависимым, так как правила задают определенные органы власти, либо в исключительных случаях общество в том или ином проявлении, а территория зачастую служит механизмом достижения поставленной цели. При этом несущественные изменения в обозримом будущем представляются вполне реальными, поскольку российская избирательная система находится в стадии активного реформирования и оптимального поиска. Однако не только по этой причине, но и по принципиальным соображениям постановка вопроса о глобальном пересмотре действующей избирательной системы с учетом территориальных особенностей представляется конъюнктурной и преждевременной.

1. См. подробнее об этом: Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М. Аспект Пресс, 2005. С. 19
2. См. об этом, например: Современные избирательные системы. Вып. 2 / Д.В. Лифитский, Н.М. Касаткина, А.Г. Орлов, Н.Ю. Трещетенкова. – М. – 2007.
3. См.: Матейкович М.С. Правовое регулирование выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1999, С. 7–8; Лысенко В.И. // Федеральное Собрание России: опыт первых выборов. М.: ИГП РАН, 1994. С. 6–27.
4. См. Собрание актов Президента и Правительства РФ, 1993, № 44, ст. 4189.
5. См. Собрание актов Президента и Правительства РФ, 1993, № 44, ст. 4197.
6. См. Постников А.Е. Избирательное право России. М.: Норма, 1996, С. 81.
7. См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. 18 октября. № 42. Ст. 5005 (с изменениями на 8 ноября 2007 г.).

ПРИНЦИПЫ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК РЕГУЛЯТИВА ОПТИМАЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИУМА

УДК 349.2

Л. А. РОМАДОВА

Любое человеческое сообщество нуждается в упорядоченности и урегулировании неизбежных в общественном бытии отношений. По мнению Т. Парсонса, «многочисленные современные общества – не какие-то случайные разновидности, а в определенном смысле – некая система, части которой дифференцированы друг от друга и в то же время интегрированы друг с другом на основе взаимозависимости. Следует подчеркнуть, что эта взаимозависимость включает в себя и факторы напряженности и конфликта, столь очевидные в реальной жизни» [1]. Трудовые отношения, складывающиеся в процессе производства материальных и духовных благ, в сфере услуг, словом – везде, где применяется наемный труд, должны соответствовать законам природы и одновременно законам функционирования и развития человеческого общества. Определять границы дозволенного призвано право. Русским правоведом-цивилистом И.А. Покровским замечено, что право «имеет своей общей целью регулирование межчеловеческих отношений» [2]. Несомненно, трудовому законодательству в этом регулировании отводится особая роль. Эволюция трудовых отношений показывает, что трудовое законодательство детерминировано общественными отношениями, производно от них. В то же время отношения, возникающие при производстве материальных благ, несут объективный характер и присущи любой форме организации совместного труда.

Труд является естественной и необходимой потребностью человека, непременным условием его жизни. Совместный труд, как неотъемлемое свойство общественного производства, как способ взаимодействия людей в процессе применения трудовых усилий, должен иметь черты организованного труда. Социальная функция трудового права – обеспечение бытия общества без социальных конфликтов и потрясений. Т. Парсонс в ра-

боте «Структура социального действия», анализируя социальные системы, приходит к выводу, что «Нормы, основная функция которых – интегрировать социальные системы, конкретны и специализированы применительно к отдельным социальным функциям и типам социальных ситуаций. Они не только включают элементы ценностной системы, конкретизированные применительно к соответствующим уровням в структуре социальной системы, но и содержат конкретные способы ориентации для действия в функциональных и ситуационных условиях, специфичных для определенных коллективов и ролей» [3]. Индивиды выполняют свои профессиональные роли посредством участия в общественном производстве, реализуя свой потенциал в трудовой деятельности.

Сформированная на основе родовых сущностных сил человека трудовая деятельность является функциональным стержнем социума. Она есть непременное условие общественного прогресса. Гуманные условия труда, социальная защищенность работников, соблюдение баланса интересов сторон трудовых отношений являются составляющими элементами развитой правовой системы, способствующими поступательному развитию государства в целом. Выражая сущность трудового права, принципы как основополагающие идеи позволяют оценить их соответствие задачам развития общества и государства, а также увидеть общую направленность и тенденции развития данной отрасли права. В работе предлагается философский анализ принципов трудового законодательства как регулятива оптимального функционирования социума, ибо они выступают особыми юридическими понятиями, отражающими систему общественных отношений по организации труда в соответствии с достигнутым уровнем познания. Данная проблема принадлежит к числу важнейших в философской науке, поскольку регулятивная роль принципов сводит-

ся не только к социальной функции, но и имеет глубокое философское значение. Принципы трудового права находят свое выражение в виде властных правовых предписаний, используются в правотворчестве, являются определяющей основой реализации трудовых прав граждан. Являясь более долговечными, чем правовые нормы, они предопределяют содержание не только действующих, но и последующих правовых актов. Принципы помогают преодолевать пробелы в праве при коллизии правовых норм. Об этом свидетельствует многочисленная практика Конституционного Суда РФ. Именно в принципе трудового законодательства наиболее ярко отражается основа и социальное назначение трудового права.

Несмотря на то, что в целом наука трудового права дает позитивную оценку принципам, закрепленным в статье 2 Трудового кодекса РФ, интерес к данной проблеме не случайный. Трудовое право РФ, как фактор гармонизации общественных и личных интересов людей, является правом социальной регуляции. Сущность данной отрасли права выражена в её основных началах, являющихся принципами трудового права. Исторически принципы трудового законодательства появились позже его норм. Как и основополагающие идеи в других отраслях права, принципы трудового законодательства первоначально существовали в виде теоретических обобщений. По мнению М. В. Лушниковой, А. М. Лушниковой, учение о принципах трудового права развивалось ещё со второй половины XVIII века в рамках гражданского права [4]. Например, ключевой принцип свободы договора был распространен и на личный найм. Этот принцип был сформулирован немецкими учеными Ф. Лотмаром и В. Эндеманном. В «Очерках промышленного рабочего права» Л.С. Таля рабочая сила рассматривалась в единстве с личностью работника, связывалась с личными и неотчуждаемыми правами и свободами человека: «Современное правосознание явно склоняется к признанию рабочей силы частью личной правовой сферы человека и требует охраны «свободы труда» от посягательств наравне с другими личными благами» [5].

Как самостоятельная отрасль права, трудовое право имеет отраслевые принципы. Они объединяют всю систему права, выражают наиболее существенные черты данной отрасли, связаны с большинством её институтов. Статья 2 Трудового кодекса РФ

«Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» в качестве основных принципов называет «всего» 19. Под принципами правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений понимают «закрепленные в действующем законодательстве основополагающие руководящие начала (идеи), выражающие сущность норм трудового права и главные направления политики государства в области правового регулирования общественных отношений, связанных с функционированием рынка труда, применением и организацией рынка труда» [6]. И.К. Дмитриева понимает под принципами трудового права «исходные начала и основные положения, определяющие его единство, сущность правового регулирования и общую направленность развития отрасли трудового права» [7]. В Комментарий к Трудовому кодексу РФ под редакцией В.Л. Гейхмана, Е.Н. Сидоренко принципы трудового права определяются как «исходные начала, основные положения, определяющие единство трудового права, сущность правового регулирования и общую направленность развития данной отрасли права» [8].

Таким образом, сущность права и общая направленность отрасли трудового права определяется девятнадцатью положениями. По мнению большинства ученых, принципы трудового права определяются с точки зрения их иерархии и делятся, в свою очередь, на общеправовые, межотраслевые, отраслевые и правовых институтов. В статье 2 Трудового кодекса РФ «Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» декларируются принципы: свобода труда, включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности; запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда; защита от безработицы и содействие в трудоустройстве; обеспечение права каждого работника на справедливые условия труда, в том числе на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска; равенство прав и возможностей работников; обеспече-

ние права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей достойное человека существование для него самого и его семьи, и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда; обеспечение равенства возможностей работников без всякой дискриминации на продвижение по работе с учетом производительности труда, квалификации и стажа работы по специальности, а также на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации; обеспечение права работников и работодателей на объединение для защиты своих прав и интересов, включая право работников создавать профессиональные союзы и вступать в них; обеспечение права работников на участие в управлении организацией в предусмотренных законом формах; сочетание государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; социальное партнерство, включающее право на участие работников, работодателей, их объединений в договорном регулировании трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; обязательность возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей; установление государственных гарантий по обеспечению прав работников и работодателей, осуществление государственного надзора и контроля за их соблюдением; обеспечение права каждого на защиту государством его трудовых прав и свобод, включая судебную защиту; обеспечение права на разрешение индивидуальных и коллективных трудовых споров, а также права на забастовку в порядке, установленном настоящим Кодексом и иными федеральными законами; обязанность сторон трудового договора соблюдать условия заключенного договора, включая право работодателя требовать от работников исполнения ими трудовых обязанностей и бережного отношения к имуществу работодателя и право работников требовать от работодателя соблюдения его обязанностей по отношению к работникам, трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права; обеспечение права представителей профессиональных союзов осуществлять профсоюзный контроль за соблюдением трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права; обеспечение права работников на защиту своего достоинства в период

трудовой деятельности; обеспечение права на обязательное социальное страхование работников [9]. Иерархичность принципов – не единственный критерий. Значительная часть принципов в качестве основополагающих называется субъективные права и обязанности работников и работодателей. Например, «обеспечение права каждого работника на справедливые условия труда, в том числе на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска», «обеспечение права работников и работодателей на объединение для защиты своих прав и интересов, включая право работников создавать профессиональные союзы и вступать в них»; «обеспечение права работников на участие в управлении организацией в предусмотренных законом формах» [10].

Следует заметить, что по содержанию публичных и частных начал в отношении принципов трудового законодательства среди ученых-трудовиков нет единства. Принципы как единый дух отрасли не могут выражать субъективные трудовые права. Можно согласиться с учеными-трудовиками, считающими, что «принципы права должны отражать исходные и определяющие идеи, основанные на тождестве естественного и объективного права [11]. К естественно-правовым принципам относят принципы справедливости, свободы, равенства, которые в трудовом праве сформулированы как принципы свободы труда, обеспечение права каждого работника на справедливые условия труда, равенство прав и возможностей работников и других. Очевидно, что принципы трудового законодательства должны служить средством, с помощью которого будет реализована социальная целесообразность и справедливость. Справедливость между трудом и вознаграждением, трудовыми заслугами работников и их поощрением, дисциплинарным проступком и наказанием за него. В цивилизованном обществе не должно быть противоречий между естественным и позитивным правом. Все основополагающие права и свободы человека и гражданина должны находить свое реальное воплощение в действующем законодательстве. Эволюция развития трудового права показывает, что так происходит не всегда. Исторически складывалось, что в основе принципов правового регулирования трудо-

вых отношений лежат социально-экономические права и свободы в сфере труда, закрепленные в Конституции. Позволим себе привести ряд примеров проявления субъективного аспекта принципов права под влиянием политических, идеологических, социальных условий. Так, в советский период времени отсутствовал принцип свободы труда, вместо которого приоритетным являлся принцип всеобщности труда. В пункте е) гл. 2 Конституции РСФСР 1918 г. вводилась всеобщая трудовая повинность («в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства») [12]. В пункте 18 гл. 5 провозглашался лозунг: «Не трудящийся да не ест» [13], труд признавался обязанностью всех граждан Республики. Об этом говорилось и в Конституции РСФСР 1936 г. Сталинская Конституция СССР 1936 г. провозглашала, что «труд является делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу «кто не работает, тот не ест» [14]. В ст. 12 гл. 1 провозглашался принцип социализма: «От каждого по способности, каждому – по его труду» [15]. В качестве основных прав работников декларировались право на труд и на отдых, право на справедливую оплату труда в соответствии и его количеством и качеством. Последняя советская Конституция подчеркивала, что источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является труд. Подтверждалось, что в СССР действует тот же принцип «От каждого по способности, каждому – по его труду». Государство брало на себя задачу по улучшению условий и охране труда, его научной организации. Декларировалось сокращение или вытеснение тяжелого физического труда на основе автоматизации производства, а также провозглашался курс на повышение уровня оплаты труда. Статьи 40–41 Конституции СССР провозглашали право на труд и на отдых. Подчеркивалась роль труда и его влияние на положение человека в обществе: «Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует превращению труда в первую жизненную потребность советского человека» [16].

К сожалению, ни в ныне действующей Конституции РФ 1993 г., ни в Трудовом кодексе РФ нет аналогичного принципа, который провозглашал бы труд первой жизненной потребностью человека. А ведь именно этот принцип сыграл свою историческую

роль в российской истории последних лет. Становление рыночной экономики, а вместе с тем и разрушение отечественной промышленности, науки, культуры, медицины, образования могло завести российскую экономику в пропасть. Не рухнуть в нее окончательно позволило сознание того что, труд – не только первая жизненная необходимость, но и потребность. Ведь для большинства работающих в указанных сферах – профессиональный труд и личность – единое целое. При всех недостатках правовой системы социалистической эпохи справедливости ради следует отметить, что есть непреходящие идеи и принципы, которые верны в любое время, при любом типе экономики. Выражая сущность бытия, являясь основным гуманистическим началом, они выступают фактором социальной регуляции, позволяющим гармонизировать личные интересы людей и общественные. Современная экономика характеризуется непрерывным процессом нововведений. Развитие электронных и информационных технологий неизбежно затрагивает все стороны общественного бытия, в том числе и трудовую деятельность. Информатизация общества изменила содержание труда во многих сферах общественно полезной деятельности. Благодаря информационным технологиям исчезает рутинность труда, человек включается в систему трудовой деятельности, в кооперацию и обучение, использует коллективные знания и новую информацию. На смену регламентированной работе приходит творческий, квалифицированный труд. В современных условиях от работника требуется не только четко следовать должностной инструкции, но и способность делать то, что ею не предусмотрено, трудиться не только для функционирования организации, но и для её развития. Для постиндустриальной экономики особые требования предъявляются к трудовому законодательству как законодательству наиболее массовой отрасли права.

Начиная с прошлого века, в России было проведено четыре кодификации трудового законодательства (в 1918 г., в 1922 г., в 1971 г. и в 2002 г.) Были приняты Кодексы законов о труде и ныне действующий Трудовой кодекс РФ. Принятый 30 декабря 2001 г., по историческим меркам, недавно, Трудовой кодекс не избавил общество от необходимости поддержания устойчивого баланса между участниками трудовых отношений. Сторонники либерального направления утверждают, что трудовое право сдерживает развитие экономики страны, выдвигая аргументом глоба-

лизацию. Являются ли принципы трудового права тем инструментом, который исполняет роль руководящего начала, способствующего поддержанию необходимого баланса интересов? В принятой 18 июня 1998 г. Декларации МОТ «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизме её реализации» говорится, что для «обеспечения всеобщего и прочного мира социальная справедливость имеет важнейшее значение» [17]. Цель принятия декларации – усилить гарантии соблюдения основополагающих принципов и прав в сфере труда. Фактический шаг МОТ был направлен на усиление международного контроля за соблюдением ратифицированных конвенций и тех, которые государство не ратифицировало, но обязано соблюдать в силу членства в МОТ. Международный контроль лишь подтверждает значимость соблюдения принципов трудового законодательства как фактора стабильности в трудовых отношениях. В августе 2008 года Правительство РФ одобрило «Концепцию действий на рынке труда на 2008–2010 годы». Концепция определяет приоритетные задачи социально-экономической политики, направленной на развитие рынка труда, повышение эффективности действующих и создание новых рабочих мест. Одной из ключевых задач определяется обеспечение сбалансированности профессионального образования и спроса на рабочую силу. В 3 разделе «Совершенствование законодательства Российской Федерации в области содействия занятости населения» Концепции выработаны основные направления государственной политики в области регулирования рынка труда: «Гармонизация законодательства Российской Федерации в области содействия занятости населения с международными нормами; совершенствование законодательства Российской Федерации в целях повышения гибкости российского рынка труда, включая законодательное регулирование новых форм трудовых отношений» [18].

Взаимодействуя с трудовыми отношениями, принципы трудового законодательства несут в себе печать этого взаимодействия, испытывают на себе следы их развития и функционирования. Это взаимодействие осуществляется с помощью правовых норм и институтов трудового права, в существовании трудовых и иных, непосредственно связанных с трудовыми отношениями. Так под влиянием фактических отношений происходят качественные преобразования принципов. Упрощенно было бы понимать, что эти фак-

тические отношения просто «переводятся» в язык принципов. При выработке принципов трудового права законодательная деятельность, помимо юридической техники, применяет комплексный метод, при котором используется вся совокупность правовых, философских, этимологических, психологических, экономических и других знаний. Помимо технологий, на процессе правотворчества при кодификации законодательства сказывается историческая обусловленность. Примером тому может служить Кодекс законов о труде 1922 года. Заложенная в КЗоТе 1918 г. идея принуждения к труду перешла в КЗоТ 1922 г. В измененном варианте она просуществовала до 1971 г. Закон РСФСР от 25 сентября 1992 г. внес изменения в КЗоТ, запретив принудительный труд. Переход страны от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике (НЭПу) потребовал заменить принцип принудительного труда принципом трудового договора и применения трудовой повинности в исключительных случаях. По мнению С.А. Иванова, «Кодекс произвел революцию в правовом регулировании труда» [19].

Как известно, в конце 20-х годов XX века произошло свертывание НЭПа, и КЗоТ 1922 г. с его принципами перестал соответствовать социально-экономическим условиям, правовое регулирование труда перестало быть эффективным. Для того чтобы принципы, идеалы получили реальное содержание, они должны быть «переведены» на уровень конкретных юридических прав и обязанностей, которые могут быть реализованы при помощи юридических средств, системы правосудия, т.е. обеспечены государственно-правовыми институтами и конкретными нормами. Кроме принципа свободы труда, советским трудовым правом и юридической наукой в принципы трудового законодательства были заложены идеологические основы – «социалистическая организация труда», социалистическая ответственность, которые по советским Конституциям 1918, 1922 и 1936 годов составляли экономическую основу. Истоки этого экономического учения лежат в теории К. Маркса о производительных силах и производственных отношениях. Подобно Г. Гегелю, К. Маркс полагал, что мир развивается по диалектическим законам, но относительно движущей силы этого развития он расходится с Г. Гегелем. Идеи и положения гегелевского учения об обществе и государстве содержатся в «Философии духа» – третьей час-

ти «Энциклопедии философских наук» (1817 г.), содержащей разделы «Субъективный дух», «Объективный дух» и «Абсолютный дух». Раздел «Объективный дух» (право, мораль, нравственность) практически представляет собой сжатый вариант сформировавшейся концепции философии права [20].

По Г. Гегелю, мистическая сущность, называемая «Духом», направляет человеческую историю по пути развития. Диалектический метод переходит в систему теоретических конструкций, с помощью которых обосновываются политико-правовые взгляды. По мнению ученого, особенные философские науки, в том числе и философия права, не имеют своих специфических методов исследования, поэтому «сам метод расширяется в систему» [21].

Таким образом, в «Философии права», философское значение диалектики наполняется политическим смыслом. Принципом исторического развития, по Г. Гегелю, является национальный дух. Нации у Г. Гегеля выполняют ту же функцию, что и классы у К. Маркса. Философско-правовое учение Г. Гегеля сказалось на развитии всех последующих политико-правовых учений. Гегелевская «Философия права» оказала влияние на процесс формирования и эволюцию взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, а также на становление и развитие марксистского учения в последующем. Богатство марксистского учения обусловило интерес к нему советских ученых и политиков не только как к теоретическим воззрениям, но и как к практическому руководству. Гегелевская философия рассматривалась в качестве теоретического источника марксизма. Согласно К. Марксу, политика, религия, философия любой человеческой эпохи являются продуктами способа производства, который является единственной причиной всех культурных явлений, в том числе и правовых. Несомненно, экономические факторы влияют на социальную организацию, но они не являются единственной причиной всего процесса развития. Теория классовый борьбы не является всеобъемлющим законом, основанным на всеобщей необходимости. Иными словами, общество, стремящееся к прогрессу, не должно обязательно интенсифицировать классовую борьбу, или усиливать социальные конфликты. Социальные конфликты являются отрицательным фактором для прогресса, ибо они истощают общество, трудовые ресурсы, так необходимые для движения вперед.

О возможности компромиссного регу-

лирования социальных конфликтов в начале XX в. говорил немецкий юрист Г. Зинцгеймер. Представители европейских научных течений Л. Буржуа, Л. Дюги, Л. Брентано, Г. Шмоллер, И. Карнер видели социальное назначение права как инструмента для достижения социального мира [22]. Объективно интересы работника и работодателя не могут совпадать. Работодатель стремится к максимальному получению прибыли, уменьшению производственных затрат, а работник – к наименьшим трудовым усилиям и получению наибольшего вознаграждения за труд. В XIX веке Э. Дюркгейм говорил об антагонизме труда и капитала, обусловленном разделением общественного труда [23]. Отмечая юридическую неопределенность отношений капитала и труда, Э. Дюркгейм пишет: «Договор найма услуг занимает в нашем кодексе весьма незначительное место, особенно когда подумать, какое разнообразие сложных отношений он призван регулировать. Впрочем, нет необходимости настаивать на пробеле, который чувствуют теперь все государства и который они пытаются заполнить» [24]. Проблема урегулирования общественных отношений актуальна и в настоящее время. Выполняя свою социальную функцию, принципы трудового законодательства призваны создавать условия для бесконфликтного существования социума, обеспечивая баланс интересов сторон трудовых отношений. Не игнорирование противоречий, существующих в рыночных отношениях, а оптимальный учет интересов сторон. Не нужно стремиться к победе труда над капиталом. Как показывает исторический опыт, она дается большой ценой. Действенным средством в решении социально-экономических проблем и регулировании противоречий, возникающих между трудом и капиталом, служит принцип социального партнерства, закрепленный в ст. 2 ТК РФ. Проблему классового мира рассматривали в своих трудах Ж.Ж. Руссо, Ш. Фурье, А. Сен-Симон, Р. Оуэн, Д.С. Милль. Отечественные исследователи М.В. Лушникова, А.М. Лушников отмечают в системе взаимоотношений субъектов трудового права общность интересов [25].

В конечном итоге, работники заинтересованы в экономическом росте предприятия, во внедрении инноваций и современных подходов к управлению трудом на производстве, в обеспечении «права каждого работника на справедливые условия труда, в том числе на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены» [26].

Только взаимовыгодное сотрудничество партнеров способно создать оптимальные условия для развития трудовых отношений. Сущность философии социального партнерства сводится к следующему. 1. Разрешение разногласий путем переговоров. 2. Участие работников в управлении организацией, предприятием, учреждением. 3. Социальная справедливость. 4. Утверждение гуманистических начал в производственной деятельности. 5. Гарантии защиты интересов субъектов трудовых отношений. 6. Согласование стратегии социально-экономической политики. Одной из существенных характеристик принципа социального партнерства является выработка стратегии развития социальной и экономической политики при активном участии государства. Для российской системы трудового права характерен трипартизм – сотрудничество профсоюзов, предпринимателей и государства в регулировании социально-трудовых отношений. Со времени действия Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (с 1992 г.) в формировании системы социального партнерства главной остается проблема монополизма государства. Профсоюзы и объединения работодателей фактически не участвуют в разработке основных направлений развития. Зачастую формируются эти стратегии под влиянием интересов финансовых организаций, олигархических групп. В приоритете интересов государства над личными интересами проявляются отголоски марксистского учения. В 1994 г. была принята первая часть Гражданского кодекса РФ, принципы которого цивилисты называли «экономической конституцией». Но уже в августе 1996 года были внесены изменения в 885 статью Гражданского кодекса в отношении очередности взыскания средств с банковских счетов. Вопреки провозглашенным принципам в первоочередном порядке должны списываться с банковских счетов не средства, предназначенные на заработную плату, а налоговые платежи. Государство объясняло это заботой о человеке: новый порядок списания средств со счета введен для того, чтобы бюджет смог выплатить заработную плату работникам. Это в период становления рыночной экономики, когда неуклонно шла вперед тенденция роста

предприятий частной формы собственности! Произошло не просто нарушение законодательства, отступление от провозглашенных принципов. Тогда попытка утверждения начал гуманистического права не увенчалась успехом. Будущее российского трудового права во многом зависит от того, какая из двух указанных тенденций станет преобладающей, в правовой политике, законодательстве, правоприменительной деятельности, во всем юридическом бытии России. Сегодня уже заметно влияние финансово-экономического кризиса на социально-трудовые отношения. Наиболее остро возникают проблемы защиты трудовых доходов от инфляции, выплаты заработной платы, организация новых форм занятости и защита от массовой безработицы, сокращение рабочих мест. Полноценное сотрудничество должно стать фундаментальной основой для реализации принципа социального партнерства. В новой социально-экономической ситуации должен действовать приоритет принципа человека как носителя трудовых прав. Следует согласиться с С.А. Ивановым, считающим, что «природа трудового права первична, а сбалансированность интересов социальных партнеров вторична» [27]. В конечном итоге, принципы трудового законодательства должны служить непосредственно человеку, его высокому достоинству, его неотъемлемым правам и идеям гуманистического права. Ведь «каков уровень гуманизма в обществе, таково и трудовое право, ибо оно самое «человечное» право» [28]. В статье 2 Конституции РФ провозглашено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [29]. Необходимость усиления гуманистических начал в трудовом законодательстве является важнейшей задачей правотворческой деятельности. В связи с этим необходимо в статью 2 Трудового кодекса РФ внести изменения, дополнив принципом следующего содержания: «Гуманизм трудовых отношений». Поскольку трудовые отношения занимают одно из главных мест среди групп общественных отношений, то закрепление указанного принципа позволит обеспечить устойчивый уровень свободы субъектов трудовых отношений и обеспечить необходимые условия оптимального развития и функционирования социума.

1. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. – 7 с.

2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. С. 38.

3. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 15.

4. Лушников М.В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 410 с.
5. Таль Л.С. Очерки промышленного рабочего права. – М., 1918. С. 125.
6. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). Новая редакция / О. В. Смирнов [и др.]; отв. ред. М. О. Буянова, И. А. Костян. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2007. – 928 с.
7. Дмитриева И.К. Принципы российского трудового права: Монография. – М.: РПА МЮ РФ, Издательство ООО «Цифровичок», 2004. – 53.
8. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.Л. Гейхман, Е.Н. Сидоренко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 1143 с.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. 197-ФЗ (ред. от 30.12.2008) // Собрание законодательства РФ. 2002. 1 (ч. 1). Ст. 2.
10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. 197-ФЗ (ред. от 30.12.2008) // Собрание законодательства РФ. 2002. 1 (ч. 1). Ст. 2.
11. Лушников М.В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 410 с.
12. Там же. С. 306.
13. Там же. С. 308.
14. Там же. С. 343.
15. Там же. С. 343.
16. Там же. С. 379.
17. Декларация МОТ «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» (принята в г. Женева 18.06.1998) // Российская газета от 16.12.1998, 238.
18. Об одобрении Концепции действий на рынке труда на 2008–2010 годы: Распоряжение Правительства РФ от 15.08.2008 1193-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – 34. – Ст. 3964.
19. Иванов С.А. Российское трудовое право: история и современность // Государство и право. 1999. № 5.
20. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. М., 1977. С. 326–381.
21. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. М., 1972. С. 289.
22. Карнер И. Социальные функции права. М.-Пг., 1923.
23. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX–начала XX веков. – М., 1996. – С. 256–309.
24. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX –начала XX веков. – М., 1996. – С. 256–309.
25. Лушников М.В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. – Пб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 940 с.
26. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. 197-ФЗ (ред. от 01.10.2007) // Собрание законодательства РФ. 2002. 1 (ч. 1). Ст. 2.
27. Иванов С.А. Российское трудовое право: история и современность // Государство и право. 1999. № 5.
28. Лушников М.В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. – Пб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 940 с.
29. Конституция РФ. – М., 2007.

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ КОНКУРСОВ НА ЗАМЕЩЕНИЕ ВАКАНТНЫХ ДОЛЖНОСТЕЙ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

УДК 342.25

Ю. А. ЖДАНОВ

Статья 17 Федерального закона от 2 марта 2008 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» предусматривает возможность проведения конкурса на замещение должности муниципальной службы. Проведение конкурсов рассматривается в законе как один из способов замещения вакантной должности. Положение о конкурсе на замещение должности муниципальной службы включено в данный закон впервые. Действовавший ранее Федеральный закон № 8-ФЗ от 8 января 1998 г. «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» вообще не содержал норм о проведении конкурсов.

Следует с сожалением констатировать, что пока конкурс не стал единственным или преобладающим способом замещения должности муниципальной службы; он лишь применяется наряду с назначением. На государственной гражданской службе ситуация отличается: конкурс распространён гораздо шире, и должности государственной гражданской службы по общему правилу замещаются по конкурсу. Закон Челябинской области «О регулировании муниципальной службы в Челябинской области», принятый Законодательным Собранием в 2007 году, не содержит правового регулирования конкурсов на замещение должностей муниципальной службы. Тем не менее, в ряде муниципальных образований Челябинской области сложилась успешная практика проведения конкурсов на замещение вакантных должностей муниципальной службы в органах местного самоуправления. Так, например, в Кыштымском городском округе действует конкурсная комиссия в составе 9 человек, принято положение о порядке проведения конкурса на замещение вакантной должности муниципальной службы в органах местного самоуправления. В этом городском округе конкурс проходит в форме конкурса документов или конкурса-испытания. При проведении конкурса документов конкурсная комиссия проводит оценку претенден-

тов на основании представленных ими документов об образовании, трудовой, научной и иной творческой деятельности, прохождении государственной и иной службы. Конкурс документов может проводиться как с участием претендентов (открытый конкурс), так и в их отсутствии (закрытый конкурс). Конкурс-испытание включает в себя прохождение испытания на соответствие муниципальной должности посредством собеседования, тестирования, анкетирования и т.п. О проведении конкурса работодатель представляет в конкурсную комиссию извещение о наличии вакантной должности муниципальной службы и публикует в официальных средствах массовой информации объявление о проведении конкурса. Объявление размещается в информационном сайте работодателя в сети Интернет. В объявлении чётко указываются: наименование вакантной должности муниципальной службы, квалификационные требования, предъявляемые к претенденту, место и время приёма документов, срок, до истечения которого принимаются документы, сведения об источнике информации о конкурсе, дата и время проведения конкурса, место и порядок его проведения. Гражданин представляет на имя работодателя стандартный набор документов (заявление, анкету, паспорт, трудовую книжку, документ об образовании, страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования, ИНН, заключение мед. учреждения, сведения о доходах и имуществе, иные документы). Указанные документы гражданин представляет в течение 20 календарных дней со дня публикации объявления. Документы, представленные гражданами на конкурс, передаются работодателем в конкурсную комиссию не позднее чем за 2 дня до начала конкурса. По итогам проведения конкурса конкурсная комиссия принимает одно из следующих решений:

– о признании одного из участников победителем конкурса;

– о признании всех претендентов не соответствующими требованиям к вакантной должности муниципальной службы;

– о признании конкурса несостоявшимся.

О результатах конкурса каждому претенденту сообщается в письменной форме не позднее 15 рабочих дней со дня его завершения.

Вопросы проведения конкурсов неразрывно связаны с формированием кадрового резерва муниципальных служащих. В соответствии с поручением полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе губернатором Челябинской области П.И.Суминым даны поручения главам муниципальных районов и городских округов по формированию кадрового резерва. В настоящее время нормативные акты по формированию кадрового резерва приняли все муниципальные районы и городские округа. В кадровом резерве в муниципальных образованиях Челябинской области состоят 1465 человек, из них 835 человек – в резерве управленческих кадров. В качестве примера эффективной работы по формированию кадрового резерва можно привести Магнитогорский городской округ, где включено в кадровый резерв 349 человека, Снежинский городской округ (140 чел.), Верхнеуральский муниципальный район (53 чел.).

Губернатор Челябинской области П.И. Сумин поставил задачу: кадровый резерв (включение в кадровый резерв) должен формироваться **исключительно на конкурсной основе**. Это является важной мерой по противодействию коррупции, призванной положить начало демократическому, основанному на конкурентных основах, подходу к формированию органов местного самоуправления. Муниципалитетам необходимо прекратить кадровую «чехарду» и перейти к системной работе по подготовке кадров. Правительство Челябинской области ориентировало глав муниципальных районов и городских округов на то, чтобы и замещение должностей муниципальной службы в перспективе должно производиться в основном из кадрового резерва. Этот

процесс уже начался: за последние три месяца в муниципальных образованиях Челябинской области из кадрового резерва были назначены на должности муниципальной службы 69 человек. Сейчас остро встает вопрос дальнейшей работы с кадровым резервом: повышение квалификации резерва, проведение стажировок и др., иначе говоря, необходимо наполнить нахождение в резерве конкретным содержанием. Правительство области разработало и направило главам муниципальных районов и городских округов методическое пособие по формированию кадрового резерва. Самое важное в этой работе – гласность проведения конкурсов на включение в кадровый резерв. Поэтому вся информация о проведении конкурсов должна была доступна гражданам на сайтах муниципальных образований в системе Интернет. Большинство муниципальных районов и городских округов Челябинской области, кстати, уже выполнили это требование.

К работе по проведению конкурсов и формированию кадрового резерва на конкурсной основе необходимо относиться не как к единовременной кампании, а как к выполнению государственной функции, ориентированной на перспективу. В этой связи необходимо формирование законодательной базы, обеспечивающей проведение работы с кадровым резервом (в настоящее время на федеральном уровне такая база отсутствует, но некоторые субъекты Российской Федерации уже приняли или готовятся принять законы о кадровом резерве). Необходимо внесение изменений в Федеральный закон от 2 марта 2008 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», устанавливающих проведение конкурсов в качестве основного способа замещения вакантных должностей на муниципальной службе. Есть необходимость принятия на федеральном уровне закона о кадровом резерве, который бы логично «состыковал» Федеральный закон о муниципальной службе и требование о демократическом, конкурентном формировании кадрового резерва (и назначении на муниципальные должности из кадрового резерва).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОНАХ

УДК 347.191.5

С. И. ЦЫГАНОВ

Общепризнанной мировой практикой является создание на национальной территории зон, где хозяйствующим субъектам предоставляется льготный, по сравнению с общим за пределами зон, правовой режим предпринимательской деятельности. Родовое наименование таких образований – «свободная зона».

В п. «а» раздела «Определения» приложения 1 «Относительно свободных зон» Международной конвенции по упрощению и гармонизации таможенных процедур от 19 марта 1979 г. [11, с.127] дается следующее определение. Свободная зона – это часть государственной территории, в которой помещенные там товары рассматриваются с точки зрения взимания импортных таможенных пошлин и налогов как находящиеся вне таможенной территории и не подлежащие обычному таможенному контролю. Положениями конвенции предусмотрены коммерческая и промышленная свободные зоны. В первом случае товары допускаются для последующей продажи, их переработка или использование в производстве обычно запрещены. Во втором – товары, допущенные в зону, могут быть подвергнуты разрешенным операциям по переработке.

Одним из вариантов свободной зоны выступает особая экономическая зона. Согласно ст. 2 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ (в ред. ФЗ от 30.10.2007 г. № 240-ФЗ) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [18] особая экономическая зона – это определяемая Правительством РФ часть территории России, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности.

Анализ данного определения позволяет выделить ряд важнейших признаков особой экономической зоны.

Во-первых, особая экономическая зона представляет собой часть территории РФ. Для раскрытия этого признака необходимо выяснить пределы совпадения государственной и таможенной границы.

В силу ст. 1 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 (в ред. ФЗ от 4.12.2007 г. № 332-ФЗ) «О государственной границе Российской Федерации» [15] государственная граница России есть линия и проходящая по ней вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета России. Следовательно, государственная территория представляет собой пространство, ограниченное государственной границей.

В п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса РФ указывается, что территория России составляет единую таможенную территорию. В соответствии с п. 3 этой статьи особые экономические зоны являются частью таможенной территории. Товары, помещенные на территории особых экономических зон, рассматриваются как находящиеся вне таможенной территории России для целей применения таможенных пошлин, налогов, а также запретов и ограничений экономического характера, установленных законодательством России о государственном регулировании внешнеторговой деятельности, за исключением случаев, определяемых настоящим кодексом и иными федеральными законами. В силу п. 4 ст. 2 пределы таможенной территории России, а также пределы территорий, указанных в п. 2 и 3 настоящей статьи, являются таможенной границей. В п. 5 ст. 2 зафиксировано, что таможенная граница совпадает с Государственной границей Российской Федерации, за исключением пределов территорий, указанных в п. 3 настоящей статьи.

Во-вторых, на территории особой экономической зоны установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности. В ст. 2 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ не раскрывается содержание особого правового режима. Из других норм этого закона следует, что в рамках такого режима предоставляются льготы в области предпринимательской деятельности.

Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ предусматривает специальный порядок допуска к особому правовому режиму осуществления предпринимательской деятельности. Испрашивающий его хозяйствующий субъект заключает с органами управления особой экономической зоны соглашение об осуществлении (ведении) того или иного вида деятельности. Затем он проходит регистрацию в качестве резидента особой экономической зоны.

В-третьих, решение о создании особой экономической зоны принимается Правительством России по результатам рассмотрения соответствующей заявки, поданной высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ совместно с исполнительно-распорядительным органом муниципального образования, на территории которого предполагается размещение зоны. В соответствии с п. 1 ст. 6 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ решение о создании особой экономической зоны оформляется постановлением Правительства России.

Пунктом 2 ст. 40 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ предусмотрено, что положения этого закона не распространяются на отношения, урегулированные Федеральным законом об особой экономической зоне в Магаданской области и Федеральным законом об особой экономической зоне в Калининградской области.

В ст. 3 Федерального закона от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ (в ред. ФЗ от 24.07.2007 г. № 198-ФЗ) «Об особой экономической зоне в Магаданской области» [17] закреплено следующее определение особой экономической зоны в этом субъекте РФ. Особая экономическая зона в Магаданской области – это территория, которая расположена в административных границах г. Магадана и на которой в соответствии с настоящим Федеральным законом устанавливается особый правовой режим хозяйственной деятельности. В п. 1 ст. 2 Федерального закона от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ (в ред. ФЗ от 30.10.2007 г. № 240-ФЗ) «Об особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [16] несколько иначе зафиксировано данное понятие. В соответствии с этой нормой особая экономическая зона представляет собой территорию Калининградской области, на которой действует специальный правовой режим осуществления хозяйственной, производственной, инвестиционной и иной деятельности.

Сравнительный правовой анализ признаков особой экономической зоны позволяет сформулировать следующие выводы.

Из норм исследуемых актов следует, что особая экономическая зона – это часть территории Российской Федерации, на которой применяется особый правовой режим. Но решение о создании особой экономической зоны в Магаданской и Калининградской областях оформлено федеральным законом, а по Федеральному закону от 22 июля 2005 г. №116-ФЗ достаточно постановления Правительства России.

В федеральном законодательстве с большими вариациями решен вопрос о виде деятельности, на который распространяется особый правовой режим. Указывается на предпринимательскую деятельность (Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ), хозяйственную деятельность (Федеральный закон от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ), хозяйственную, производственную, инвестиционную и иную деятельность (Федеральный закон от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ).

Исследование установленных отличий границ особого правового режима необходимо начинать с уяснения понятий «хозяйственная деятельность» и «предпринимательская деятельность».

В п. 1 ст. 107 ГК РФ закреплено, что к хозяйственной деятельности относятся производство, переработка, сбыт промышленной, сельскохозяйственной и иной продукции, выполнение работ, торговля, бытовое обслуживание, оказание других услуг.

В силу п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской деятельностью является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном порядке.

Из приведенных норм следует, что предприниматель осуществляет хозяйственную деятельность с целью получения прибыли. Следовательно, предпринимательская деятельность уже понятия хозяйственной деятельности. Как верно отмечает В.С.Белых, «не всякая хозяйственная деятельность может считаться предпринимательской» [3, с.43].

Исходя из того, что резидент особой экономической зоны является предпринимателем, можно утверждать, что этот субъект правоотношений осуществляет хозяйственную

деятельность с целью извлечения прибыли. Следовательно, на территории зоны должен действовать особый правовой режим предпринимательской деятельности. В силу этого нельзя считать обоснованным распространение особого правового режима на иные виды деятельности.

Думается, что для достижения единообразия понятийного аппарата необходимо внести изменение в определение особой экономической зоны в Федеральные законы от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ и от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ, ограничив предоставление особого правового режима ее резидентам только при осуществлении ими предпринимательской деятельности.

Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ не предусмотрены особые экономические зоны регионального уровня. Однако субъектами РФ предприняты попытки их создания. Например, формой реализации такой зональной политики является закон Липецкой области от 18 августа 2006 г. № 316-ОЗ (в ред. закона Липецкой области от 6.04.2007 г. № 37-ФЗ) «Об особых экономических зонах регионального уровня» [19].

В ст. 2 закона Липецкой области от 18 августа 2006 г. № 316-ОЗ зафиксировано, что особая экономическая зона регионального уровня представляет собой территориально обособленный комплекс на участке, имеющем общую границу (за исключениями, указанными в этой статье), в пределах которого созданы благоприятные условия для ведения предпринимательской деятельности. Из иных норм данного законодательного акта следует, что особая экономическая зона регионального уровня создается актом администрации области (п. 4 ст. 5), государство в различных формах поддерживает участников такой зоны (ст. 10).

В законе Липецкой области от 18 августа 2006 г. № 316-ОЗ не установлено, что решение о создании особой экономической зоны принимается администрацией этого субъекта РФ по согласованию с Правительством России. Это рождает тревожную тенденцию бессистемного формирования цепочки зон с точки зрения макроэкономической целесообразности регионального размещения производительных сил.

Следует отметить, что законодательные акты регионов о создании особых экономических зон в большинстве случаев опротестованы прокуратурой и отменены на основании того, что федеральным законодательством не даны полномочия субъектам

РФ по созданию зон регионального уровня [7].

Законотворчество субъектов РФ по созданию особых экономических зон свидетельствует о недоработках федерального центра в области регулирования национальной экономики. В.В.Мищенко, А.А. Гладышев справедливо отмечают слабость государственной региональной экономической политики, ее незавершенность и непоследовательность [12, с. 79–80].

Во многом такая ситуация объясняется отсутствием государственной стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на два – три десятилетия вперед.

Обозначилась сложная проблема, решение которой предполагает осуществление следующего плана действий.

Во-первых, необходимо разработать и принять Федеральный закон «Стратегия долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации», где зафиксировать основные направления укрепления национальных производительных сил в субъектах РФ. Такой законодательный акт имеет огромное значение в деле планирования территориального размещения особых экономических зон. В этом случае зональная политика государства получит исторически важные ориентиры развития.

Во-вторых, следует дополнить Федеральный закон от 22 июля 2005 г. N 116-ФЗ понятиями «особая экономическая зона федерального уровня» и «особая экономическая зона регионального уровня». При этом важно закрепить положение о принятии решения высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ о создании особой экономической зоны регионального уровня по согласованию с Правительством России. Представляется, что перечень, объем налоговых и таможенных льгот, а также иных преференций, предоставляемых резидентам (участникам) зон различной этажности, не может быть равным. Участникам региональных зон вряд ли стоит рассчитывать на федеральные налоговые льготы. Финансирование обустройства инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иных инфраструктур особых экономических зон регионального уровня целесообразно осуществлять исключительно за счет бюджета соответствующего субъекта РФ и местного бюджета.

В научной литературе обоснованно отмечается ограниченность финансовых вливаний и иной поддержки зон со стороны большинства субъектов РФ и муниципальных образований [2, с. 172]. Например, в

проекте создания особой экономической зоны федерального значения «Уральский трансконтинент» объем планируемых поступлений инвестиционных ресурсов федерального центра составляет 3,5 млрд и бюджета Свердловской области – 2,6 млрд руб. [8, с. 22]. Это подводит к пониманию пределов создания региональных особых экономических зон.

В ст. 3 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ закреплены цели создания особых экономических зон – развитие обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей, производства новых видов продукции, транспортной инфраструктуры, а также туризма и санаторно-курортной сферы. Такой перечень целей девальвирует значение особых экономических зон в организации прорыва в постиндустриальное пространство.

Произошло необоснованное сужение цели функционирования зон в базовой инфраструктуре. Вместе тем для подъема экономики необходимо изменить состояние производственного аппарата не только транспорта, но и связи, энергообеспечения. Обновление основных фондов производственной инфраструктуры выступает фактором укрепления промышленности. Сфера услуг в законодательном акте представлена коротким списком – туризмом и санаторно-курортной областью.

Одновременно в законе фиксируется слишком широкая цель – развитие обрабатывающей промышленности, хотя продвижение к шестому технологическому укладу требует первоочередной концентрации усилий на высокотехнологических и наукоемких производствах. При этом хотелось бы обратить внимание на острую потребность в новом машиностроении. Дезорганизация и разложение этого наукоемкого сектора национального хозяйства ставит под сомнение реализацию планов модернизации экономики, ибо в условиях страшного дефицита современных средств труда ослабляется возможность восприимчивости бизнеса инноваций. Строительство машиностроительных предприятий в особых экономических зонах кардинально изменит ситуацию. Массовое зональное машиностроение откроет для России путь к сердцевине ядра мирового хозяйства.

Законодатель уклонился от определения социальных целей создания зон. В реальной действительности по мере укрепления экономики зон повышается занятость,

улучшается качество трудовых ресурсов и поднимается уровень жизни населения. Этот вопрос достаточно полно проанализирован в работах И.Е.Лешиной [10, с. 99], И.Ю. Карховой, Д.А. Кунакова [6, с. 6] и К.А. Присекиной [14, с. 66].

Установление одноуровневых целей не позволяет ответить на вопрос об основной цели создания зон. В этом свете целесообразно определить цель и систему задач, вытекающих из нее.

На основании изложенного предлагается иная формулировка ст. 3 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ. Целью создания особых экономических зон должно стать формирование производительных сил постиндустриальной экономики. С учетом этой цели задачи создания особых экономических зон заключаются в развитии базовой инфраструктуры, высокотехнологических и наукоемких производств, сферы услуг, повышении занятости, улучшении качества трудовых ресурсов, подъеме уровня жизни населения до общепризнанного стандарта экономически передовых государств.

Сформулированное понимание цели и задач строительства особых экономических зон носит революционный характер. Их реализация ускорит перемещение РФ на площадку лидеров планетарной экономики.

Требует дополнительной проработки вопрос о типологии особых экономических зон.

Согласно ст. 4 ФЗ от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ на территории России могут создаваться особые экономические зоны следующих типов: промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные и портовые.

А. Скор отмечает, что в Федеральном законе от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ в сильно усеченном варианте использован мировой опыт создания различных особых экономических зон [20, с. 204]. Соглашаясь с этой точкой зрения, необходимо подчеркнуть отсутствие в этом законе нормативного размежевания типов и видов зон.

В зарубежных странах принято выделять пять типов особых экономических зон: зоны свободной торговли, промышленно-производственные, технико-внедренческие, сервисные и комплексные. Количество зон свободной торговли достигло 400, промышленно-производственных – 300, технико-внедренческих – 400, сервисных – 100 [1, с. 4].

По мнению В.В. Попова, каждый тип зон объединяет определенные виды особых эко-

номических зон [13, с. 17]. Зона свободной торговли включает порто-франко, вольные гавани, беспошлинные таможенные зоны, специальные магазины «дьюти-фри», таможенные склады, свободные склады, свободные таможенные зоны; промышленно-производственная зона – свободные производственные, экспортно-производственные, экспортно-импортозамещающие, импортные и импортозамещающие зоны; технико-внедренческая зона – научно-промышленные, инновационные зоны, технопарки, технополисы, зоны технико-экономического развития, агропромышленные парки; сервисная зона – оффшорные склады, свободные банковские зоны, туристические, рекреационные, налоговые гавани, зоны экономического благоприятствования; комплексная зона – международные зоны экономического развития, эколого-экономические регионы, инвестиционные зоны. Такая классификация типов и видов особых экономических зон логична, позволяет гибко регулировать процесс зонального строительства.

Сформулированные положения позволяют поставить вопрос об изменении ст. 4 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ по схеме «типы – виды зон». При этом типами особых экономических зон выступают зоны свободной торговли, промышленно-производственные, технико-внедренческие, сервисные и комплексные. Перечень видов особых экономических зон следует определить с учетом реальной потребности в них. Вряд ли стоит создавать зоны экономического благоприятствования, реанимируя печально известный эксперимент, проведенный на территории Республики Ингушетия в 1996–1997 гг. Оффшорные зоны в условиях высокого уровня теневой экономики и всеохватывающей деловой коррупции выступают механизмом отмывания незаконно полученных доходов и изъятия денежных средств из экономики.

Предлагаемое изменение ст. 4 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ повлечет за собой внесение дополнений

в этот законодательный акт в части соглашений об осуществлении (ведении) видов деятельности.

В п. 2 ст. 12 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ предусмотрено, что при осуществлении промышленно-производственной деятельности резидент обязан осуществить капитальные вложения в рублях в сумме, эквивалентной не менее десяти миллионов евро (за исключением нематериальных активов). Согласно требованиям Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ резидент портовой особой экономической зоны обязуется осуществить капитальные вложения, за исключением нематериальных активов, в рублях в сумме, эквивалентной следующим величинам: при строительстве объектов инфраструктуры нового морского порта – не менее ста миллионов евро (п. 1 ст. 31¹¹); при строительстве объектов инфраструктуры нового речного порта и нового аэропорта – не менее пятидесяти миллионов евро (п. 2, 3 ст. 33¹¹); при реконструкции объектов инфраструктуры морского порта, речного порта, аэродрома – не менее трех миллионов евро (п. 4 ст. 33¹¹).

Малый и средний бизнес не располагает такими ресурсами, что лишает их представителей шансов стать резидентами. На это обращают внимание В.В.Ивченко, А.Г.Хасанов [5, с. 114], К.Круглянский [9, с. 16]. Одновременно глобальный экономический кризис ограничил возможность крупных национальных и иностранных инвесторов финансировать реальные инвестиции в особых экономических зонах России.

Приведенный перечень проблем зонального строительства не является исчерпывающим. К.В.Владимиров [4, с. 89–91], А.Чистяков [21, с. 12], ряд других авторов обозначили и иные вопросы, которые требуют своего решения.

Дальнейшее совершенствование законодательства об особых экономических зонах повысит эффективность их функционирования.

1. Аккерман Е. Оазисы экономического роста // Экономика и жизнь. 2005. № 12. С. 4.
2. Багаутдинов А.Н. Правовой механизм создания особых экономических зон в Российской Федерации // Экономические науки. 2007. № 2. С. 171–175.
3. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: Монография. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 432 с.
4. Владимиров К.В. Калининградская область: особая экономическая зона и ее «особенности» // Иностранный капитал в России: налоги, валютное и таможенное регулирование, учет. 2007. № 9. С. 87–91.
5. Ивченко В.В., Хасанов А.Г. Закон об ОЭЗ и развитие малого предпринимательства в регионе // ЭКО. 2006. № 12. С. 108–114.

6. Кархова И.Ю., Кунаков Д.А. Особые экономические зоны как инструмент повышения конкурентоспособности и диверсификации национальной экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 9. С. 3–14.
7. Кировская область поддержала законопроект, дающий регионам право создавать особые экономические зоны. URL: <http://www.regnum.ru/news/862104.html> (дата обращения: 31.10.2008).
8. Коновалов А. Летите, голуби // Эксперт – Урал. 2008. № 20. С. 22.
9. Круглянский К. Российские ОЭЗ далеки от идеала // Финанс. 2005. № 26. С. 16.
10. Лешина И.Е. Ожидаемые последствия внедрения моделей особых экономических зон как территорий инновационного научно-технического развития России // Промышленная политика в Российской Федерации. 2007. № 1. С. 98–100.
11. Международная конвенция по упрощению и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция 1979 г.) // Право и экономика. 1995. № 8. С. 126–133.
12. Мищенко В.В., Гладышев А.А. Особые зоны Алтайского края как инструмент ускоренного развития региона // ЭКО. 2007. № 7. С. 79–92.
13. Попов В.В. Управление портами и портовой деятельностью. Новороссийск: НГМА, 1997. 137 с.
14. Присекина К.А. Особые экономические зоны: новые возможности для регионального и корпоративного развития // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 10. С. 65–70.
15. О государственной границе Российской Федерации: закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1: принят Верховным Советом Российской Федерации 18 июня 1993 г. (в ред. ФЗ от 4.12.2007 г. № 332) // Ведомости СЖД РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 17. Ст. 594; СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6245.
16. Об особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ: принят Гос. Думой Федерального Собрания Российской Федерации 23 декабря 2005 г.: одобр. Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 27 декабря 2005 г. (в ред. ФЗ от 30.10.2007 г. №240-ФЗ) // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 280; 2007. № 45. Ст. 5417.
17. Об особой экономической зоне в Магаданской области: Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 23 апреля 1999 г.: одобр. Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 17 мая 1999 г. (в ред. ФЗ от 24.07.2007 г. № 198-ФЗ) // СЗ РФ. 1999. № 23. Ст. 2807; 2007. № 31. Ст. 3995.
18. Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 8 июля 2005 г.: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 13 июля 2005 г. (в ред. ФЗ от 30.10.2007 г. № 240-ФЗ) // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. 2). Ст.3127; 2007. № 45. Ст. 5417.
19. Об особых экономических зонах регионального уровня: закон Липецкой области от 18 августа 2006 г. №316-ОЗ: принят Липецким обл. Советом депутатов 10 августа 2006 г. (в ред. закона Липецкой области от 6.04.2007 г. № 37-ОЗ). URL: <http://www.admlr.lipetsk.ru/rus/roez/316-oz.php> (дата обращения: 31.10.2008).
20. Споч А. Особые экономические зоны как эффективный механизм региональной кластерной политики государства // Общество и экономика. 2006. № 7–8. С. 202–214.
21. Чистяков А. Основы современного законодательства об особых экономических зонах в Российской Федерации // Инвестиции в России. 2007. № 1. С. 9–15.

РОССИЙСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ В ЗЕРКАЛЕ МИРОВЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 338.45

А. В. ТРЕТЬЯКОВ

Мировой экономический кризис, начавшийся фактически в 2008 году с кризиса ипотечного рынка США и охвативший затем национальные экономики стран, составляющих мировое хозяйство, оказал существенное влияние на состояние реального сектора мировой экономики, прежде всего промышленности. Замедление темпов роста, а в некоторых случаях и сокращение производства и потребления продукции промышленного производства является неизбежным следствием кризиса. Как симптом кризиса, исследователи выделяют резкую смену тенденций в экономической деятельности в результате нарушения равновесия, рассогласования между совокупным спросом и совокупным предложением, периодически повторяющегося. В общем, кризис есть содержание экономического цикла, и кризис наблюдается во «внезапной и резкой, как правило, смене повышательной тенденции понижательной, тогда как при обратном процессе такого резкого поворота зачастую не бывает» [1]. Кризис ликвидирует невозвратные долги хозяйствующих субъектов и принуждает производителей избавляться от «плохих» активов (морально и технологически устаревшего оборудования, запасов неликвидной продукции, убыточных объектов незавершенного строительства и т.п.).

Не будет преувеличением считать, что в наибольшей степени нынешний мировой экономический кризис затронет металлургическое производство (цветную и черную металлургию в равной степени) как мировое, так и отдельных ведущих национальных производителей. Вероятно, что в ближайшее время в результате текущих процессов рецессии все-таки разрешится основная проблема мировой черной металлургии, включая ее национальные сегменты, сохраняющаяся на протяжении последних 25–30 лет, – громадный, колоссальный переизбыток производственных мощностей [2]. Так, по экспертной оценке автора статьи в отраслевой структуре промышленности России доля чер-

ной и цветной металлургии в общем объеме производства хотя и не превышает в настоящее время 20% (доля производства предприятий черной металлургии равна 8,6%, а доля цветной металлургии равна 9,1%), но состояние этой важнейшей для нашей страны отрасли промышленности отражается на динамике ее экономического роста. Очевидно, основная мировая проблема развития черной металлургии имеет почти зеркальное российское отражение, но значительно усложненное переходными процессами национальной экономики и широкомасштабной приватизацией государственной собственности.

В мировом производстве динамика производства и потребления продукции черной металлургии росла разными темпами, постепенно замедляя рост за последние 50 лет с 1950 года. Так, например, максимальный прирост производства стали приходится на 1950-е – 1960-е годы (в среднем за 20 лет прирост составил 76,5%), минимальный – на 1980-е – 1990-е (в среднем прирост был равен 7,5%) [3]. По оценкам крупнейших российских специалистов в области истории и теории металлургического производства [4], спад производства основных видов продукции предприятий черной металлургии России, включая Урал, по основным экономическим показателям, который имел место непосредственно с началом приватизации в 1992 году и ее окончательным завершением к 1999 году, лишь в 2000 году был остановлен, и производство начало уверенно расти, что можно считать датой выхода российской черной металлургии из кризиса переходного периода и приватизации. По данным Департамента металлургии Минпромнауки РФ [5], в 2000 году производство основных видов продукции черной металлургии России высоких переделов (чугун, сталь, прокат листовой и сортовой, трубы стальные) все-таки не достигло объемов 1991 года. Вместе с тем по данным государственного таможенного комитета РФ с 1994 по 2000 гг. экспорт

продукции черной металлургии в стране по ее отдельным видам (прокат листовой, трубы стальные, стальные слитки, руда и концентраты, лом и отходы) рос в абсолютном выражении [6] и достиг наилучших показателей после 2000 года.

За 1990-е годы черная металлургия стала экспортно-ориентированной отраслью. Сумма валютной прибыли, которую обеспечивали предприятия черной металлургии в 2000-е годы, составляла ежегодно не менее 8 млрд долл., или 8,6% от валютных поступлений по России. Однако российскую долю мирового экспорта черных металлов на внешнем рынке следует признать довольно неустойчивой, так как существующая в настоящее время структура экспорта далека от оптимальной и характеризуется высокой долей сырья, чугуна, слитков и заготовок [7]. Территориальная структура экспорта металлопродукции также имеет свою специфику – 93% экспорта продукции металлургии приходится на две области: Челябинскую и Свердловскую.

Статистика динамики производства продукции черной и цветной металлургии показывает еще одну очевидную проблему – отсутствие объективной научной оценки результативности приватизации отрасли. К 2000 году в металлургическом комплексе России 96,3% предприятий было акционировано, и процесс преобразования предприятий в акционерные общества был фактически завершен. С 2000 года по форме собственности в черной металлургии России государственная собственность составляет 0,8%, муниципальная собственность – 0,1%, собственность общественных организаций и объединений – 0,1%, частная собственность – 90,5%, смешанная российская собственность – 7,0%, смешанная с совместным российским и иностранным участием – 1,5% [8]. Но несмотря на существующие в современной экономической теории доказательства превосходства в промышленном развитии стран частного капитала над государственным, оценка российской приватизации 1990-х годов еще не получила своего ясного и непротиворечивого выражения. Аргументами в пользу продолжения непрерывных и неустанных исследований эффективности приватизации, особенно в черной металлургии, являются работы сотрудников Института экономики Уро РАН (г. Екатеринбург) [9] и предваряя выводы их исследований, укажем, что научная оценка экономической эффективности приватизации в черной металлургии остаётся до сих пор нерешенной проблемой.

Особенно актуальна научная оценка экономической эффективности приватизации в черной металлургии для управления экономикой Челябинской области, так как одним из важнейших видов обрабатывающих производств для нее является металлургическое производство, производство готовых металлических изделий. В металлургическом комплексе сосредоточено около 50% промышленно-производственных фондов, 30% всего промышленно-производственного трудового потенциала области. Металлургические предприятия обеспечивают не менее 30% налоговых отчислений по Челябинской области. Ряд металлургических предприятий на территории области, такие, как ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ОАО «Уральская кузница», ОАО «Златоустовский металлургический завод», ОАО «Ашинский металлургический завод», ЗАО «Карабашмедь» и др., являются градообразующими, от их успешной деятельности зависит и объем поступлений в бюджеты территорий и области в целом, экономическое и социальное благополучие: уровень занятости, уровень доходов населения.

С другой стороны, еще в 1999 году в Комплексном докладе областному Законодательному Собранию губернатор Челябинской области П.И. Сумин подвел некоторые итоги приватизации. Как было отмечено в докладе, «...Челябинская область в 1992–1993 годах оказалась в числе регионов-лидеров по приватизации предприятий, образующих фундамент экономической самостоятельности и самостоятельности... Всего с начала этого процесса было приватизировано свыше 450 объектов различного назначения, 455 госпредприятий преобразованы в акционерные общества... В целом приватизация госимущества, расположенного на территории Челябинской области, практически завершена. На сегодняшний день – государственный имущественный комплекс Челябинской области по данным реестра госимущества включает в себя: 690 организаций федеральной формы собственности, в т.ч. 136 предприятий, 554 учреждения; 275 организаций областной формы собственности, в т.ч. 117 предприятий, 158 учреждений. Стоимость федерального имущества на территории области составляет около 42 млрд рублей. Стоимость имущественного комплекса, находящегося в областной собственности, превышает 6 млрд рублей» [10].

Учитывая нынешние антикризисные программы металлургических предприятий и новые мировые тенденции, в современной экономике развитие металлургии может

быть эффективно реализовано на основе инвестиций. Инвестиционное развитие является более высокой формой организации хозяйства по сравнению с экономическим ростом на основе факторов производства. С другой стороны, инвестиции выступают формой перехода к новому механизму развития металлургических предприятий – инновационному. В современных условиях для металлургических предприятий инновации становятся ближайшей перспективой их роста. Металлургия аккумулирует новейшие технические достижения сталелитейного производства и производства проката на основе их внедрений, что порождает положительные внешние экстерналии (например, социально значимые улучшения в экологической безопасности производства), хотя инвестиционные решения металлургических предприятий направлены в основном на увеличение их валовой и чистой прибыли. Поэтому они стремятся наращивать финансовую и экономическую рентабельность, привлекая внешние займы.

С 2001 года по 2007 годы в металлургической отрасли возобладали технико-экономические тенденции, отражающие дифференциацию центров мирового металлургического производства высоких переделов, что связано с появлением в XXI веке группы новых стран-лидеров высокотехнологического производства металлургической продукции, куда в первую очередь входят Китай, Бразилия, Индия. Изменение мирового рынка и его производственной структуры повлекло за собой крупные технологические сдвиги в отрасли, что способствовало отказу от создания сверхкрупных металлургических комбинатов полного цикла и усилило специализацию в мировом металлургическом комплексе. Технологический прогресс ускорило развитие производства металла в оптимальных объемах, с высокими техническими и экономическими характеристиками. В металлургической отрасли наряду со специализацией и углублением международного разделения труда по-прежнему высок удельный вес вертикально интегрированных компаний на основе финансово-промышленных групп и холдингов.

Относительное перенасыщение мирового рынка металлопродукцией из бывших социалистических и новых индустриальных стран можно определить в качестве основного фактора, влияющего на динамику мировых цен, и условия внедрения новых технологий, обеспечивающих удешевление металла. В 1990-е – 2000-е годы роль металлургической отрасли в российской

экономике состояла в том, что она в короткие сроки смогла переориентироваться с внутреннего на внешний рынок, не утратив при этом своего потенциала и поддерживая национальную экономику в сложное время переходного периода.

В настоящее время с расширением современного мирового экономического кризиса изменяется схема действий российских металлургических предприятий, так как постепенно набирают силу противоположные по сравнению с 2001–2007 годом тенденции: рецессия мирового производства, снижение нормального спроса на металлургическую продукцию, сокращение объемов национального производства в черной металлургии. Так, по данным Министерства экономического развития Челябинской области в 2008 году индекс производства в металлургическом производстве и производстве готовых металлических изделий составил 94,2% к январю-ноябрю 2007 года. Рост отмечен лишь в производстве цинка – 103,2%. Снижение производства в 2008 году представлено в выпуске такой продукции, как сталь (на 3,7%), прокат готовый (на 4,2%), трубы стальные (на 19,3%). Одновременно увеличились инвестиции в основной капитал промышленных предприятий на 22,2% [11].

Основные направления развития металлургического производства в Челябинской области в 2001–2007 годах [12].

Производство чугуна, ферросплавов, стали, горячекатаного проката и холоднокатаного листового проката

К данному виду металлургического производства относятся крупнейшие предприятия Челябинской области: ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ОАО «Челябинский металлургический комбинат», ОАО «Челябинский электрометаллургический комбинат», ОАО «Златоустовский металлургический завод», ОАО «Ашинский металлургический завод» и другие. Данные предприятия обладают современной производственно-технологической базой, реализуют масштабные инвестиционные программы по модернизации производства, освоению новых видов продукции высоких переделов.

ОАО «ММК» реализует масштабную долгосрочную инвестиционную программу, которая предусматривает обновление производственных фондов по всем переделам. Наибольшая доля расходов на капитальное строительство приходится на сортовое производство, в рамках развития которого были введены станы «370» и «450». Другим на-

правлением инвестиций в техническое перевооружение является электросталеплавильное производство, которое будет размещаться на площадях мартеновского цеха. В настоящее время активно ведется строительство 2-х электродуговых печей, мощность которых составит 4 млн тонн. В 2007 году на Магнитогорском металлургическом комбинате продолжал строиться цех, в котором будут установлены толстолистовой стан и машина непрерывного литья заготовок. Организация комплекса позволит обеспечивать продукцией нефтегазовую отрасль, судостроение. На новое производство комбинат затратит 35 миллиардов рублей.

В 2005 году на ОАО «Челябинский металлургический комбинат» запущена первая очередь (две агломашины) новой аглофабрики, которая предусматривает пуск четырех линий. Новая фабрика увеличит возможности предприятия по самообеспечению потребностей в железорудном сырье. Сокращение технологических затрат после полного запуска составит примерно 70 млн долл. в год при стоимости фабрики в 154 млн долл.

В 2007 году в реконструкцию основного производства Ашинского металлургического завода инвестировано более 500 миллионов рублей собственных и заемных средств.

Производство чугунных и стальных труб

Основным производителем труб в Челябинской области является ОАО «Челябинский трубопрокатный завод», входящий в холдинг ЗАО «Группа ЧТПЗ».

В рамках «Группы ЧТПЗ» разработана и принята концепция интегрированной системы управления ОАО «Челябинский трубопрокатный завод» и ОАО «Первоуральский неотрубный завод» (Свердловская область). Создание новой системы управления предприятиями позволит оптимизировать управленческие процессы, в большей степени сосредоточить усилия на развитии производственной деятельности ПНТЗ и ЧТПЗ.

На ОАО «Челябинский трубопрокатный завод» завершён первый этап пятилетней комплексной программы технического перевооружения предприятия. Общий объём инвестиций ОАО «ЧТПЗ» в масштабную реконструкцию трубэлектросварочного цеха № 6 составил более 50 млн долл. Реализация проекта «Стенка 22», начатая в 2004 году, успешно завершена. Завод выпускает трубы большого диаметра с толщиной стенки 22 миллиметра.

В 2007 году ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» и ЗАО «Группа ЧТПЗ» заключили Генеральное соглашение о

стратегическом сотрудничестве до 2015 года, которое предусматривает приоритетное включение заказов ЗАО «Группа ЧТПЗ» в производственные программы ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», а ЗАО «Группа ЧТПЗ» обязывается размещать объёмы потребляемой металлопродукции на внутреннем и внешнем рынках. Соглашение предусматривает взаимодействие компаний по проектам строительства толстолистового стана «5000» ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» и нового цеха по производству труб большого диаметра ЗАО «Группа ЧТПЗ».

Производство цветных металлов

Данный вид производства представляют крупные высокотехнологичные предприятия по производству цинка, меди, кобальта и никеля: ОАО «Челябинский цинковый завод», ЗАО «Кыштымский медеэлектролитный завод», ЗАО «Карабашмедь», ОАО «Уфалейникель». Предприятия цветной металлургии Челябинской области обладают современной технологической базой, позволяющей им уверенно выступать на внутреннем и внешнем рынке с конкурентоспособной продукцией высокой степени качества.

ОАО «Челябинский цинковый завод», один из крупнейших производителей цинка в России, освоил производство высокочистого цинка марки Special High Grade (SHG) благодаря проведенной модернизации производственных мощностей и введению автоматизированного комплекса электролиза цинка. Лондонская биржа металлов официально зарегистрировала торговую марку цинка CZP SHG (CHELYABINSK ZINC PLANT SPECIAL HIGH GRADE), выпускаемого Челябинским цинковым заводом. С 2005 года основной специализацией завода становится производство высококачественных сплавов на основе цинка SHG, в том числе сплавов для горячего цинкования с добавками никеля, алюминия, сурьмы, а также литейных цинковых сплавов.

ЗАО «Кыштымский медеэлектролитный завод» и ЗАО «Карабашмедь» входят в состав холдинга «Русская медная компания», инвестировавшего значительные средства в развитие производственной базы предприятий. В 2005 году на ЗАО «Кыштымский медеэлектролитный завод» состоялся запуск второго цеха электролиза. В этот проект инвестировано около 20 млн долл. собственных средств предприятия. Строительство нового цеха электролиза, а также реконструкция второй анодной печи произведены в рамках проекта модернизации ЗАО «Кыштымский медеэлектролитный завод», реали-

зация которого позволит увеличить объемы производства заводом катодной меди на 50% – с 80 до 120 тыс. тонн продукции в год.

На ЗАО «Карабашмедь» реализуется программа ведения безотходного производства. Общий объем инвестиций в модернизацию медеплавильного производства на ЗАО «Карабашмедь» составит 780 млн рублей. На предприятии была введена в эксплуатацию установка по конверсии влажных серосодержащих газов WSA Haldor Topsoe (Дания). Ежедневно цех утилизации газов выпускает не менее 200 тонн серной кислоты. Произведена реконструкция газоходной системы утилизации дебалансовых малосернистых газов с целью рационального распределения газовых потоков и оптимизации сернистых газов в серноокислотном производстве. Продолжается строительство плавильного комплекса «Ausmelt» с 54-метровой печью Ausmelt, который заменит устаревшие плавильные печи и увеличит выпуск черновой меди с 42 тыс. тонн до 90 тыс. тонн в год, а также герметично закроет все металлургические агрегаты, что положительно скажется на экологической безопасности производства на данном предприятии.

ОАО «Челябинский цинковый завод» в 2007 году ввел в эксплуатацию новую высокопроизводительную крупногабаритную вельц-печь. Новый комплекс способен дополнительно вовлечь в переработку до 85 тыс. тонн вторичного сырья в год, что в пересчете на содержание цинка в исходном сырье (порядка 22%) позволяет при максимальной загрузке увеличить годовой выпуск металлического цинка примерно на 18,5 тыс. тонн. Объем инвестиций в строительство

комплекса «Вельц-печь № 5» составил порядка 600 млн рублей.

Производство готовых металлических изделий

Производство готовых металлических изделий в Челябинской области представлено предприятиями по производству строительных металлических конструкций и изделий, металлических резервуаров, паровых котлов, кованных изделий, потребительских товаров. Наиболее крупными предприятиями, производящими указанную продукцию, в Челябинской области являются ОАО «Уральская кузница», ЗАО «Челябинский завод металлоконструкций», ОАО «Магнитогорский метизно-калибровочный завод «ММК-Метиз» и другие.

Металлургические предприятия Южного Урала в последние годы стремятся к объединению активов для достижения крупных социально-экономических целей. Объединение предприятий повышает эффективность управления, оптимизирует производственно-технологические процессы, консолидирует инвестиционные ресурсы для реализации долгосрочных проектов, которые дают максимальную отдачу.

Главная цель развития металлургии в Челябинской области состоит в скорейшей модернизации производства в пользу конкурентоспособной продукции более высоких переделов, повышении эффективности производства металлопродукции на базе расширения доли перспективных производств, обеспечении повышения качества продукции в соответствии с международными стандартами.

1. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – Антология экономической классики. Предисловие, составление И.А. Столярова. – М.: «ЭКОНОВ», «Ключ». 1993. С. 380.

2. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / Под ред. И.С. Королева. – М.: Экономистъ, 2003. С. 262.

3. Там же. С.255.

4. Запарий В.В. Черная металлургия Урала в 70–90-е годы XX века. – Екатеринбург – Банк культурной информации: Уро РАН, 2003. С. 320–323; Шевелев Л.Н. Мировая черная металлургия 1950–2000 гг. (Реструктуризация, качество, приватизация). – М.: Машиностроение, 1999. С. 203–205.

5. Мировая экономика... С. 270.

6. Там же. С. 271.

7. Запарий В.В. Указ. соч. С. 233–234.

8. Там же. С. 323.

9. Перевалов Ю.В., Гимади И.Э., Добродей В.В. Анализ влияния приватизации на деятельность промышленных предприятий. – М.: РПЭИ. Фонд «Евразия», 2000. – 94 с.

10. «О некоторых итогах социально-экономического развития Челябинской области в 1999 году и перспективном плане работы на 2000 год и ближайшее пятилетие» (Комплексный доклад губернатора Челябинской области П.И. Сумина областному Законодательному Собранию) // Челябинский рабочий. 2000. 29 февраля.

11. Основные показатели социально-экономического развития Челябинской области (январь–ноябрь 2008 года) – Режим доступа: www.econom-chelreg.ru.

12. См.: там же.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 172

Л. А. ЛИПСКАЯ, Е. В. ЛИПСКАЯ

Современный период развития России обнажил проблему духовно-нравственного воспитания личности, которая связана с проявлениями бездуховности, псевдокультуры, антигуманных ценностей в молодежной среде, с подростковой преступностью, пьянством и наркоманией, низким уровнем общественной морали. Самые общие причины названной проблемы – следствие тех радикальных изменений конца XX – начала XXI века, которые привели к утрате традиционных культурных стереотипов, растворению и загрязнению национального характера, эрозии национально-культурной идентичности. Решение данной проблемы тесным образом связано с формированием духовной культуры молодого поколения, поскольку она задает модус ценностно-смыслового отношения к миру, к жизни, к себе и другим людям.

В сложные, переломные периоды развития нашей страны общество и власть обращаются к своим идейным и духовным истокам, пытаются найти в них ответы на вызовы современности, вернуть утерянные традиции. Одним из способов возрождения и трансляции национальных ценностей выступает система образования. Особенность современной политики в сфере образования состоит в попытке примирения и соединении двух противоположных ценностных систем: индивидуалистической и коллективистской, западной и славянофильской, консервативно-охранительной и либерально-реформистской. Разнополярность и разнонаправленность идейных истоков современных концепций порождает рассогласованность целей и ценностей в сфере образования, борьбу между педагогическим сообществом и властными структурами за приоритеты в образовательной политике.

Политический конфликт, связанный с утверждением в обществе той или иной системы духовно-нравственных ценностей имеет в России длительную историю. Начиная с древнейших времен, воспитание чело-

века в России носило религиозный характер. Древнерусская православная педагогика рассматривала человека как венец божественного творения, а его становление осуществлялось, как просвещение в вере, под знаком определяющей роли государства и религии. Образовательным идеалом было формирование «государственного человека, преданного вере, царю и отечеству». Религиозное воспитание было направлено на преодоление в человеке греховного начала путем смирения, спасения души на основе веры, надежды и любви к Богу [1].

В образовании, как и в обществе в целом, вплоть до XVIII века господствовал религиозный тип культуры, для которого было характерно преобладающее положение церкви в обществе. Особенностью русской философско-педагогической мысли первой половины XIX века было то, что в ней нашли отражение идеи единства Человека и Бога, синтеза индивидуального и общественного, этико-эстетические и смысложизненные образы познания мира. Своеобразным отражением этого стала Русская идея, которая объединила особенности русского национального характера и культуры, патриотизма, мессианизма России, своеобразия ее пути. Она стала одной из центральных идей философских и педагогических теорий славянофилов (К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, и др.), которые отмечали самобытный характер развития российского общества и его культуры, указывали на православие как основу воспитания русской духовности.

Образование рассматривалось славянофилами как процесс приобщения личности к исконно русским, православным ценностям, «через самоотречение каждого в пользу всех». В частности, в статье «Об общественном воспитании в России» (1850) А. Хомяков основной смысл воспитания видел в передаче традиций, которые направлены на формирование внутренней духовной цельности личности, в ее единении на ос-

нове христианской веры и взаимной любви с другими людьми. Обязанностью правительства он считал «устранение всего, что противно внутренним и нравственным законам, лежащим в основе самого общества» [2]. Общественное воспитание, по мысли философа, должно осуществляться на основе единства христианского православия, русской народности и государственности. Предназначение такого воспитания виделось в развитии национального самосознания, составляющего духовную основу русского народа, которая определяет его особый характер, национальность, отличие от других народов. Следует отметить, что идеи славянофилов о противопоставлении специфического типа российской культуры и западноевропейского особенно популярны сегодня, когда предпринимаются попытки определения ценностных приоритетов отечественного образования. Со стороны современных славянофилов, как политиков, так и ученых, вновь звучит критика западных ценностей, основанных на рационализме, голом расчете и эгоистических интересах. Индивидуалистическим и лицемерным ценностям «западного мещанства», для которого характерна погоня за комфортом и материальным благополучием, противопоставляются «исконно русские» ценности общинного, соборного, высоконравственного образа жизни, принцип сочетания личных интересов с интересами общества и государства.

Ряд современных представителей педагогического сообщества придерживается консервативного теологического направления, которое было одним из ведущих в политической и педагогической мысли России в конце XIX – начале XX веков. Консерватизм в образовательной политике проявлялся в ориентации на идеи сильного национального государства, патернализма и патриотизма, которые были высказаны теоретиками и деятелями просвещения ортодоксального религиозного течения К.П. Победоносцевым, С.А. Рачинским, К.П. Яновским и др. Идеологом религиозного консерватизма как в обществе, так и в образовании был К.П. Победоносцев, который считал, что в основе государственной системы образования должны лежать два критерия – божественный разум и народный дух – имея в виду народ, обладающий «надличностной духовной субстанцией» [3]. В свете проводимых сегодня в образовании реформ определен-

ное значение имеют его высказывания по поводу того, что институциональные преобразования, необходимость которых не обусловлена исторически закономерным развитием общества, могут принести больше вреда, нежели пользы. В связи с политикой интеграции России в единое европейское образовательное пространство, остаются актуальными предостережения Победоносцева о невозможности произвольного переноса социальных институтов одной нации на другую, не соответствующих ее «народному духу». Это относится, в частности, к внедрению в высшей школе основных принципов и Болонской декларации, которые пока с трудом вписываются в отечественную систему образования. У определенной части российского педагогического сообщества продолжает господствовать предубеждение против западных образовательных моделей, ориентированных на воспитание у молодого поколения духа свободы, самостоятельности, самодеятельности и индивидуальной ответственности. В исследованиях последних лет доминирующим мотивом становится критика государственной образовательной политики либерализма, отрицание западной индивидуалистической ментальности, которую формирует европейская система образования. Странники современного религиозно-консерватизма в образовательной политике занимают методологические позиции, которые определяются приматом веры перед знанием, религии перед наукой. Одной из задач общеобразовательной школы в теоретических построениях педагогов консервативного направления провозглашается религиозное воспитание, проблемы нравственности ставятся в прямую связь с национальной безопасностью России.

В современных условиях политической трансформации и модернизации образования среди политиков и ученых-педагогов вновь становится популярной апелляция к традиции «русской идеи», ориентация на особый (антизападный) путь развития нашей страны. Консервативно настроенные ученые-педагоги с большим трудом меняют сложившиеся авторитарные государственно-патерналистские установки в отношении образования, сопротивляются реализации либерально-гуманистических идей. Для определенной части российской педагогической мысли характерна ориентация на усиление роли государства и церкви в сфере образования, в воспитании традиционных коллективно-религиозных ценностей. Наблюдается

абсолютизация и идеализация интеллектуально-психологических свойств русской нации, ее особой ментальности, которая могла бы стать одновременно основой исторического возрождения русского народа и построения управляемого гражданского общества в нашей стране. При этом вполне отчетливо прослеживается нежелание целенаправленно воспитывать у молодежи гражданскую культуру, развивать инициативу, активность и ответственность за дела общества. Исследования показывают, что в обществе по-прежнему доминируют идеи социального равенства и государственного патернализма, а не индивидуальной свободы и гражданской ответственности. Проводимая в последнее время образовательная политика не привела к значительному продвижению в обществе либерально-демократических ценностей, к формированию у граждан привычки к самоорганизации и самоконтролю.

Вместе с тем, несмотря на преобладающие консервативно-охранительные идеи, в современной педагогике развивается другое персоналистическое духовно-этическое течение. В конце XIX начале XX века оно нашло отражение в русской религиозной философии и персонализме (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.В. Зеньковского, И.А. Ильина, Н. Лосского, В. Соловьева, В. Розанова, П. Флоренского и др.). Сторонники персоналистической ориентации отказались от ортодоксального православного фанатизма и аскетизма, встав на позиции христианской антропологии, стремились соединить достижения отечественной культуры и гуманистической традиции православия. Теоретическим основанием образования для представителей духовно-этического направления выступала и выступает христианско-православная антропология и этика, «помноженные» на философию «русского персонализма», идеалы добра и любви, которые во многом определили реализацию принципа свободного, личностно-ориентированного воспитания в практической педагогике.

В разработке педагогической проблематики они исходили и исходят из того, что человек – всегда личность – Персона, истоки которой коренятся не в ней самой, а в бесконечном начале – Боге. Если ортодоксально-охранительное течение в русской религиозной педагогике отдавало человека во власть Богу, требуя от него смирения и безусловной покорности, то религиозно-антропологическое течение стремилось возвысить его до Бога, помочь спасению его души,

опираясь на гуманистически ориентированные ценности в их религиозной интерпретации. Особенностью антропологическо-ориентированной концепции было то, что она предлагала модель обожествления человека, которая отражала путь его движения к Богочеловеку. Персоналисты, стремясь ослабить свойственный христианской религиозной концепции догматизм, вводили в нее новое содержание, соответствующее субъективному пониманию человека [4]. Принципу идеалистического монизма и панлогизма они противопоставили идеалистический плюрализм – множественность существований, волю, личностей. Персоналисты пытались модернизировать христианские представления о человеке, обращаясь к реальным, земным проблемам человеческого существования. Согласно учению большинства религиозных ученых гуманистической ориентации воспитание должно быть направлено на преобразование внутреннего мира человека в гармонии с самим собой и окружающим миром, в духовном единении с Богом и ответственности перед ним.

Главной идеей персонализма является провозглашение человека не объектом, а субъектом свободного и творческого самосозидания, высшей духовной ценностью. По своему духу православная персоналистическая педагогика проникнута этическим и гражданским пафосом. Активность, деятельность, творческое движение от обыденности к духовному бытию человека – вот главный лейтмотив персонализма применительно к современному образованию. Основную задачу духовного воспитания персоналисты видят в нравственном самосовершенствовании личности, в обретении ею подлинной свободы, которая проявляется в стремлении к добру и совершенству.

Становление личности персоной, ее неповторимой уникальной субъективности происходит через процесс самоосознания, самопознания и самонаправления. В то же время персоналисты выступают против изолированности личности, они считают, что персонализация, творческая субъективность человека может проявляться только в процессе коммуникации, активного диалога с другими людьми. Преобразуя себя, человек преобразует окружающий мир совместно с другими людьми – в этом смысл персонализации личности.

Особенностью религиозно-философского течения, получившего развитие в трудах Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского,

В.В. Розанова и др., было то, что философы пытались использовать общественное образование для подготовки свободных людей, способных изменить к лучшему весь уклад жизни. Так, в центре размышлений Н.А. Бердяева всегда стояла проблема назначения человека, его творчества и свободы. Для него «человеческая душа есть творческий процесс, активность» [5]. Образование, по мысли философа, должно быть направлено на преодоление культурного разрыва двух миров – между Западом и Востоком, между славянофильством и западничеством, тем самым способствуя утверждению как духовной морали, так и духовного разума свободной личности, поскольку «свобода есть творческая сила человека». В условиях становления гражданского общества в России актуально высказывание Н.А. Бердяева о том, что человек как свободное духовное существо должен сделать свободным и общество. К сожалению, современному российскому обществу сегодня крайне недостает духовно свободных и ответственных личностей, осознающих свои интересы и активно выступающих за их реализацию.

Особое культурно-воспитательное значение имеют педагогические идеи представителей религиозной философии В.В. Розанова и В.Зеньковского, исходившие из целостного понимания личности, ее гуманистического предназначения. Продолжая линию приоритета духовности, известный религиозный философ В.В. Розанов в своей работе «Сумерки просвещения» (1899) говорил о человеке как о «любимце Божьем», душа которого наделена богатейшим внутренним миром, и который ожидает «извне прикосновения» [6]. Выводы, к которым он пришел, по поводу роли образования в преображении российской действительности, не потеряли своей значимости и сегодня. В.В. Розанов представил взгляд на знания, науку как духовные основы самой жизни. Суммируя взгляды философа на образование, нельзя не отметить его размышления о соотношении между формами духа и различными общественными процессами, его представления о главенствующей роли духа во всем сущем. Наблюдаемый сегодня кризис в духовной сфере во многом обусловлен потерей ценностной ориентации, что привело к разрыву образования и культуры. Отсутствие прочных духовных основ современной жизни, недостаточное внимание государственной власти к гражданскому и духовно-нравственному

воспитанию порождает в молодежной среде правовой нигилизм и нравственную распушенность.

Доминирование частных экономических интересов над общественными в современной образовательной политике, ее подчинение рыночным механизмам ведет к утрате социокультурных приоритетов в сфере образования. Новая образовательная модель ориентирована на формирование технократической культуры общества. Об этом свидетельствует то, что одним из основных показателей оценки деятельности вуза становится востребованность выпускника на рынке труда и степень его адаптации к рыночным условиям [7]. Современному отечественному образованию не хватает стремления к формированию духовной целостности человеческого существа, в процессе которого человек достигает полноты жизни в единстве всех ценностей, добываясь их гармонии. Об этом в свое время писал известный русский философ В.С. Соловьев, заслуга которого в том, что он категорически выступал против рассмотрения человека как средства для достижения каких-либо целей даже самых благих. Уникальность его религиозно-антропологических воззрений заключается в том, что он считал человека Божественным существом, который совечен и сомогущ Богу. Он подчеркивал самоценность каждой личности и ее самоцельность, рассматривая социализацию как свободное индивидуальное саморазвитие каждого человека, стремящегося к добру, которое должно стать основой развития всего человечества [8]. Роль образования он видел, прежде всего, в возможности человеку реализовать стремление к все большей полноте духовного бытия.

Задача образования, по мнению другого, не менее известного философа, педагога, религиозного деятеля В.В. Зеньковского, должна состоять в духовном развитии личности, воспитании в человеке стремления к совершенству, поиске добра через преодоление зла, через его творческое преобразование. К сожалению, современное образование не выполняет в полной мере одну из своих важных функций, о которой говорил Зеньковский, а именно: социального воспитания личности. Для успешного осуществления демократических преобразований в нашей стране необходимо активное участие в политике, в общественной жизни, прежде всего, молодых граждан. Для этого, как писал В.В. Зеньковский, следует «развивать

«вкус» к социальной деятельности, воспитывать дух солидарности, способность подыматься над личными, эгоистическими замыслами» [9]. Он говорил о социальной наследственности, об усвоении подрастающим поколением традиционных ценностей, формировании у него чувства солидарности и сотрудничества. Социальное воспитание должно развивать не только социальную активность, но и чувство долга перед своей страной, «дух братства и взаимопомощи».

Идеи христианской педагогики о воспитании духовности, высоких нравственных качеств личности – любви к ближнему, совестливости, доброты, привычки действовать сообразно православному идеалу человека имеют непреходящее значение и в наши дни. Ученые-педагоги все настойчивее ставят вопрос о приоритете в образовании духовно-нравственных начал. Речь идет о необходимости использовать все то лучшее, что накоплено отечественной философско-педагогической мыслью, для духовного возрождения России, объединения молодых россиян вокруг общечеловеческих ценностей. Задача современного воспитания видится в том, чтобы показать человеку вечные ценности (добра, справедливости) и ценности вновь появившиеся (свободы, демократии), помочь их правильно понять и синтезировать. Современное общество должно развиваться через личность человека, его моральное самосовершенствование и духовное воспитание, что ведет к гармонии личности и общества.

В то же время решение проблемы духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения должно осуществляться с учетом современности и многоконфессиональности современного российского общества, мировоззренческих и культурных особенностей семьи. В соответствии с российским законодательством запрещается установление обязательной или государственной идеологии или религии, гарантированы свобода совести и вероисповедания, равноправие граждан независимо от их отношения к религии и религиозной принадлежности. Вряд ли можно согласиться с теми политиками и учеными-педагогами, которые провозглашают христианское православное вероучение единственным руководящим принципом педагогики. Среди общечеловеческих и представителей других религиозных конфессий вызывают неприятие призывы опираться в воспитании исключительно на евангельские заповеди, а не

светскую этику. Странники атеистической педагогики не согласны строить систему воспитания на основе теологии и авторитарности, преклонения перед церковью и государственной властью как воплощением силы и господства. Такая фетишизация христианской религии и государственной власти порождает этатизм восточного типа, формирует у молодого поколения ценности патернализма, сочетающие в себе образ сильной («авторитарной») и справедливой («нравственной») политической и духовной власти.

В связи с этим видятся правомерными протесты общественных деятелей, представителей различных конфессий против попыток введения в школьную программу обязательного учебного курса «Основы православной педагогики», которое нарушает право личности на свободу вероисповедания и свободу мысли. Утверждение, что каждый россиянин должен знать православную культуру и православную историю России, «является навязыванием всему обществу идей превосходства одной культуры и одного народа над остальными» [10]. Принятие решения об обязательном преподавании культуры одной религии с неизбежностью может привести к политическому конфликту. Осуществление такой политики нарушает и закон РФ «Об образовании», который предусматривает возможность обучать детей религии в государственных и муниципальных образовательных учреждениях вне рамок образовательной программы, по просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей.

Несмотря на то, что подавляющее большинство граждан Российской Федерации являются православными или приверженцами православной культуры, необходимо приобщение учащихся к историческим и культурным основам всех традиционных религий народов России, которое должно воспитывать у них терпимость и уважение к представителям других религиозных взглядов. Следует избегать однобокого навязывания тех или иных вероучений. Важно, чтобы их трактовка носила объективный характер, без преувеличения роли какой-либо одной религии в обществе. Целью религиозного воспитания должно быть взаимное примирение и принятие религиозных различий на основе творческого диалога. Необходимо не просто разяснять те или иные постулаты веры, а ставить религиозные проблемы, скорее, как дискуссионные.

В настоящее время идет напряженный поиск оптимальной модели взаимоотноше-

ния между государством, религиозными объединениями и образованием. Очевидно, что в современных условиях, когда в стране на десятилетия была практически утрачена

живая традиция взаимодействия религиозной мысли и педагогической науки, есть необходимость обратиться к истории русской религиозной философии и практики.

-
1. Кошелева О.Е Основы православной педагогики в Древней Руси // Европейская педагогика от античности до Нового времени / О.Е. Кошелева. Ч. 1. – М.: УРАО, 1993. – С. 82.
 2. Хомяков А.С. По поводу Гумбольдта // Русская философия первой половины XIX века. / А.С. Хомяков. – М., 1987. – С. 276.
 3. Победоносцев К. П. Московский сборник // Победоносцев К. П. Соч. – СПб., 1996. – С. 371.
 4. Вдовина И.С. Буржуазная философская антропология XX века // В поисках «личностных» форм бытия / И.С. Вдовина. – М.: Наука, 1986. – С. 90.
 5. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Мир философии: Книга для чтения / Н. А. Бердяев. Ч. 2. Человек. Общество. Культура. – М.: Республика, 1991. – С. 49.
 6. Розанов В.В. О понимании / В.В. Розанов. – СПб., 1994. – С. 17.
 7. Сенашенко В.С. О концептуальных основах федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования // «Alma Mater» («Вестник высшей школы»). – 2008. – № 9. – С. 11–19.
 8. Соловьев В. С. Чтение о богочеловечестве / В.С. Соловьев. // Сочинения в 2 т. – М., 1989. Т. 2. – С. 87.
 9. Зеньковский В.В. Социальное воспитание / В.В.Зеньковский. – Екатеринбург, 1995. – С. 298.
 10. Религиозное образование в школах должно быть факультативным [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://portal-credo.ru/site/>

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА В ЮЖНО-УРАЛЬСКОМ ГОРОДЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. [1]

УДК 94(47).084

А. Р. ТАТАРКИНА

Усиление модернизационных процессов во второй половине XIX – начале XX вв. изменили не только городскую среду, но и актуализировали такие проблемы, как благоустройство, организация культурного отдыха горожан. Общей тенденцией российского и южно-уральского города этого времени является рост численности населения, который происходил за счет активных экономических сдвигов и миграционных потоков. Увеличение численности привело не только к расширению масштабности города, но и к таким немаловажным проблемам, как: проблема занятости, жилищное строительство, формирование досугового пространства.

Изначально досуг означал «незанятое время, гулянки, гулячая пора, простор от дела» [2]. В советское время досуг фиксировался как «часть нерабочего времени, которое остается у человека после исполнения непреложных производственных обязанностей» [3]. Таким образом, досуг – это время, заполненное свободным времяпрепровождением. Следовательно, возникает вопрос: как расходовать это свободное время? Человечество на сегодняшний день решает этот вопрос двумя путями: по-эпикурейски, живя в удовольствие и ради удовольствия, или, используя свободное время, чтобы «кое в чем воспитаться, кое-чему учиться» [4]. Можно предположить, что благодаря досугу появились все известные искусства.

Определяющим признаком досуга является его игровая природа. Игра как вид человеческой деятельности – не просто попытка человека уйти по другую сторону официального мира, но и, по мнению нидерландского культуролога И. Хейзинга, основа всей культурной практики человечества: «...если проанализировать любую человеческую деятельность до самых пределов нашего познания, она покажется не более чем игрой... Человеческая культура возникает и развертывается в игре, как игра» [5]. Поэтому для Хейзинга человек не просто носитель

разума, а «человек играющий» (Homo Ludens).

Отголоски игры можно обнаружить в так называемых обрядово-зрелищных действиях (ритуальные празднества, сакральные культуры), корни которых уходят в первобытное прошлое. Главные составляющие этих форм, по мнению М. Бахтина, – театральность и празднество [6]. Однако праздник и театр нельзя выводить из практической деятельности или из биологической потребности человека в отдыхе. Это идеальная конструкция, «очищенная» от противоречий реальной жизни. В свою очередь досуг как возможность ухода от проблем повседневности – это уже состояние праздника. Потому празднество не только «форма художественной деятельности», но и раскрепощение психики, снятие внутреннего напряжения, замена повседневной деятельности [7]. Итак, досуг сочетает в своей основе игру и праздник.

В свете урбанистики досуг определяется как необходимая составляющая городского хозяйства. Культуролог Э.В. Соколов проводит водораздел между досугом горожанина и сельского жителя. Принципиальное отличие заключается в том, что в городе свободное время «не только гарантируется, но и вменяется в обязанность... Городская среда обычно исключает возможность какой-либо произвольной, специально не предусмотренной деятельности. В городе почти всё пространство освоено... проблема индивидуального творческого досуга не всегда легко решается» [8]. Другим отличием проведения досуга в городе является его четкая дифференциация, поскольку «творческий активный досуг в городе требует специальной подготовки, развития духовных потребностей, которые не у всякого есть. Среднему малообразованному человеку город навязывает стандартизированный массовый досуг» [9]. На селе свободное время поглощалось трудом в домашнем хозяйстве и т.д.

По мнению Б. Смагина, возникновение

досуга было обусловлено городским образом жизни. «Разделение и кооперирование труда, формирование института обслуживания, а также специфически городских форм общения – одна из главных причин, приведших к появлению у горожанина свободного времени и досуга» [10], а следовательно, и появлению специальных зон отдыха (библиотеки, театры, филармонии, музеи, парки, клубы и т.д.). Вообще досуг – порождение специфически городского образа жизни, традиция времяпрепровождения, возникающая почти одновременно с городом.

Для человека конца XX века «убить» свободное время не такая уж сложная задача. Для этого современная цивилизация породила индустрию массовых развлечений, начиная с ТВ и заканчивая виртуальными играми. Зарождение индустрии развлечений условно можно отнести к концу XIX века с появлением массовой культуры. Досуг выходит за рамки частного мероприятия и становится делом профессионалов, специально подготовленных и обученных. Доступность, непритязательность, массовость – типичные и непеременные атрибуты массовой культуры – автоматически перекочевали в сферу досуговой деятельности. А.В. Кукаркин считает, что «Подлинная её история начинается на рубеже нашего столетия. И именно тогда окончательно дискредитируются попытки отождествления понятий «массовости», «популярности» и «развлекательности»... т.к. развлечение, отвлечение и, наконец, самообман оказывается необходимым заменить формулой активного воздействия: через развлечение и тотальный обман» [11]. То есть наступление массовой культуры началось через проникновение в сферу досуговой деятельности. Объектом манипуляций стали развлечения. Ученые констатируют, что теперь на место человека разумного приходит человек потребляющий, на место человека производящего – человек играющий [12]. Современные культурологические концепции как одну из причин появления массовой культуры выделяют увеличение времени досуга и затрат на досуг в бюджете семьи [13].

Определяющими факторами досуга стали урбанизация, СМИ, социально-экономический прогресс. Если раньше досуг был способом реализации потребности человека в отдыхе, общении, релаксации, то с XIX века он превращается в профессию, бизнес. Отдых людей начинает приносить неплохие деньги.

Итак, на рубеже XIX–XX веков происходит коммерциализация досуга, вовлече-

ние его в сферу рыночных отношений. В свою очередь это порождает некоторый демократизм в формах проведения свободного времени, исчезают сословные, классовые различия. На первое место выходят материальные, образовательные критерии. Балы, маскарады, доступные ранее только высшему обществу, теперь открыты для широкой публики. С другой стороны, чем ниже уровень духовных притязаний человека, тем примитивнее отдых. Поэтому в буржуазном городе рубежа веков существовала огромная разница между центром и окраинами (слободами) в проведении досуга.

Яркими приметами досуговой жизни городов стали клубы, рестораны, проводившие вечера с танцами, оркестром, розыгрышами. В конце XIX века уральские и российские города захлестнула так называемая «шантанная культура» [14]. В Россию развлекательные «вокзалы» проникли в начале XIX в. Термин «вокзал» («воксал») представляет собой искаженное английское слово «Воксхолл»: так именовался парк близ Лондона, славившийся разнообразными увеселениями и празднествами. С той поры все развлекательные учреждения в России назывались «вокзалами». На Южном Урале первой пробой пера стал «Вокзал Белова» в Оренбурге. В 1874 году предприимчивый купец Антон Каретников построил на берегу реки Урал «Вокзал», представлявшее собой помещение, в котором играл оркестр и располагался буфет [15]. Вскоре права перешли купцу Александру Белову, который продлил с управой договор на 25 лет, построил на каменном фундаменте зал с рестораном и назвал его «Вокзал Белова». В договоре отмечалось, что «в вокзале и на арендуемой местности Белов имеет право устраивать спектакли, вечера, маскарады, буфеты, рестораны, бильярды, катки, кегли, купальни и другие увеселения для публики без всякой арендной платы в доход города» [16]. Купец ежегодно производил ремонт пешеходного мостика через реку Урал, следил за состоянием Зауральной рощи. И хотя расходы Белова были большими – одно строительство здания «вокзала» обошлось ему в 75 тыс. рублей [17] – доходы тоже были не маленькими. Особенно, учитывая то обстоятельство, что это было единственное официальное место гуляний городской публики. Довольно любопытного содержания были рекламные объявления, например, афиша 1888 г.: «С дозволения начальства с четверга и ежедневно 16, 17, 18, 19 февраля в вокзале Белова на берегу р. Урал

имеют быть танцевальные вечера. За вход платят мужчины – 50 коп. Дамы бесплатно. Начало музыки и танцев в 9 часов вечера. Окончание в 2 часа» [18].

Подобное развлекательное учреждение находилось под внимательным присмотром силовых органов. Оренбургский полицмейстер регулярно получал рапорты о функционировании «вокзала», о поведении «гулячей» публики. Большинство этих рапортов носили отрицательный характер: «вокзал Белова посещается лицами преимущественно низшего класса, а также женщинами, которые занимаются явной и тайной проституцией, что эти лица ведут себя в маскарадах более чем неприлично. Дозволяют себя неблагопристойные песни, пьянство и бесчинства». Некоторые благопристойные горожане сообщали в полицию, что «вокзал» превратился «в капище идольских богов, оглашаемые жидовскими песнями и маскарадными плясками... одним словом... в вертеп разных оргий» [19].

Шантаны привлекали, как правило, зажиточную публику – купцов, коммерсантов, банкиров, поэтому возникали в крупных торгово-промышленных городах. Например, в Челябинске кафешантан располагался на берегу р. Миасс. Это был ресторан «Россия» П.М. Ожимкова. При ресторане находились две сцены (одна открытая), мужской и женский хоры, балалаечники и т.д. [20]. Шантан имел не очень хорошую репутацию, современники его называли «знамением цивилизации с изнанки». Чаще всего этот «эдем» посещали коммерсанты, купцы в окружении «рабынь веселья» [21].

В Троицке таким увеселительным местом был ресторан и гостиница купца Башкирова. В дневное время гостиница выполняла свои непосредственные функции, а ночью превращалась в «дом свиданий» [22].

Изначально ориентированный на низменные инстинкты человека шантан вызывал тревогу у добропорядочных горожан. Во-первых, в шантанах была легализована продажа спиртных напитков до поздней ночи. Во-вторых, непременным атрибутом заведений были проститутки. В-третьих, городские власти закрывали глаза на эти бесчинства и не принимали мер для организации новых форм отдыха в городе. Обратную сторону шантанов критиковали журналисты. В газете «Оренбургская жизнь» была опубликована статья «Шантанная культура», в которой неизвестный автор Д.С. отмечал, что «для господ гласных, вотировавших на заседании

думы 8 января (1914 г.) за шантан, быть может, действительно, приятнее, спокойнее и выгоднее закрыть двери Тополевого сада и устроить там шантан, приятнее, глядишь, изредка тебя и пощекочать какой-нибудь пикантной штучкой. Выгоднее – более 4000 рублей за одно только электричество попадает в городскую казну, а не из неё...» [23]. А проблему проституции городские власти решали очень просто: запрещали дамам танцевать в таких учреждениях без масок! [24]

Конечно, это возмущение оправдывало себя, с одной стороны, бесчинствами в шантанах, с другой – отсутствием альтернативы. К сожалению, общественных мест для гуляний в городах было очень мало. Парки, сады находились в плачевном состоянии. Отсутствие зелени, насаждений, беседок и прочих специальных зон для отдыха – беда не только уральских городов, но и любого города России и Европы конца XIX – начала XX веков. Одной из причин были быстрые темпы роста численности городского населения, власти просто не успевали наводить порядок и заниматься благоустройством. Хаотичная застройка, дороговизна земли зачастую приводили к тому, что на улицах уплотняли строительство, выжимали сколько-нибудь значительный доход из любого участка земли. Челябинск, например, «поражал приезжего почти полным отсутствием в городе садов и вообще зелени» [25]. В городе было всего три сада: Пушкинский (ныне бульвар Славы), сад Общественного клуба (между городом и вокзалом) и сад пожарного общества (остров р. Миасс) [26].

В Оренбурге лесная комиссия в 1912 году отмечала, что «городские сады имеют совершенно запущенный вид: масса насаждений погибла давно и не заменена новыми, дорожки и аллеи с выбоинами, заросли горной травой, трава на лужайках и между насаждениями покрыта пылью, дорожки недостаточно подметаются...» [27]. Общее число садов в губернском городе достигало 10 [28] самыми благоустроенными и популярными считались Тополевый, Александровский скверы и городской бульвар. В садах работали рестораны, павильоны с прохладительными напитками, по вечерам играли оркестры. Сады освещались электричеством [29]. В Уфе, по данным «Справочной книги на 1911 год», было три общественных сада: Видинеева, на Случевской горе и Ушаковский парк [30]. Чаще всего общедоступные сады и парки существовали за счёт устройства в них питейных заведений.

Новой формой проведения свободного времени стали клубы. Несмотря на наличие в Челябинске 2 клубов (городской и железнодорожной), разнообразия в досуговую жизнь они вносили мало. Члены клуба либо танцевали, либо были заняты игрой в карты. Эти заведения находились под защитой вооруженной охраны на случай беспорядков и ограбления. В 1904 году 5–6 предприимчивых вооруженных граждан в классической манере дикого Запада ворвались в клуб, отняли у игроков все деньги и опустошили кассу. Вообще челябинцы без револьверов в развлекательные места и просто на улицу не выходили. По числу преступлений в 1907 году город вышел на первое место в губернии. Это объяснялось наличием распределительного пункта для ссыльных (в основном уголовных), а также из-за чрезмерного употребления спиртного.

Проблему пьянства можно отнести к разряду вечных. Особенно остро она стояла в малых уездных городах. В сборнике постановлений Стерлитамакского уездного земства в 1916 г. отмечалось: «темный, безграмотный народ не знает и не видит никаких развлечений и свой досуг, горе и радости топит в водке, разрушая свое здоровье, хозяйство и семейный уклад жизни» [31]. В России с 1895 по 1905 г. потребление спиртного на душу населения увеличилось на 56,7%. Продажа спиртного приносила городу громадные суммы. Так, например, журналист Виктор Весновский подсчитал, что в 1908 г. в Челябинске только из городских казенных винных лавок было продано вина на сумму 402.576 руб. [32].

Какие же меры принимали городские власти для ограждения населения от чрезмерного употребления спиртного? С одной стороны, питейные заведения давали городу стабильную статью дохода. С другой стороны, просто закрыть глаза на ситуацию власти тоже не могли. Такое положение дел демонстрирует дореволюционная пресса: «Сама жизнь города своими резкими контрастами обостряет чувства населения: с одной стороны – яркое освещение, магазины с дорогими и роскошными выставками, кинематографом, рестораны, автомобили, мостовые, с другой стороны – неуютные холодные квартиры, недостаток в пище, одежде, полный мрак улиц, отсутствие каких-либо развлечений, кроме пивных, непролазная грязь, грабеж и убийства» [33]. Альтернативной мерой стали государственные Комитеты попечительства народной трезвости, целью которых было ограждение населения от

злоупотребления спиртного. Комитеты развернули свою деятельность во всех населенных пунктах России. В каждом уездном и губернском городе Комитет располагался в созданном им же Народном доме. В нем организовывались библиотека, чайная, зрительный зал для спектаклей и «туманных картин», проводились танцевальные и музыкальные вечера. Все средства на устройство мероприятий шли из казны и частных пожертвований.

Но денег для поддержки благотворительных мероприятий было недостаточно. Здания были непригодны и нуждались в ремонте. Более всего удавались беседы с «туманными картинами», наименее – чайные, которые посещали приезжие ради дешевого чая. Несмотря на эти трудности, Комитеты действовали и пытались занять свободное время горожан.

Обратимся к наиболее распространенным формам проведения досуга. Согласно статистическим данным отчетов Челябинской городской управы традиционными развлечениями были: питейные заведения, ярмарки, конские бега, каток, купальни, увеселительные зрелища. Т.е. досуг носил развлекательный характер. Финансовые вливания на устройство того или иного вида отдыха дают нам представление об иерархии развлечений. На первом месте стояли увеселения в кабаках (45, 5%) и на ярмарках (47, 1%), остальные развлечения не превышают 4%. Общее количество доходов городской казны за счет досуговой сферы составило 62.497 руб. Практически все эти средства (88,1%) шли на благоустройство города, причем с 1908 года в смете расходов городской управы даже появляется отдельная статья – «дополнительное благоустройство города» [34]. Также любимыми развлечениями оставались традиционные гуляния на Масленицу и Пасху и официальные, устраиваемые по случаю разнообразных юбилеев: 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина (1899 год), 10-летия посещения Оренбурга императором Николаем II (1901 год), 100-летия Бородинской битвы и Отечественной войны 1812 года (1910–1911 года) и т.д.

Совершенно иным был досуг на окраинах городов («слободках»), где проживали чернорабочие и мещане-земледельцы. По воскресным и праздничным дням здесь происходили кулачные бои, «стенка на стенку» и пр. И в редкий праздник в городскую больницу не поступали «слободские» с проломленной головой, переломами или ножом в

животе, что означало как «развлеклась» окраина на выходных.

Очень успешно действовали в городах любительские спектакли, благотворительные концерты, танцы и лотереи. Учредителями этих мероприятий были разного рода благотворительные общества, школы, училища, чтобы собрать денег для «вспомоществования» бедным студентам и учащимся или просто финансово поддержать себя.

Таким образом, важнейшими проблемами городов было планирование специальных досуговых зон и статей бюджета, направленных на организацию культурного отдыха горожан. Насущной заботой стало финансирование развивающего досуга (устройство библиотек, театров, народных аудиторий). Город рубежа XIX–XX веков решал эту проблему соразмерно своим финансовым возможностям, чаще всего отдавая в своей политике предпочтение коммерче-

ским интересам. Особенностью эпохи было зарождение и формирование новых форм проведения свободного времени (клубы, кинематограф и др.), получившие свое развитие в будущем XX веке. Большое значение в жизни города имели инициативы местной интеллигенции, содействовавшей подъему культуры населения. В целом, несмотря на негативные явления городской повседневности, досуговая сфера внесла достаточно много позитивных моментов в обыденную жизнь провинции. Во-первых, стремление провинциальных городов соответствовать уровню столицы не только по экономическим показателям, но и по культурным. Во-вторых, досуговая сфера стремительно стирала социальные различия, порождала своеобразный демократизм в проведении свободного времени, выдвигая на первое место индивидуальные духовные запросы.

1. Статья написана при поддержке гранта РГНФ №07-01-85109 а/У
2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М., 1989. – Т. 1. – С. 481.
3. Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – М., 1980. – С. 414.
4. Хейзинга, И. Homo Ludens / И.Хейзинга. – М., 1992. – С. 183.
5. Там же. – С. 7.
6. Бахтин, М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.Бахтин. – М., 1965. – С. 11.
7. Немиро, О.В. Праздничный город. Искусство оформления праздников. История и современность / О.В.Немиро. – Л., 1987. – С. 13.
8. Соколов, Э.В. Город глазами культуролога / Э.В.Соколов // Город и культура. – СПб., 1992. – С. 13.
9. Там же. – С. 14.
10. Смагин, Б.А. Социокультурная городская среда и развитие личности / Б.А.Смагин // Город и культура. – СПб, 1992. – С. 36.
11. Кукаркин, А.В. Буржуазная массовая культура / А.В.Кукаркин. – М., 1985. – С. 28.
12. Культурология. Теория и история культуры. – М., 1996. – С. 60.
13. Введение в культурологию / отв. ред. Е.В. Попов. – М., 1996. – С. 63.
14. Шантан (кафешантан) – ресторан или кафе, где выступают артисты, исполняющие песенки и танцы развлекательного, часто фривольного характера // Современный словарь иностранных слов. – М., 1992. – С. 271.
15. ГАОО, ф. 41, оп.1, д. 933, л.1.
16. ГАОО, ф. 41, оп. 1, д. 933, лл. 206–206 об.
17. Там же. – л. 517 об.
18. ГАОО, ф. 10, оп. 1, д. 66, л. 26.
19. ГАОО, ф. 10, оп. 1, д. 66, л. 16.
20. Весновский, В.А. Весь Челябинск и его окрестности / В.А.Весновский // Дореволюционный Челябинск в слове современников. – Челябинск, 1997. – С. 68.
21. Нечаева, А.М. Челябинские впечатления / А.М.Нечаева // Дореволюционный Челябинск в слове современников. – Челябинск, 1997. – С. 224.
22. Скобелкин, Е., Шамсутдинов, И. Возвращаясь к прошлому / Е.Скобелкин, И.Шамсутдинов. – Троицк, 1993.
23. Оренбургская жизнь. – 1914. – № 11 (26). – С. 2.
24. ГАОО, ф. 10, оп. 1, д. 66, л. 31.
25. Путеводитель по Уралу (Изд. в г. Чекан, 1902г.) // Дореволюционный Челябинск в слове современников. – С. 262.
26. Весновский, В.А. Указ соч.– С. 68.
27. ГАОО, ф. 41, оп. 1, д. 1412, л.1.
28. Там же. – лл. 1–2.
29. Райский, П.Д. Путеводитель по Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом / П.Д.Райский. – Оренбург, 1915. – С. 173.
30. Справочная книга Уфы на 1911г. – Уфа, 1911. – С. 243.
31. Арсланов, Г.М. Стерлитамак / Г.М. Арсланов. – Уфа, 1984. – С. 8.
32. Весновский, В.А. Указ соч. – С. 57.
33. Оренбургская жизнь. – 1913. – № 14. – С. 2
34. Отчеты Челябинской городской управы о приходе и расходе сумм, городу принадлежащих за: 1895, 1907, 1910. – Челябинск, 1896, 1908, 1911 г. (Подсчеты автора).

ОРГАНИЗАЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ В РОССИИ

УДК 947.07

Г. С. СМЕРНОВ, С. С. СМЕРНОВ

Причины и законодательные основы генерального межевания в России были рассмотрены авторами в предыдущей статье [1].

Непосредственная подготовка к самому межеванию, «екатерининскому», началась с реорганизации межевых учреждений. Неудача предыдущего, «елизаветинского» государственного межевания рассматривалась новой властью, прежде всего, как следствие их плохой работы. Поэтому указом 16 октября 1762 г. была упразднена Главная межевая канцелярия, в следующем году та же участь постигла Московскую межевую канцелярию, а их дела переданы в Вотчинную коллегию.

В сентябре 1765 г. был подготовлен доклад Межевой комиссии о том, где, каких и сколько следует создать межевых учреждений, определялись их штаты, оклады и прочее. Было предложено для пробы первоначально размежевать один Московский уезд, затем, в случае успеха, оставшиеся 14 уездов Московской провинции. На это мероприятие планировалось затратить один год. С 1667 г., с учетом опыта межевания Московской провинции, межевать остальные территории. Для межевания Московской губернии предлагалось учредить, для начала, губернскую межевую канцелярию и две провинциальные межевые конторы. Комиссия предложила также, исходя из чрезвычайной серьезности мероприятия, создать специальную Межевую экспедицию при Сенате с правом, минуя Сенат, обращаться прямо к императрице, а Межевую комиссию, как выполнившую свою задачу разработки основ межевой политики, ликвидировать [2].

Вскоре были учреждены Межевая экспедиция при Сенате, Межевая канцелярия в Москве (в новом составе), межевые конторы в ряде губерний, где предполагалось начать работы в первую очередь. В экспедицию вошли большей частью бывшие члены комиссии, в том числе генерал П. Панин, генерал-поручики Н. Муравьев и князь А. Козловский, генерал-квартирмейстер князь А. Вяземский [3]. При экспедиции для окончательного свидетельства по апелляциям планов и для производства экзаменов желающих поступить на должность землемера

была открыта особая чертежная. В 1794 г. Межевая экспедиция была преобразована в Межевой департамент – высшую (третью) инстанцию межевого суда. В 1793 г. вследствие расширения фронта работ в помощь Межевой экспедиции была создана Главная межевая канцелярия (с 1836 г. Межевой корпус), в состав которой вошли чертежная, писцовый и чертежный архивы. На основании архивных документов можно было принимать решения по спорным и владельческим делам. В частности, хранились документы по специальному (коштному) межеванию [4].

Для разбирательства по спорам земле-владельцев, имевших на свои земли крепостные документы, а также «для наблюдения и исполнения всего межевания» в каждой губернии на период её генерального межевания создавалась межевая канцелярия и на каждые две-три провинции – по подчиненной ей провинциальной межевой конторе. В задачу конторы входило рассмотрение апелляций на действия землемеров.

Таким образом, создавались три инстанции по рассмотрению апелляционных дел – контора, канцелярия и экспедиция. Указ подчеркивал, что в компетенцию межевых канцелярий и контор входит только рассмотрение вопросов, связанных с определением границ земельных дач, но никак не прав на владение недвижимыми имениями. Если же планы и межевые книги на земли в ходе межевания уже были составлены и выданы, то и сами споры о границах дач следовало рассматривать в гражданских судах [5].

По завершении генерального межевания в одних губерниях межевые канцелярии и конторы переводились в другие, «пока империя размежевана не будет» [6]. Всего была открыта 31 межевая контора. По мере завершения межевания они ликвидировались. В 1842 г. была закрыта последняя из них – Оренбургская.

Были разработаны документы, служившие практическим руководством для осуществления межевания: «Инструкция для землемеров» от 13 февраля 1766 г., «Инструкция для межевых канцелярий и контор» от 25 мая 1766, «Наставление землемерам к технической

части межевания» – июнь 1766. Важнейшим из них являлась инструкция для межевых канцелярий и контор, так как она, во-первых, включала в себя в более широком и подробном варианте инструкцию землемерам, а во-вторых, именно она стала главным источником более поздних межевых законов, просуществовавших вплоть до 1917 года [7].

Непосредственно межеванием земельных дач занимались межевые партии, состоявшие из двух землемеров (старшего и младшего – геодезиста), трех канцелярских служителей, военной команды численностью в 10 человек, 12 понятых [8].

Устанавливался строго определенный порядок межевого производства. Перед началом межевания землемер предлагал владельцу (владельцам) дачи представить «отводную сказку» – в ней указывались необходимые сведения о самой даче, а также название смежных дач и имена их владельцев, на основании которой владельцам смежных дач рассылались повестки о явке к месту межевания. В ходе самого процесса межевания первый (старший) землемер обходил окружную межу, а геодезист промерял параллельные линии, производил съемку внутренней ситуации. Начинали межу от заметных ориентиров (урочищ) – рек, речек, оврагов, болот и т.д.

Все свои действия землемер записывал в дневном журнале, а в ходе самого межевания вел еще и полевой журнал (полевые записки), на основе которого затем составлялись планы дач и межевые книги. Поэтому полевые записки в случае споров и претензий к планам рассматривались в качестве первоначальных основных межевых документов.

Однако известный специалист, автор практического руководства по межеванию С.П. Кавелин, писал, что на деле первичная межевая документация и планы составлялись с грубыми нарушениями инструкции. Это утверждение основано на рассмотрении подлинников межевых документов, хранившихся в писцовом архиве Межевой канцелярии. В частности, он утверждал, что эти «полевые записки изготовлялись камеральным путем по готовым планам и зачастую плохо, с пропусками целых линий и их мер, в них углы астролябические часто грубо не соответствовали углам румбическим. Видимо, на практике землемеры свои полевые работы производили с карандашом в руках и по карандашным абрисам «сочиняли» планы, а по планам составляли полевой журнал. Поэтому часто приходилось исправлять не планы по полевым запискам, а наоборот. Видимо, контроля за

действиями землемеров не было даже по бумагам» [9].

Сенатским указом 1766 г. землемерам генерального межевания предписывалось вести еще и особые экономические журналы, где обозначать: населенные пункты, численность проживающего в них населения (ревизских душ), их промыслы, качество земли и способы ее обработки, систему хозяйствования (барщинная или оброчная), наличие в округе судоходных рек, скотопрогонных дорог, почтовых и коммерческих трактов, мельниц, фабрик, заводов и все прочее, что может представлять интерес для истории или географии России.

Генеральное межевание началось в 1766 г. в Московской и закончилось в 1888 г. в Пермской губ. За эти 122 года была выделена и обмежевана 210961 генеральная дача площадью в 274 млн десятин, или 1/8 часть всей территории России. Мероприятие не проводилось в Сибири и на Дальнем Востоке, а также в ряде окраинных территорий, где отсутствовало помещичье землевладение.

Между тем генеральное межевание не было самодостаточным мероприятием. В ходе его осуществления выявлялись большие массивы спорных и чересполосных участков, требовавших специального разбирательства, напрямую не связанного с процессом размежевания.

По данным П.И.Иванова, в 33-х обмежеванных губерниях европейской России было выделено 185007 дач общей площадью 228,5 млн десятин. Из них в единственном владении 102597 (175,7 млн дес.), а в общем и чересполосном – 82410 (52,8 млн дес.). Главная причина такого положения состояла в запутанности земельных отношений, давности землевладения, отсутствии документов на право собственности на землю, не позволявших провести точные границы. Во избежание срыва всего мероприятия сомнительные и спорные участки межевались отдельно с тем, чтобы в дальнейшем разделить их путем внутреннего (специального) межевания, которое должно было проводиться местными землемерами с согласия владельцев («полюбовно») и за их «кошт». Однако добиться общего «полюбовного развода» даже в европейских губерниях так и не удалось: 44,5% генеральных дач (23,1% земли) оставались в совместном владении, несмотря на поощрительные и карательные меры, предпринимавшиеся государством. Из помещичьих дач в общем владении абсолютное большинство находилось с помещиками же: 75312 дач (39,3 млн десятин). С государственными крестьянами и

приравненными к ним категориями населения совместно владели 6847 помещиков (12,65 млн дес.), с крестьянами удельного ведомства – 251 (8,8 млн дес.) [10].

Таким образом, в 91,4% случаев совладельцами помещичьих дач были помещики же. Это объясняется, прежде всего, тем, что в европейской части именно они являлись основными владельцами, а также и тем, что, будучи привилегированными собственниками, они легко выигрывали земельные споры с представителями других сословий.

С конца 1830-х годов (когда генеральное межевание уже подходило к концу) в правительстве было принято решение форсировать затянувшийся процесс специального размежевания, без чего само грандиозное мероприятие в значительной мере теряло смысл. В 1836 г. специальное размежевание было объявлено делом чрезвычайной государственной важности. Согласие на него землевладельцев поощрялось, а несогласие могло повлечь крупные неприятности. Поскольку и этот указ не произвел желаемого эффекта, последовали два новых, в которых уже содержалась откровенная угроза тем землевладельцам, кто продолжал уклоняться от специального межевания: «Полюбовное соглашение как наиболее удобное средство к достижению цели, правительством указанной в мнении Государственного совета высочайше утвержденного 8 января 1836 г. [11], зависит от воли каждого из владельцев, но уклонение от сей цели будет иметь последствием все те меры строгости, которые правительство в необходимости будет принять к побудительному размежеванию», – подчеркивалось в указах от 1 ноября 1838 и 21 июня 1839 г. [12].

Вместе с тем, с целью установления единого порядка специального межевания и его стимулирования указами от 21 июня 1839 и 27 мая 1841 г. во всех губернских городах создавались посреднические комиссии под председательством губернских предводителей дворянства. В их состав входили уездные предводители дворянства, а также депутаты из числа зажиточных жителей губернского города и губернской землемеры. Губернский предводитель мог приглашать в комиссию других дворян и иных лиц по своему усмотрению. Не возбранялось и Министерству юстиции включать в неё по несколько землемеров межевого корпуса, если такая возможность имела. Для ведения делопроизводства комиссия нанимала писмоводителя и несколько писцов, но сами её члены жалования не получали.

Кроме того, в каждом уездном городе в

качестве постоянного ходатая по вопросам специального межевания уездные дворяне выбирали из числа местных помещиков одного или несколько посредников [13].

Таким образом, вопросы организации специального межевания на местах теперь передавались в руки помещиков-землевладельцев.

Правда, при размежевании чересполосных дач с казной или государственными крестьянами губернская палата государственных имуществ должна была назначать уполномоченных чиновников. Однако их роль сводилась не к защите интересов казны или крестьян, а лишь к содействию посреднику в успешном окончании дела «всеми доступными им способами».

После этого процесс специального размежевания несколько ускорился, но, тем не менее, в ряде районов страны он не был завершен даже к 1917 г.

Итак, специальное межевание являлось составной частью и логическим продолжением генерального. Технологически и хронологически оно следовало за ним, доделывая то, что последнее только наметило вчерне. Несмотря на тесную связь, оба межевания проводились раздельно и на основании разных законодательных принципов: генеральное – в обязательном порядке и бесплатно, специальное добровольно и за счет владельцев. Объясняется это, во-первых, особенностями самой технологии межевания, при которой собственник спорного участка не мог быть определен без предварительного измерения всей межуемой и смежной с ней земли. Во-вторых, к внутреннему размежеванию требовалась предварительная подготовка: психологическая, нормативно-правовая, техническая, финансовая. В частности, требовался дополнительный корпус землемеров. Добровольный характер специального межевания потребовал также создания особых органов, не характерных для других типов межевания: посреднических комиссий и института межевых посредников. Посреднические функции отчасти выполняли и уездные землемеры, осуществившие специальное межевание.

Поэтому нельзя согласиться с утверждением С.П. Кавелина, что наложение границ по дачам, на основании полюбовного развода самих владельцев, а не по владениям и крепостям сводило роль генерального межевания к простой геодезической съемке, следы которой закреплялись на месте межевыми знаками. Простая съемка не привела бы к столь существенному перераспределе-

нию земельной собственности и не повлияла бы так заметно на земельные отношения в России. Не привела бы она и к такой разнице в темпах межевания центральных (помещичьих) губерний и окраин. Если на межевание каждой из 22 центральных губерний ушло от 2 до 17 лет, то в Вятской оно длилось 21 год, в Симбирской – 24, в Пермской и Новороссийской – 32, в Саратовской – 38, в Оренбургской – 45 лет. Анализ показывает, что различие в сроках межевания зависело не столько от площади губернии, сколько от характера преобладавшего в ней землевладения.

Наряду с генеральным и специальным межеваниями осуществлялся ряд межеваний частных. Имея самостоятельные задачи и самостоятельное значение, они, тем не менее, были тесно связаны с генеральным, как технически (процесс межевания регулировался указанными выше инструкциями и наставлением и, как правило, его результаты признавались наравне с результатами генерального), так и в смысле общей земельной политики государства.

Еще в 1764 г. вышел указ о выделении земель для поселения иностранных колонистов. Это межевание получило название «опекунского». Расселение иностранцев производилось на окраинах империи, в основном в низовых губерниях. Им нарезалось из незаселенных казенных земель по 30 десятин удобных угодий на семью. Наследником такого участка становился младший сын, чтобы старшие учились какому-нибудь ремеслу, а хозяйство не дробилось [14].

15 июня 1766 г. был издан указ Межевой экспедиции о правилах особых межеваний [15]. «Особыми» называли те виды межевания, которые производились по правилам, отличным от правил генерального межевания. На Южном Урале наиболее значительным из них являлось внутреннее размежевание башкирских дач. По правилам генерального межевания собственно башкирские земли отмежевывались от припущенников лишь при отсутствии споров или, если припущенники имели крепостные документы на свои участки. В противном случае земли тех и других попадали в одну окружную межу впредь до особых распоряжений. Генеральным межеванием было выделено башкирских дач: в Уфимской губ. 87 (6,9 млн дес.), Оренбургской – 27 (4,9 млн дес.), Пермской – 12 (1,5 млн дес.), Самарской – 7 (432733 дес.), Вятской – 2 (30910 дес.). Всего – 135 дач (13857866 дес.). Впервые правила осо-

бого межевания башкирских дач были изданы в 1832 г. Согласно им жители всех деревень, поселившихся на башкирских землях более чем за 70 лет до этого, получали занятые земли во владение и освобождались от всяких оброчных обязательств по отношению к вотчинникам. Размер надела для государственных крестьян не должен был превышать 15 дес., для мещеряков и тептярей – 30 дес. на душу по 7 рев. При этом у вотчинников должно было оставаться не менее 40 дес. на рев. душу по 7-й или не менее 15 дес. по 10-й ревизии. В противном случае выделенный припущеннику надел пропорционально уменьшался.

Руководство процессом особого межевания сначала было возложено на Оренбургскую казенную палату, затем на Оренбургскую палату государственных имуществ, а затем на особую губернскую межевую комиссию в Уфе, переведенную в 1836 в Оренбург. С 1869 на основании новых правил и дополнений к ним размежевание было возложено на местные учреждения по крестьянским делам. Но продвигалось оно медленно. К 1915 г. оставался еще 1 млн десятин, не размежеванных по причине споров.

«Особым» можно считать и межевание дач горных заводов и фабрик. Ему посвящены ряд отдельных статей межевой инструкции 25 мая 1766 г. статьи дополнительных указов о размежевании уральских, особенно Пермской, губерний, а также самостоятельные нормативные акты. В «Своде законов гражданских и межевых» 1842 г. этому межеванию посвящена целая глава «О межевании горных заводов и фабрик». Объясняется такое внимание как особенностью самих горнозаводских дач, для которых некоторые угодья (например, рудники, лесосеки, пристани, подъездные пути) имели жизненно важное значение, так и особенностью землевладения и землепользования на территории дач. Например, огромные массивы заводских лесов находились в резерве и не использовались для производственных нужд, и многие заводские и приписные крестьяне пользовались ими для заготовки дров, строительства домов и в качестве сенокосов. Разделить владельцев в этом случае было весьма затруднительно.

Земли казачьих войск межевались на основании особых инструкций и положений, также имевших мало общего с инструкцией 1766 г. Межевание этих земель, за исключением Кубанской и Терской областей, никак не было связано с деятельностью гражданских межевых

учреждений, а находилось в ведении военного министерства и регулировалось статьями, позднее вошедшими в «Свод военных постановлений» [16]. Однако в техническом отношении оно проводилось по правилам генерального межевания.

Несомненно, что центральной фигурой межевого производства являлся землемер. Именно от его профессиональных качеств, в первую очередь, зависела реализация всего проекта. Следовательно, подбор и подготовка землемеров являлась одной из важнейших организационных задач межевания.

Если в начале генерального межевания основная нагрузка падала на землемеров межевых контор и межевой канцелярии (т.н. генеральных землемеров), то по мере расширения географии работ и, особенно, с переходом к специальному размежеванию главным действующим лицом становился уездный землемер. Именно на него возлагалась обязанность по разрешению спорных вопросов о прохождении границ между владениями, об утверждении полюбовных разводов и вообще всех границ, возникших в результате коштного межевания. Вместе с тем уездные землемеры занимались и текущей работой по отводу и измерению различных участков на территории уезда, которая полностью не прекращалась даже в период генерального межевания, когда самовольное изменение границ земельных владений было запрещено.

Должность уездных землемеров была введена в составе губернской межевой части в 1775 г., но поначалу они лишь восстанавливали утраченные межи и межевые знаки, установленные при генеральном межевании. Право самостоятельного межевания они получили лишь с 1806 г. Первоначально уездные землемеры подчинялись непосредственно Межевой экспедиции Сената, и только с 1828 г. стали подчиняться губернскому землемеру. В «Своде законов межевых» порядку специального размежевания уездными землемерами посвящено целых 25 статей (ст. 590–615).

Основным учебным заведением, готовившим землемеров, был Константиновский межевой институт с четырехлетним курсом обучения.

Практически все исследователи сходятся на том, что его выпускники получали по тем временам очень высокую профессиональную подготовку. Однако одно учебное заведение не могло удовлетворить всей потребности в специалистах. Выпускники инсти-

тута легко находили себе место в столичных учреждениях. В губернские межевые конторы и комиссии, не говоря уже об уездных землемерах и работниках полевых партий, попадали люди, менее образованные. Туда принимались кандидаты из числа военных и статских чиновников, не получивших специальной подготовки, но имеющих соответствующие знания и опыт. Тем не менее, даже и таких специалистов не хватало. Поэтому «в связи крайнего недостатка в губерниях землемеров» допускался прием на государственную службу выходцев сначала из мещан только остзейских губерний, имевших многолетний опыт практической работы (правда, с соблюдением ряда ограничений), а с началом массового специального размежевания, когда потребовалось дополнительное число землемеров и их помощников, было разрешено брать людей и из других податных сословий, но с предварительным испытанием. Соответствующий указ был подписан в марте 1841 г. Подобно прибалтийским мещанам, таким специалистам приходилось службой доказывать свое право на чин. Долгое время они лишь числились в занимаемых должностях, а утверждались в них только после награждения за усердие и беспорочную службу и не ранее чем через 10 лет выслуги [17].

В ноябре того же года последовал еще один указ, гласивший, что «по уважению крайней недостаточности землемеров для полюбовного размежевания дозволено определять землемерами при межевых конторах сверх штата без жалования тех из оставших разных ведомств землемеров, кто захочет служить без жалования при посреднических комиссиях и если они знающие. За это время службы зачесть им в срок выслуги к пенсии, а тем, кто не имеет обер-офицерского чина – производить в первые классные звания на общем основании законов» [18], окончательное решение об определении таких специалистов на службу принимала межевая канцелярия с последующим утверждением главным директором Межевой конторы [19].

Не менее важно было организовать снабжение землемеров средствами межевания. В исследуемый период мерительный инструмент, а также техника межевания в целом не были слишком сложны: освоение их для современного человека не составило бы большого труда. Для измерения углов и привязки планов к местности применялись астролябия и зрительная труба, расстояния

определялись деревянной саженью, 10-саженной мерительной цепью, разделенной для точности на аршины и футы, железным аршином. Использовались также таблицы разности широт, математические книги и другие дополнительные инструменты: колья, веревки, шнуры, столбы. Иногда использовался и компас, но астрябия считалась в то время наиболее надежным и точным инструментом. Поэтому инструкция предписывала «ромбы снимать не иначе как с измерением астрябияческих углов» [20].

Для получения более достоверных результатов в инструкции землемеру предлагалась подробнейшая технология съёмки, сопровождавшаяся примерами «на все случаи жизни». Следовало только неукоснительно следовать этой инструкции.

Однако необходимо учитывать уровень грамотности и общую эрудицию людей того времени, когда абсолютное большинство граждан не владело даже элементарными навыками чтения и письма, а также уровень падавшей на землемера нагрузки. Труд землемера требовал не только хороших знаний межевого законодательства и навыков работы на местности, но и большой физической выносливости, крепкого здоровья. Согласно инструкциям устанавливался очень напряженный график полевых работ. Ежемесячно землемер с помощником должны были прокладывать меж в общей сложности не менее 160 верст, проходя, один по окружной меже 80 верст, а другой при снятии внутренней ситуации – столько же [21].

Если даже допустить, что работа велась в любую погоду в течение 25 дней (воскресенье считалось выходным, хотя не возбранялось работать с согласия владельцев дач и по воскресеньям), то и в этом случае ежедневно приходилось обмежевать свыше 7 верст. При такой нагрузке полевые работы занимали весь световой день [22]. Землемерам даже ночевать предписывалось в поле, если расстояние до населенного пункта, в котором они останавливались, превышало 15 верст. Это не могло не вести к снижению качества межевания. Подтверждение тому многочисленные жалобы владельцев дач, особенно из числа государственных крестьян, башкир-вотчинников и других землевладельцев – недворян.

Определение, обозначение и закрепление меж являлось далеко не единственной обязанностью уездного землемера. Одновременно ему приходилось заполнять множество документов, вести полевые записки и дневные журналы. В полевые записки заносилось «всё

пространство межевых работ и всё то, что при оных ежедневно происходило, как-то: полюбовные разводы, споры и показания владельцев и понятых», а в журналы – «в какой день снимал на план какую дачу, кого, когда вызывал, увещевал на полюбовный развод, какие и откуда получал бумаги» [23].

Приступая к специальному межеванию дачи, уездный землемер проводил большую предварительную работу. Он должен был иметь генеральный план уезда, атлас, экономическое примечание, каталог или алфавит владельцев и поселян, две карты уезда: 4-верстную, с обозначением на ней ситуации всех населенных пунктов уезда и 8-верстную, а также краткую гидрографическую таблицу и план уездного города. Всё это следовало составлять «с природы в свободное от прочих им поручений время, заимствуясь притом, чем нужно будет, и из генеральных карт и экономических примечаний, сочиненных по генеральному межеванию» [24].

Со своей стороны, начальство должно было обеспечить землемера собранием межевых законов, ведомостями о землях, которые не были размежеваны генерально из-за споров, копиями с планов всех земель, которые обмежеваны (с тем, чтобы внести их в генеральный план всего уезда), наставлениями о съемке планов, о сочинении экономических примечаний и межевых книг.

Хотя ответственность за правильность межевания лежала исключительно на землемере, работы он выполнял не в одиночку: создавалась межевая партия, в которую, кроме землемера, входили его помощник (младший землемер), три канцелярских служителя, унтер-офицер и четверо рядовых солдат. Для выполнения земляных работ и переноски инструмента землемер имел право привлекать крестьян, проживавших на территории межевавшейся дачи или из ближних к ней селений. Для производства работ на открытой местности полагалось к каждой астрябии – до шестнадцати человек. Руководство ими также входило в обязанности землемера.

До места проведения работ землемерная партия двигалась на подводах (в одной перевозились канцелярские бумаги, во второй – инструменты, в остальных – канцелярские служители и воинские чины, из расчета – одна подвода на три человека). Для нужд непосредственного межевания следовало брать подводы из смежных селений.

Хотя землемеру и отводилась решающая роль в стимулировании землевладельцев к полюбовным размежеваниям, его власть в

этом отношении была существенно ограничена и сводилась к уговорам и разъяснению преимуществ данного действия, а без согласия владельцев он не мог приступать к межеванию. Не мог он и самостоятельно утвердить границы, если имелись спорные участки. Споры разрешали более высокие межевые инстанции, а землемеру лишь следовало такие участки «обойти по отводам обеих сторон и измерить смежные владения, снять на планы и отправить на решение межевой канторы или канцелярии» [25]. Все это также существенно затрудняло деятельность землемера, заработок которого зависел от конечных результатов межевания дачи [26].

Таким образом, основные организационные принципы всеобщего межевания, сформулированные еще в 1766 г., на протяжении всего периода межевания оставались практически неизменными. Мало изменилась и его

организационная структура: межевые учреждения, подготовка специалистов-землемеров, материальное обеспечение межевых партий, финансирование работ, инструментарий, техника межевания. Однако роль землемеров, особенно уездных, по мере продвижения работ из центральных районов страны на окраины возрастала. Связано это было, прежде всего, с изменением форм землевладения и характера межевания (переходом от простого разграничения дач к ликвидации спорных участков). В итоге эффективность межевых работ в окраинных губерниях по отношению к центральному (помещичьим) заметно снизилась. Причины этого следует искать не в организационных просчетах, а в различии земельных отношений. Что было эффективно для поместной системы, то совершенно не годилось на окраинах, где господствовало захватное землевладение.

1. Смирнов, Г.С. Законодательные основы государственного межевания в России первой половины – середины XVIII в. / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов // Социум и власть. – 2008. – № 1. – С. 81–90.
2. Герман, И.Е. Материалы к истории генерального межевания в России/ И.Е. Герман. – М.: тип. В. Рихтер, 1911. – С. 4; 54.
3. ПСЗ.Т. 17. № 12488 (8 октября 1765 г.).
4. Кавелин, С.П. Межевание и землеустройство. Теоретическое и техническое руководство / С.П. Кавелин. – М., 1914. – С. 84–86.
5. ПСЗ. – Т. 17. – № 12540.
6. Герман, И. Е. Указ соч. С. 35.
7. Правила генерального межевания сохранились в Своде законов межевых. – Т. 10. – Ч. 2. – Изд. 1893 г. Общие правила в статьях 333–422 и правила судопроизводства по решению споров в ст. 665–932 вошли без изменения.
8. Жалования землемерам: 1-му 350 руб., 2-му 250 руб. в год, да рационы по их чинам, при этом военный рацион удвоенный.
9. Кавелин С.П. Указ. соч. С. 81.
10. Иванов, П.И. Опыт исторического исследования о межевании земель в России / П.И. Иванов. – М.: тип. Селиванского, 1846. – Подсчитано нами.
11. 2ПСЗ. – Т. 11. – Отд. 1. – № 8763. – П. 46; Т. 13. – Отд. 2. – № 11702.
12. 2ПСЗ. – Т. 14. – Отд.2. – № 12459.
13. Там же. – П. 1; Т. 16. – Отд. 1. № 14573.
14. Герман, И.Е. Указ. соч. – С. 78.
15. ПСЗ. – Т.17. – № 12679. (Особыми назывались межевания, правила которых отличались от правил генерального межевания. Наряду с опекунским к ним относятся внутреннее размежевание башкирских земель на Урале, межевание земель казачьих войск, кочевников и др.).
16. Свод военных постановлений. – Изд. 1903 г. – Кн. 2. – Ч.1. – Ст. 5401 – 5534, 5675 – 5747, 5814 – 5997, 6289 – 6300.
17. 2ПСЗ. – Т. 16. – Отд. 1. – № 14573, п. 3.
18. 2ПСЗ. – Т. 16. – Отд. 1. № 14926.
19. ПСЗ. – Т. 29. – № 22069.
20. Прил. к ст. 358.
21. ПСЗ. – Т.18. – № 13090; Т. 19. – № 13885. – П. 8.
22. Свод законов гражданских и межевых. – В. 2. ч. – Ч. 2. Законы межевые. – СПб.,1842. – Ст. 103.
23. ПСЗ. – Т. 17. – № 12711. – Ч.5 – №5; Т. 20. – № 14352; Т. 29 – № 22130.
24. ПСЗ. – Т. 3. – № 2203. – Пар. 3.(1828. 31 июля).
25. ПСЗ. – Т. 19. – № 14184. – П. 3. 1 сентября 1774 г.
26. ПСЗ. – Т. 27. – № 20759. 13 мая 1803 г.

ИНСТИТУТ СТЯПЧИХ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОЛЖНОСТЕЙ В 1775–1864 гг. (на примере губерний Урала и Западной Сибири)

УДК 347.99+94

В. А. ВОРОПАНОВ

К XVII в. термин «стряпчий» в значении лица, занятого определенной деятельностью, вошел в широкое употребление в дворцовом ведомстве. Сотни должностей стряпчих существовали в конюшенном, кормовом, хлебном, сытенном, иных «дворах». Стряпчие оказывали многообразные личные услуги государю. Старшим в иерархии оставался стряпчий «с ключом», заведовавший постельничей казной, помощник царского постельничего [1].

В период кардинальных реформ государственного аппарата в первой четверти XVIII в. «стряпчим о делах государственных» был именован глава прокурорского надзора, сформированного по указу от 22 января 1722 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. закрепили употребление термина за должностными лицами губернской и уездной прокуратуры. Положение «О прокурорской и стряпческой деятельности» определило новую структуру местной прокуратуры, обновило регламентацию ее функций. В состав местной прокуратуры вошли коллегии из прокурора и двух стряпчих при губернском правлении и судебных палатах, сословных судах второй инстанции (верхнем земском суде, губернском магистрате, верхней расправе), а также стряпчие при уездных учреждениях государственного управления и суда.

Перед высшими чиновниками губернской прокуратуры верховная власть поставила задачи правового ограничения деятельности губернской администрации. Их независимость получила юридические основы. Правовые средства прокурорского надзора традиционно заключались в предложениях, представлениях, протестациях, а также «доношениях», адресованных генерал-прокурору или генерал-губернатору [2].

Органы прокуратуры создавались как организационная часть судебной системы «для споспешествования правосудия и для сохранения доброго законами установлен-

ного порядка в судебных местах». Прокурорам и стряпчим вменялось долгом «быть взыскателями исполнения узаконений, наказания преступлению, а невинности защитой» [3]. Судебный прокурор являлся «оком» губернского. Его главной задачей была охрана порядка и форм судопроизводства, соблюдение государственных, общественных и частных интересов. Прокурорские чины беспрепятственно посещали присутственные места, просматривали любую документацию, указывая пути устранения выявленных правонарушений. Ведомости о посещениях должностными лицами присутствий ежемесячно предлагались вниманию губернского прокурора. Решения судов до вступления в законную силу проверялись и подписывались по единообразной форме. Судебные палаты и совестный суд представляли протоколы губернскому прокурору, суды второй инстанции – судебным прокурорам, уездные учреждения – местным стряпчим.

Стряпчие казенных и уголовных дел совместно с прокурорами разрешали возникавшие в судебной практике вопросы, приводя деятельность судей в соответствие с законодательством, выступали в качестве истцов по интересам казны и в случаях нарушения общего правопорядка или преступления должности, делая заявления, согласованные с прокурором. Поощрением стряпчих служила 1/3 штрафа, взысканного их стараниями [4].

Особое место в структуре губернской прокуратуры занял уездный стряпчий, должность которого замещалась губернской администрацией, что позволило С.А. Корфу именовать чиновника «оком» наместнического правления [5]. На укрепление служебных позиций нижнего прокурорского чина был направлен указ от 26 января 1784 г., запретивший отстранять стряпчих от исполнения должностей на основании доносов [6].

В компетенции названных служащих соединились все функции надзора. Текущие описи входящих ордеров, предписаний и сообщений позволяют оценить характер их многообразной деятельности. Так, стряпчий Верхотурского уезда Пермского наместничества с января по декабрь 1782 г. получил к исполнению 75 указов, в 1783 г. – 93, в 1784 г. – 72 [7].

Стряпчие следили за своевременным открытием судебной сессии, сохранением порядка в присутствии, просматривали реестры дел и контролировали точное и скорое исполнение судебных решений. Надзорные лица обязались «бдение иметь, дабы в уезде ничего противного власти, интересу, законам, учреждениям и повелениям императорского величества и общему благу не происходило». Выявив противоправный или безнравственный поступок, прокурорский чин оформлял с разрешения губернского начальства исковое заявление [8]. Как истцы стряпчие просили проведения следствия, явки отвечающей стороны в суд, взятия лиц под стражу, пользовались правом безденежного апелляционного переноса и отводили судей. В спорах о казенных землях чиновники понуждали крестьян нести расходы на гербовую бумагу, апелляционные пошлины, оказывая малограмотным поселянам всевозможную юридическую помощь. Стряпчие знакомили обывателей с законодательством, наставляли в действиях, сочиняли от их имени жалобы и апелляционные просьбы, выслушивали совместно определение суда [9].

В спорах частных лиц деятельность уездных стряпчих ограничивалась опротестованием неправого решения, но по делам об освобождении людей от крепостной зависимости стряпчие осуществляли ходатайство, заменяя крестьян, не имевших права до решения суда покидать имения или заводы. Копии постановлений оценивались губернским прокурором. Целью органов надзора являлось неукоснительное соблюдение судьями действующего законодательства, негуманность которого могла вызвать только сочувствие.

Вскоре после губернской реформы правительство столкнулось с проблемой низкой квалификации уездных стряпчих, должность которых соответствовала XI классу с окладом жалованья в 150 руб. и замещалась не только обладателями низших, часто воинских, чинов, но и, как в Западной Сибири, нетабельными служащими [10]. В декабре 1781 г. Сенат заявил, что представляемые стряпчими сведения порою «темны, невняты и почти совсем о другом, о чем от них требуется было», и рекомен-

довал проводить губернским прокурорам собеседования с подчиненными, а также в случаях нарушения инструкций получать от них письменные объяснения или взыскивать посредством администрации дисциплинарные пени [11]. В 1780–1790-х гг. чиновники осваивали новые служебные обязанности.

В 1796 г. система прокурорского надзора была ослаблена сокращением аппарата по распоряжению Павла I. На Урале и в Западной Сибири было упразднено 138 штатных вакансий, включая всех стряпчих, 76 – без восстановления в начале XIX в. Проанализировав в 1800 г. последствия отсутствия стряпчих в уездах Оренбургской губернии, ревизоры предложили внести организационные изменения в систему управления. Повысить эффективность государственных учреждений, «водимых иногда видами собственными, а не общей в службе пользы», предполагалось посредством особого чиновника, «орудия губернского начальства», уездного «директора» и «блюстителя правосудия». Возможность подвергнуть отдаленные от Оренбурга присутственные места и чиновников «надзирательству, отчету и взысканию на месте» избавляло руководство от излишней служебной переписки, «в которой навыв и вредное искусство затмевать правду» и уклоняться от прямых обязанностей находило себе «покров» [12].

В декабре 1802 г. министр юстиции Г.Р. Державин подтвердил полномочия губернских прокуроров и потребовал от чиновников оправдать возложенное на них доверие «рачением, благоразумием и деятельностью», предупредив о неотвратимой ответственности за «упущения» по службе [13]. С начала XIX в. влияние прокурора на нижнее звено в системе надзора было усилено. С 1803 г. кандидаты в уездные стряпчие отбирались ведомственным начальником. Губернское правление, рассмотрев справки, аттестаты и другие свидетельства достоинства чиновников, могло отклонить представление с объяснением «законных и основательных препятствий», ожидая предложения новых лиц [14]. Перемещение стряпчих, отрешение от должностей из-за некомпетентности требовало санкции министра юстиции, лишение должности за преступление – распоряжения начальника губернии по сообщению прокурора [15]. Аттестация стряпчих согласовывалась с прокурором [16].

В правление Николая I регламентация статусного положения стряпчих получила развитие, уровень требований к отбору кад-

ров вырос. Указ от 20 июня 1833 г. предписал назначать уездными стряпчими «благонадежных» и опытных чиновников из прокурорских канцелярий и губернских учреждений по избранию прокурора и с утверждения gubernского начальства [17]. К исполнению должности, оказавшейся вакантной, допускался секретарь уездного суда как лицо опытное в делопроизводстве. За журналы, ранее скрепленные подписью руководителя канцелярии, ответственность разделял секретарь иного уездного учреждения [18].

Правительство изучало проблемы организации от обеспечения прокурорских органов. В апреле 1839 г. были увеличены расходы на содержание прокурорских канцелярий, распоряжение денежными суммами передано прокурорам [19]. В январе 1841 г. делопроизводство уездных стряпчих было поручено особым служащим, уравниваемым со столоначальниками обычных канцелярий, с окладом жалованья 130 руб. серебром. На канцелярские расходы дополнительно выделялось 35 руб. в год [20].

Губернской администрацией ставился вопрос о предоставлении уездным стряпчим служебных помещений. Стряпчие требовали выноса журналов и осуществляли контрольный просмотр документации на дому. Конфликт чиновников в Бирском уезде по поводу условий работы привел к тому, что судебные журналы оставались в 1840 г. без просмотра около 5 месяцев, о чем губернский прокурор сообщил министру юстиции. Губернское правление рапортовало в министерство внутренних дел. Министр юстиции предписал соблюдать действующие законоположения, напомнив об обязанности стряпчих покидать судебскую комнату во время решения дел [21]. Указом от 29 ноября 1844 г. стряпчим были назначены помещения для занятий по службе [22].

В Западной Сибири деятельность прокуратуры была подчинена в 1822 г. задачам общего надзора Главного управления. За генерал-губернатором было закреплено право отбора кадров для гражданской службы, включая представление министру юстиции кандидатов на замещение губернских и областных прокурорских должностей. Губернский прокурор вошел в состав gubernского совета с правом голоса. Окружные стряпчие остались в непосредственном подчинении прокурора, уполномоченного делать замечания и выговоры служащим за «медленность и нерадение» в отправлении должностей, а также предлагать на рассмотрение гу-

бернатора факты, влекущие для стряпчих взыскания или предание суду. Рапорты и доносы иных должностных лиц о проступках и преступлениях стряпчих поступали в gubernское правление [23].

В 1864 г. статус стряпчих был обновлен. Губернские чиновники определялись и увольнялись министром юстиции. Выход в отпуск и аттестация зависели от прокурора. Уездные стряпчие назначались министром с возможным представлением кандидатов прокурором. Чиновники подвергались взысканию gubernским правлением, но их перевод, предание суду или удаление из должности без судебного постановления требовали санкции министра [24]. Деятельность уездных прокурорских чинов в Южном Приуралье и Сибири продолжалась вплоть до упразднения дореформенных судов.

В XIX в. контроль прокуратуры распространился на следственные действия. Уездные стряпчие обязались охранять права подсудимых во время производства уголовных дел [25]. Министр юстиции внимательно следил за выполнением обязанностей на местах и своевременным получением полной информации о нарушениях законности, требуя информации по различным вопросам государственного надзора. В провинции регулярно направлялись ордера, предписания, инструкции, отдельные поручения и рекомендации. Так, очередной «ордер» был получен чиновниками в марте 1820 г.: «Усматривая из получаемых сведений, что уголовные и следственные дела по городским и уездным судебным местам производятся с крайнею медленностию под предлогом справок, которыя часто бывають вовсе не нужны, число арестантов в острогах до чрезмерности накопилось... Вновь строжайше предписываю всем господам gubernским прокурорам, иметь неусыпное наблюдение, что бы уголовныя и следственные дела, особливо те по коим содержатся арестанты, повсеместно производимы были со всевозможною скоростию... Иметь всегда список всем арестантам по целой губернии, и со времени взятия кого-либо под стражу до самого окончания об нем дела безпрестанно чинить, где следует, напоминания, побуждения и настояния в gubernских судебных местах самим gubernским прокурорам и чрез gubernских стряпчих... Ведомости сии будут разсматриваться со всею строгостию, и в случае, когда замечены будут со стороны какаго-либо из gubernских прокуроров упущение, беспечность и невнимание к участи арестантов, с таковыми будет поступлено по всей строгости закона с отрешением от должностей...».

Министр напомнил об обязанности уездных стряпчих посылать прокурору отчеты каждые две недели. Сведения третних ведомостей о следственных и уголовных делах, алфавитные списки арестантов были признаны неудовлетворительными, и доставка их прекратилась [26].

Формы отчетности менялись и уточнялись. В декабре 1846 г. министр юстиции приказал составлять в судах первой инстанции ведомости о движении дел и числе подсудимых, во всех присутственных местах – о лицах, подвергшихся наказаниям и освобожденных от ответственности, числе нераскрытых преступлений, совершенных крепостных актах, а также об употреблении гербовой бумаги, штрафах, взысканных за неправомерные подачи исков и апелляционных просьб. К документации прилагались расписки почтовых контор с датой отправления не позже 10 января. Особые ведомости ежемесячно и ежегодно представлялись уездными стряпчими губернскому прокурору [27].

Кадровый отбор уездной прокуратуры оставался для губернской администрации непростой задачей. Набором профессиональных и личных качеств, степени образованности чиновники прокуратуры мало отличались от остальной массы государственных служащих. Так, в 1828 г. чиновник правления, командированный по рапорту в Стерлитамак, был вынужден выяснять обстоятельства пьяной ссоры стряпчего с судьей уезда. Губернатор предложил факты предосудительного поведения служащих вниманию уголовной палаты, указав стерлитамакскому стряпчему более «не затруднять» присутственные места «недельными бумагами» [28]. В целом, в 1828 г., несмотря на продолжительность пребывания оренбургских стряпчих в должностях, ревизор констатировал, что большинство из них не исполняли обязанностей в соответствии с инструкциями, некоторые же проявляли недопустимую некомпетентность. Открытые в работе стряпчих недостатки давали, по мнению ревизора, «повод переменить некоторых из них». Стряпчий Стерлитамакского уезда, уже замеченный «в пьяной и буйной жизни», был удален от должности [29]. Тогда же в губернском «судебном управлении» под руководством прокурора прошли занятия с уездными стряпчими «по предметам поручений на них возлагаемых» [30]. Вопрос о недостаточной требовательности оренбургских стряпчих поднял в 1842 г. сенатор А.П. Пещуров. В ходе ревизии один из уездных прокуроров оказался под судом [31].

Делопроизводственная документация, связанная с жалобами обывателей и рапортами чиновников об образе жизни низших блюстителей

закон, сохранилась в государственных архивах. Так, в мае 1828 г. Томское губернское правление представило на рассмотрение правителя скандальные факты из личной жизни стряпчего Каинского округа Попова, пьянствовавшего и вступавшего в конфликт с семьей соседа – секретаря земского суда [32]. По ряду следственных дел в 1848–1849 гг. фигурировал бузулукский стряпчий Поздюнин, обвинявшийся чиновниками в злоупотреблении служебным положением и иных противоправных действиях [33].

Тем не менее, чиновники уездного уровня исполняли свои обязанности, содействуя надзору губернского начальства, и нередко пользовались доверительным отношением населения [34]. «Стряпчие имеют надзор и за течением дел в судебных местах, дабы предупредить и там всякую напрасную проволочку и медленность, и побуждают, когда нужно, нерадивых к исполнению долга чрез губернское правление указанными для того в законах методами», – напоминало губернское начальство Западной Сибири подчиненным в 1837 г. [35]. Своевременными рапортами стряпчие влияли на скорость правосудия. Так, отношение прокурора от 10 июля 1835 г. проинформировало Вятское губернское правление о 13 долгосрочных делах, производившихся в Сарапульском суде. Полицейские чины Сарапульского и Елабужского уездов, получившие до 15 обращений по каждому делу, не удовлетворяли запросов суда, и прокурор просил администрацию «строжайше подтвердить указами, чтоб они исполнением... предписаний... озаботились и все законные требования... исполнили в точности» [36].

Стряпчие устраняли следователей, обвиненных в необъективности и прочих злоупотреблениях [37]. На стряпчих возлагались прямые поручения администрации по контролю за исправлением обнаруженных в учреждениях «беспорядков». Стряпчими раскрывались правонарушения служащих [38]. Так, рапорт от 17 июня 1829 г. из Бийского округа сообщил прокурору о превышении полномочий заседателем земского суда, наказавшим казахов за воровство скота [39]. От каинского стряпчего, сменившего ославленного коллегу, в декабре 1831 г. поступили сведения о пьянстве и не исполнении обязанностей членом земской полиции, замещавшимся по необходимости секретарем. В сопровождении городничего и окружного начальника стряпчий посетил квартиру чиновника, где обнаружил винную посуду, кипы сваленных бумаг, включая дела, незаконно вынесенные из учреждения [40]. В декабре 1837 г. новый каинский стряпчий подал начальству рапорт с обви-

нием другого заседателя окружной полиции в злоупотреблениях и подлогах [41].

Компетентность и образованность лиц уездного надзора росла. В 1851 г. из 10 пермских уездных стряпчих 4 получили среднее, 5 – начальное образование, 1 не завершил обучения в училище. Восемь чиновников до назначения обрели опыт судопроизводства в качестве писцов, секретарей, заседателей. Верхотурский стряпчий оставался в должности с 1835 г. Четверо чиновников удостоились за службу отличий. В частности, неоднократно поощрялся осинский стряпчий, бывший сотрудник канцелярий уголовной палаты и прокурора, член уездного суда. Трое служащих носили чины VIII, 6 – IX–X классов. Коллежский регистратор, выпускник кадетского корпуса, был определен в стряпчие из штата губернской канцелярии [42].

Свод законов обобщил нормы, регулировавшие деятельность прокуратуры, не сведя их в отдельный раздел кодифицированного законодательства, что свидетельствовало о неизменно вспомогательном характере прокурорского надзора в Российской империи. Разветвление структуры прокурорских органов продолжалось в соответствии с особенностями государственного устройства. В 1797 г. должности VI и VII классов были учреждены в Межевой канцелярии и межевых конторах [43]. В 1802 г. прокуроры вошли в штат Оренбургской и Уральской казачьих канцелярий [44]. С 1806 г. должность прокурора была предусмотрена в штате Пермского горного правления [45]. Делегирование полномочий стряпчих специальным должностным лицам обуславливалось процессом сословной дифференциации населения. Государственная власть стремилась к установлению правовой опеки над различными социальными группами, компенсировавшей малограмотность масс подданных, а также поддержанию юридической конкуренции ведомств и начальств, способствовавшей укреплению законности. Деятельность сословных правозащитников компенсировала отсутствие в системе отечественной юстиции института адвокатуры.

В 1808 г. поддержка частных и общественных интересов удельных крестьян была поручена стряпчим, возглавившим судные столы в удельных конторах. Стряпчий нес ответственность за сбор сведений о делах сословия, сочинял или проверял письменные прошения, наблюдал за срочностью правосудия и ходатайствовал о смягчении приговоров. Межевые учреждения по искам об удельных землях выдавали надзорному лицу копии с решений [46]. Жалобы на проволочку в производстве и иные нарушения законодательства стряпчий на-

правлял губернскому прокурору или губернатору [47]. Штрафы за отклоненные апелляции взыскивались с крестьян, в чьих интересах работали чиновники [48]. В случае отсутствия в области удельной конторы ходатайство по делам по-прежнему осуществляли уездные и губернские стряпчие, обращавшиеся за наставлениями к прокурору губернии [49].

Порядок судопроизводства, примененный в удельном ведомстве, был повторен в Колывано-Воскресенском округе, подведомственном Кабинету е.и.в., территории которого в 1824 г. разделили на 13 «депутатских» участков. В Бухтарминском отделении Бийского округа правами депутата пользовался управляющий Бухтарминскими рудниками. Депутат Ояшинского отделения, проживая в Томске, посещал губернские учреждения. Чиновники контролировали работу следственных органов, свидетельствовали правильность допросов, присутствовали при судебном разборе, информируя обо всем горное правление, уполномоченное опротестовывать решения учреждений [50]. О замене депутата по делам приписных крестьян, а также спорным делам частных золотопромышленников Алтайское горное правление уведомляло губернскую администрацию [51]. В 1828 г. министерство финансов инициировало введение по алтайскому образцу, «применяясь к тому порядку, как ведаются удельные крестьяне» [52], депутатов по делам приписных крестьян в суды Олонецкой губернии [53].

По гражданским и уголовным делам с участием казенных крестьян, с 1837 г. подведомственных министерству государственных имуществ, роль дополнительных ходатаев выполняли губернские стряпчие казенных и уголовных дел, учрежденные при новех палатах. Чиновники собирали информацию для осуществления своей юрисдикции, консультировали крестьян, просматривали и составляли жалобы и просьбы, подавали иски, охраняли права частных лиц при проведении следствия, заботились о скорейшем и законном окончании производств. Казенные интересы подкреплялись актами и документами при поддержке прокурора. Ведомости об арестантах ежемесячно представлялись в присутствие палаты [54].

Особых представителей своих интересов получали группы военно-служилого населения. Если роль правозащитников в делах сибирских городских казаков в 1822 г. была возложена на полковых атаманов [55], то население башкиро-мещерякских кантонов Урала получи-

ло в 1836 г. сословных правозащитников «по примеру» удельных стряпчих. Введения новой должности добился генерал-губернатор В.А. Перовский, сообщивший Николаю I об ущербе, который люди терпели из-за неосведомленности в процессуальных правилах и недобросовестности частных поверенных [56]. Кантонные стряпчие наделялись инструкцией [57] и не подчинялись губернскому прокурору. Заявления судебных учреждений о присылке чиновников для окончания дел с кантонистами адресовались командующему войском [58].

С увеличением стряпчих до 12 человек по штату 1840 г. командующий постановил, что «без излишнего затруднения могут они в точности и удобно исполнять все предписанные им инструкции обязанности и возлагаемые на них начальством поручения», и повелел им вести настольный реестр, а также составлять ведомости для отчета о тяжбных делах, касавшихся общественной собственности, об исполненных и неисполненных предписаниях, о содержащихся под стражей и находившихся на поручительстве обвиняемых. Особое внимание стряпчих было обращено на порядок решения уголовных и следственных дел, в наиболее важных из которых они выступали «депутатами» лично, а в остальных назначали представителями кантонных чиновников с «неослабным» наблюдением, «чтоб действия их были согласны с законом». Командующий напутствовал стряпчих советом «усердною службою и деятельным исполнением обязанностей» обращать на себя внимание начальства, грозя за медлительность, нерадение и прочие упущения подвергнуть виновных ответственности «по всей строгости законов» [59].

Путевой журнал о занятиях стряпчих включал графы дат, содержания занятий и их результата. Согласно записям в журнале стряпчего 11-го башкирского и 3-го мещерякского кантонов титулярного советника Шишковского, в марте 1853 г. им было совершено три поездки за 102 версты в Бирский уездный суд в целях ознакомления с решениями и доставкой выписок по различным делам. По одному из решений была оформлена апелляционная жалоба. Восемь прошений кантонистов было доставлено в палату гражданского суда. Там же зачитано 9 выписок по делам. В уездные и земские суды составлялись отношения. В апреле Шишковский осуществлял сбор сведений, составлял и подавал прошения и апелляционные жалобы, зачитывал выписки и подписывал документы, переслал в Сенат материалы нескольких дел, занимался перепиской с судебными и полицейскими местами [60].

По роду деятельности стряпчие регулярно несли расходы, оплачивая почтовые услуги, опубликование объявлений, судебные издержки и штрафы [61]. На погашение финансовых расходов по общественным делам генерал-губернатор определил средства с процентов от суммы, поступавшей за проданные и отданные в оброк башкирские земли [62]. Стряпчие были вправе ходатайствовать о вспомоществовании из общественных фондов участникам процессов, находившимся в «стесненных обстоятельствах». Малоимущие от взноса пошлин были освобождены. Ведомости о приходе, расходе и оставшихся деньгах составлялись каждую треть года [63]. Указ от 6 декабря 1852 г. сократил штатное число стряпчих до 9 чел. [64].

Опыт деятельности стряпчих применялся в национальных регионах – в деятельности приставов и попечителей. В частности, исполнительная и судебная власть в казахской «Букеевской Орде» сосредоточилась в руках хана, при котором с 1827 г. действовал Совет биев [65]. Надзор за отправлением правосудия в Совете и уездных судах по делам казахов был поручен в 1828 г. специальному попечителю со штатом служащих [66]. С 1844 г. усилиями Оренбургской пограничной комиссии работа судов по делам с участием казахов Малого жуза охватывалась контролем 6-ти попечителей. Новым должностным лицам, подотчетным Комиссии, поручили защиту кочевников во всех делах с линейным населением, разбор незначительных имущественных претензий и контроль за следственными действиями казахов и полицейских чинов [67]. Инструкция напоминала попечителям об обязанности «обращаться с киргизами ласково, выслушивать внимательно их жалобы на линейных жителей... и всевозможно стараться доставить справедливое удовлетворение; в случае же невозможности сего, объяснить вразумительно, от чего жалоба не может быть удовлетворена, дабы проситель не имел повода полагать, что на просьбу его не обращено достойного внимания» [68].

Итак, развитие прокурорских структур являлось неотъемлемой частью эволюции государственного строя абсолютной монархии. Служащие губернской прокуратуры способствовали успешной законодательной практике, установлению близкого контроля за деятельностью чиновников и сословных представителей. Должность уездного стряпчего, введенная в 1775 г., обладала низким официальным престижем и изначально замещалась на Урале и в Сибири людьми с низшими табельными чинами, без специальных знаний, часто без опыта

гражданской службы, что было компенсировано двойным подчинением уездной прокуратуры ведомственному начальству и губернской администрации. Эффективность института стряпчих ослаблялась не только условиями кадрового отбора, но и протяженностью восточных провинций, коммуникационными возможностями, однако их позитивное значение в системе государственных должностей выявилось вскоре после штатных сокращений 1797 г., что на Южном Урале (в Оренбургской губернии) засвидетельствовали ревизоры Сената. В условиях служебно-юридической конкуренции стряпчие представляли важный институт, направленный на правовое ограничение власти местных чиновников, более полную реализацию законодательства.

С начала XIX в. влияние губернского прокурора на уездное звено усилилось. Статус уездных стряпчих обновлялся и повышался в 30-е и 60-е гг., оставаясь актуальными в Сибири до конца XIX в. Разнообразие сословных стряпчих рассматривалось как важное средство утверждения системы государственного права. Сословные правозащитники оставались частью сложноорганизованной бюрократической системы Российского государства, не контролируемой «обществом». Регламентация функций, продуманные и апробированные методы, формы и способы деятельности стряпчих, делегирование их полномочий сословным и сословно-национальным правозаступникам способствовали охране прав и законных интересов разнородного российского населения. Главным выражением несправедливости социально-политического строя являлась необеспеченность

правами крепостных людей, предоставление защиты которым декларировалось без значимых последствий.

Несмотря на пассивное положение прокуратуры в государственной системе первой половины XIX в., ряд известных дореволюционных юристов оценивал ее деятельность с учетом отведенной прокурорскому надзору роли. «В истории насаждения законности на русской почве институт губернских прокуроров и стряпчих имел высокое значение, – писал И.Я. Фойницкий. – Он сослужил огромную службу для перехода от системы управления по личному усмотрению к системе управления подзаконного. Центральное правительство нашло в нем солидную опору для осуществления своих предначертаний на местах...» [69]. «Губернский прокурор и стряпчие в уездах были живым напоминанием закона и, во многих случаях, его обязательными истолкователями. История министерства юстиции с тридцатых до шестидесятых годов представляет много примеров энергичной борьбы губернских прокуроров с местными злоупотреблениями. Борьба эта не всегда была успешной, но уже само возникновение ее, основанное на предписании закона, определявшего обязанности губернского прокурора, действовало благотворно...», – отмечал А.Ф. Кони [70]. Преобразования в государственной системе, осуществленные верховной властью в 60–70-х гг. XIX в., обновление гражданских прав и реформа суда повлекли изменение целей и задач в деятельности губернской прокуратуры и упразднение институтов, выполнивших исторические задачи, возложенные на них царским правительством.

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь [Текст] / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXXI а. СПб., 1901. – С. 849–850.
2. ПСЗ-I. Т. XXXIV. № 26604.
3. ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. Ст. 407.
4. ПСЗ-II. Т. III. № 1719, 2269; ТФ ГАТО (Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области). Ф. 364. Оп. 1. Д. 51. Л. 2–3 об.
5. Корф С.А. Административная юстиция в России. СПб., 1910. С. 65.
6. ПСЗ-I. Т. XXII. № 15916.
7. ГАСО. Ф. 619. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5, 239–267 об., 274–279.
8. ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. Ст. 410.
9. ПСЗ-I. Т. XXI. № 15319; Т. XXIII. № 17082.
10. ТФ ГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 63. Л. 193–194.
11. ПСЗ-I. Т. XXI. № 15301.
12. Материалы по истории Башкирской АССР [Текст]. М., 1960. –Т. V. – С. 602.
13. ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20553.
14. ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21189; ПСЗ-II. Т. XXI. № 20618; ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. 583. Оп. 26. Д. 1452. Л. 57; ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 30. Оп. 1. Д. 4.
15. ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21320; Т. XXX. № 23401; Т. XXXIII. № 26151; ЦГИА РБ (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1003. Л. 1–2.
16. ПСЗ-II. Т. III. № 2309; ГАТО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 3.
17. ПСЗ-II. Т. VIII. № 6276; Т. XVI. № 6276.
18. ПСЗ-II. Т. XI. № 8868.
19. ПСЗ-II. Т. XIII. № 12169.

20. ПСЗ-II. Т. XVI. № 14173, 14745.
21. ГАОрО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 6. Оп. 6. Д. 11653. 1–8.
22. ПСЗ-II. Т. XIV. № 17682.
23. ПСЗ-I. Т. XXXVIII. № 29125. Ст. 550–552, 568; ПСЗ-II. Т. IV. № 3381.
24. Журнал министерства юстиции [Текст] СПб., 1864. – Т. XX. – С. 5–6.
25. СЗ. Т. XV. Кн. 2. С. 145.
26. ЦГИА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 192. Л. 44–44 об.
27. ГАПО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2.
28. ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 775.
29. ГАОрО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9491. Л. 9 об., 56 об.
30. ГАОрО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9256.
31. ЦГИА РБ Ф. 1. Оп. 1. Д. 1866. Л. 1–2, 15.
32. ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 37. Л. 1–8 об.
33. ГАОрО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 58, 68, 71, 145.
34. Записки Н.Г. Залесова [Текст] / Н.Г. Залесов // Русская старина. – 1903. – № 4. – С. 42.
35. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1607. Л. 39 об.
36. ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 389. Л. 130.
37. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1607. Л. 39 об.–40 об.
38. ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 12. Д. 33. Л. 1–14; Д. 34. Л. 1–19; Д. 35. Л. 1–18.
39. ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–5 об.
40. ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 66. Л. 3–5.
41. ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 292. Л. 1–5 об.
42. ГАПО. Ф. 36. Оп. 2. Д. 236 а. Л. 709–787 об.
43. ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17998, 18119, 18258.
44. ЦГИА РБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2. Д. 133.
45. ПСЗ-II. Т. VI. № 5047.
46. ПСЗ-I. Т. XXVI. № 19400; Т. XXX. № 23020, 23686; Т. XXXII. № 25360; Т. XXXIII. № 27060; Т. XXXVII. № 28400;
- ПСЗ-I. Т. I. № 177.
47. ГАОрО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8261. Л. 1–19.
48. ПСЗ-I. Т. XXXIV. № 27060.
49. ПСЗ-I. Т. XXII. № 15996; ПСЗ-II. Т. IV. № 2771.
50. Соболева Т.Н. Управление приписными крестьянами Алтайского горного округа в 20–50-е гг. XIX в. [Текст] / Т.Н. Соболева // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источниковедение. Томск, 1991. – Вып. 1. – С. 33.
51. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 459. Л. 1.
52. СЗ РИ. Т. VII. Кн. III. Ст. 2125.
53. ПСЗ РИ. II. Т. III. № 2465.
54. СЗ. Т. II. Ч. 1. Ст. 1761–1782.
55. ПСЗ-I. Т. XXXVIII. № 29131.
56. ПСЗ-II. Т. XII. № 10281.
57. ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5313. Л. 1–2.
58. ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4046.
59. ГАОрО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11733. Л. 2–3.
60. ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7388. Л. 8–9 об., 20–22 об.
61. ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7797.
62. ПСЗ-II. Т. XVI. № 14672.
63. ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8310.
64. ПСЗ-II. Т. XV. № 13684; Т. XXVII. № 26568.
65. Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство [Текст] / С.З. Зиманов // Академия наук Казахской ССР. – Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1982. – С. 120.
66. ПСЗ-II. Т. III. № 1928.
67. ПСЗ-II. Т. XIX. № 17998.
68. Цит. по: Горбунова С.В. Судебные функции Оренбургской пограничной комиссии и их осуществление [Текст] / С.В. Горбунова // Проблемы истории России и западноевропейских стран. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. – С. 65.
69. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства [Текст] / И.Я. Фойницкий. Т. 1. СПб.: Изд-во Альфа, 1996. – С. 516–517.
70. Цит. по: Казанцев С.М. История царской прокуратуры [Текст] / С.М. Казанцев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. – С. 120.

ЮБИЛЕЮ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

УДК 94(470.55)

На 2009 год приходится несколько знаменательных дат, связанных с историей Челябинской области. В частности, 17 января исполнилось 75 лет со дня образования Челябинской и Свердловской областей, разукрупненных с Обско-Иртышской из состава Уральской области в 1934 году. В мае жители Челябинской области будут вспоминать о 275-летию начала работы Оренбургской экспедиции под руководством статского советника И. Кирилова. В ходе данной экспедиции в военно-торговых целях был основан ряд крепостей, в том числе Чебаркульская, Миасская и Челябинская. Также 3 сентября 2009 года исполнится 90 лет со дня образования Челябинской губернии, которая постановлением ВЦИК была создана в 1919 году и просуществовала до 1923 года, пока Советское государство не упразднило губернии как административные единицы.

21 января 2009 года в здании Правительства Челябинской области прошла научно-практическая конференция «Южный Урал в судьбе России: история и современность», организаторами которой выступили Правительство Челябинской области, Государственный комитет по делам архивов Челябинской области и Челябинский институт (филиал) Уральской академии государственной службы. Основная цель конференции – оптимизация диалога властных структур, научного сообщества и общественности по проблемам политического, социально-экономического и духовного развития Челябинской области.

Мероприятие вызвало интерес среди ученых, архивистов, краеведов, бывших и действующих руководителей Челябинской области, представителей духовенства и других не равнодушных к судьбе Южного Урала людей, в том числе гостей из других регионов.

Заместитель губернатора, руководитель аппарата Правительства Челябинской области Н. М. Рязанов, открывая конференцию, подвел итоги социально-экономического и культурного развития Челябинской области за минувшие 75 лет, обозначил перспективы развития региона в условиях мирового экономического кризиса.

Правительство Челябинской области, следуя логике развития Российской Федерации,

разработало «Стратегию социально-экономического развития Челябинской области на период до 2020 года». В документе намечены точки ускоренного роста муниципальных образований области, крупные инвестиционные проекты, география и отрасли развития логистических комплексов, кластерный подход как основа развития отраслей экономики области и т.д. И есть надежда, что к следующему юбилею руководству Челябинской области удастся справиться с экономическим кризисом и реализовать все намеченные планы.

Следующий выступающий, заведующий кафедрой истории и философии Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, доктор исторических наук, профессор Владимир Новоселов, говорил о Южном Урале как крупнейшем индустриальном центре России со всеми вытекающими преимуществами и проблемами, в первую очередь экологическими.

Особенно В. Н. Новоселов подчеркнул, что в послевоенные годы объективным ходом истории Челябинская область была выдвинута на передний край холодной войны и внесла огромный вклад в создание ракетно-ядерного оружия и обеспечение, таким образом, безопасности государства. Коллективами предприятий, научными и конструкторскими организациями были созданы и освоены уникальные технологии и конструкции; создана высокая концентрация научно-промышленного потенциала, способного решать задачи любой трудности.

Митрополит Челябинский и Златоустовский Иов не оставил в зале равнодушных слушателей, когда речь зашла о толерантности во взаимоотношениях власти и общества на Южном Урале, о тяжелой судьбе духовенства в разные исторические эпохи и этапах становления Челябинской епархии.

Разговор продолжил ректор Челябинской государственной академии культуры и искусств, доктор исторических наук, профессор Владимир Рушанин, который представил в своем выступлении яркую и многогранную палитру духовного развития Южного Урала, обозначил острые проблемы данной сферы и

предложил действенные меры в ответ на вызовы современности.

В завершение пленарного заседания директор Челябинского института (филиала) Уральского академии государственной службы, доктор политических наук Сергей Зырянов представил социально-профессиональный портрет лидеров политической элиты Челябинской области от первых руководителей и до действующих ныне властных персон. А учитывая, что лаборатория прикладной политологии и социологии Челябинского института УрАГС имеет базу социологических данных по региональной элите глубиной проникновения 10 лет, то участникам конференции было показано, как менялось отношение жителей области к тем или иным политическим лидерам.

С. Зырянов отметил, что Челябинская область всегда являлась важным кадровым резервом высшего руководства страны. Только из первых секретарей Челябинского обкома партии восемь руководителей были переведены в центральные органы власти. В год молодежи вспомнили и о самых молодых руководителях нашей области. Среди первых секретарей обкома в 34 года к власти пришли К. М. Огурцов и Н. С. Патолычев, причем Николай Семенович Патолычев был назначен на данный пост в январе 1942 года!

А «долгожителями» по времени пребывания у власти в Челябинской области стали: М. Г. Воропаев – тринадцать лет и пять месяцев проработавший на посту первого секретаря Челябинского обкома, Е. Ф. Куракин – почти пятнадцать лет возглавлявший облисполком, а также П. И. Сумин, который на начало 2009 года почти 14 лет возглавляет область на различных руководящих постах.

Многообразие точек зрения и подходов к оценке исторического развития, современного состояния Челябинской области и оживленный диалог с острой полемикой были присущи работе секций конференции:

- Развитие системы управления на Южном Урале: исторический опыт и современное состояние.

- Опыт социально-экономического развития Южного Урала.

- Выдающиеся земляки – южноуральцы.

Наибольший интерес вызвала тема многонационального развития Южного Урала. Учитывая, что национальный состав области неоднородный (сегодня это: русские (82%), татары (6%), башкиры (5%), украинцы, казахи, немцы и представители других народов), то участники конференции констатировали,

что в отсутствие острых конфликтов в регионе на межнациональной почве нельзя сказать о полном взаимопонимании власти и коренных народов, например башкир, нагайбаков.

Из примеров позитивного развития области приводились 30-е годы прошлого столетия. В данные годы произошла не только трансформация области в крупнейшую металлургическую базу страны с быстро растущим машиностроением и преимущественно крупным сельскохозяйственным производством, но и ликвидация безграмотности, создание системы образования, ставшей источником кадров специалистов и квалифицированных рабочих для предприятий и организаций, приобщение народных масс к достижениям мировой и отечественной культуры. Все эти факторы сформировали обстановку стабильности, дружбы и уважения между десятками народов, населявших Челябинскую область.

По итогам работы конференции была принята резолюция, в которой отмечается, что история Челябинской области является ярким свидетельством многогранной созидательно-преобразующей деятельности российского общества на протяжении нескольких столетий.

Ключевое геополитическое положение, несметные богатства природных ресурсов и полезных ископаемых, наличие деятельного, активного населения стали теми объективными условиями, на основе которых в середине XX века произошёл индустриальный прорыв, навсегда определивший историческую роль Южного Урала как опорного края Российской державы.

Четко выраженная специализация региона в народном хозяйстве страны, естественным образом сложившийся высокоразвитый промышленно-аграрный комплекс, огромный потенциал экономического и социального развития, наличие транспортной сети стратегического значения и ряд других факторов привели к образованию в 1919–1923 годах Челябинской губернии, а 17 января 1934 года постановлением Президиума ВЦИК была создана Челябинская область.

Важным обстоятельством, позволившим в короткие сроки реализовать потенциал вновь созданной области, было то, что с конца 1920-х гг. Челябинский округ стал экспериментальной площадкой по подготовке административной реформы.

Образование и становление Челябинской области неразрывно связано с модернизацией

экономики СССР в 1930-е годы. На территории региона в максимальной степени проявились глубокие противоречия осуществления процесса индустриализации, революционных преобразований на селе, формирования новой советской культуры.

В годы Великой Отечественной войны челябинцы проявили чудеса героизма на фронте и трудового подвига в тылу. На базе более 200 эвакуированных предприятий из западных регионов СССР Челябинская область стала одним из главных arsenалов страны. За годы войны выпуск промышленной продукции увеличился в 4,5 раза. На территории области возведены десятки уникальных предприятий новых для Южного Урала отраслей. В результате образовался мощный оборонно-промышленный комплекс, возможности которого затем были максимально задействованы в развитии экономики региона в целом.

Добившись впечатляющих результатов в развитии оборонно-промышленного комплекса в Челябинской области в 1960–1980-е годы на основе научно-технической революции, коренным образом было реконструировано большинство отраслей народного хозяйства, успешно решались накопившиеся социальные проблемы.

Высокий промышленный потенциал, наличие опытных политических лидеров и руководителей предприятий, эффективная социальная политика сформировали доверие населения к органам власти Челябинской области, что обеспечило стабильность и помогло успешно преодолеть многочисленные трудности периода перестройки и реформ 1990-х годов.

Уникальная история Челябинской области нашла достойное отражение в ряде научных исследований, учебниках для средней школы, выступлениях некоторых средств массовой информации. Важным этапом осознания истории стал процесс подготовки к изданию фундаментальной энциклопедии Челябинской области. Большую работу по распространению исторических знаний, проведения научных конференций, изданию научно-популярных книг ведет Государственный комитет по делам архивов Челябинской области. Объединенный государ-

ственный архив Челябинской области активно ведет рассекречивание и публикацию архивных документов.

Вместе с тем в изучении истории Челябинской области имеются проблемы, которые не решаются в течение десятков лет:

- отсутствует планомерность в изучении хронологических периодов, некоторые важнейшие темы оказались в настоящее время невостребованными в исторических исследованиях (промышленность, сельское хозяйство, история повседневности и др.);

- не публикуются коллективные исследования по крупнейшим проблемам истории Челябинской области, в результате чего до сих пор нет современной научной истории Челябинской области;

- не в полной мере осуществляются системные связи сообщества историков и архивистов Челябинской области;

- медленно совершенствуется материальная база архивов;

- учебная литература по истории области издается в каждом вузе, но массового учебника для студентов не существует;

- недостаточно популяризируются достижения современной исторической науки.

Для дальнейшего эффективного освоения истории Челябинской области необходимо в Правительстве области создать с привлечением научной общественности орган, который проанализирует существующее состояние дел, инициирует социальный заказ, а под него разработает многолетнюю программу изучения истории области, выделив для этого необходимые финансовые средства.

Сообществу историков необходимо внести предложение в Управление по делам печати при Правительстве области о разработке и принятии совместного плана публикаций научного и научно-популярного характера по истории Челябинской области

Участники конференции обратились с просьбой к Правительству Челябинской области о проведении регулярных (один раз в два года) научно-практических конференций по истории Челябинской области с финансированием из бюджета области.

С.В. Нечаева, В.Н. Новоселов

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ИСТОРИКОВ «ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС СССР В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

УДК 94(47).084.8

Изучение темы «Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны» уральские историки ведут с начала 1990-х годов. Результаты их работы привлекли внимание западных исследователей этой проблемы. Благодаря профессору Л. Самуэльсону в октябре 2007 года в Стокгольме был организован первый семинар российских и шведских историков, на котором впервые произошел прямой обмен информацией по этой актуальной теме.

20 февраля 2009 года в Челябинске прошел второй международный семинар с участием наиболее активных южноуральских исследователей истории оборонно-промышленного комплекса и шведского профессора Л. Самуэльсона.

Открывая работу семинара, профессор В.Н. Новоселов определил его цель: подвести промежуточный итог исследований, ведущих последние 15 лет и наметить перспективы дальнейшего продвижения вперед. Из всех отраслей оборонно-промышленного комплекса наиболее глубоко изучена история атомной промышленности. Докторские диссертации профессоров В.Н. Новоселова и В.С. Толстикова по истории создания и социально-экологическим последствиям работы атомной отрасли на Урале, кандидатские диссертации В.Н. Кузнецова, С.А. Ряскова, Н.Я. Мельниковой и многочисленные публикации этих авторов создали мощную базу для подготовки фундаментального научного труда по истории атомного проекта СССР. Значительные затруднения, возникающие перед этими исследователями по поводу доступности архивных документов, во многом решены публикацией многотомного сборника архивных источников «Атомный проект СССР: документы и материалы» под редакцией Л.Д. Рябева. Сотни документов по истории атомной промышленности Южного Урала рассекречены в Объединенном государственном архиве Челябинской области. В этом смысле перспективным является исследование О.Ю. Жаркова, посвященное становлению производства плутония на комбинате № 817 в городе Озерске Челябинской области.

Большой интерес в 2006 году вызвала монография кандидата исторических наук,

председателя Госкомитета по делам архивов Челябинской области А.П. Финадеева и В.Н. Новоселова о создании ракетной промышленности на Урале. В процессе подготовки этого издания была рассекречена большая группа архивных материалов, а также использованы тогда только что появившиеся в свободном доступе документы Российского государственного архива экономики.

На протяжении последних лет плодотворно исследует историю танковой индустрии на Урале доцент, кандидат исторических наук Л.В. Шубарина.

Появились первые публикации по истории радиоэлектронной промышленности младшего научного сотрудника Центра истории государственных и муниципальных органов власти Челябинского института (филиала) Уральского академии государственной службы С.В. Краснослободцевой. Первых осязаемых результатов в исследовании проблемы руководства совнархозами Урала оборонно-промышленным комплексом достиг старший научный сотрудник Центра истории государственных и муниципальных органов власти Челябинского института Уральской академии государственной службы, кандидат исторических наук А.В. Буданов. Интересных результатов в изучении социального развития предприятий оборонно-промышленного комплекса добилась доцент, кандидат исторических наук Н.С. Хомутова.

Учитывая, что авторы обобщающих монографий по истории оборонно-промышленного комплекса СССР в 1920–1960 годы Н.С. Симонов и И.В. Быстрова по разным причинам перестали активно работать по данной теме, уральские историки вполне способны подготовить научное издание, которое вберет в себя последние достижения науки по истории оборонно-промышленного комплекса СССР.

Выступивший затем профессор Л. Самуэльсон – крупнейший специалист в Европе по истории оборонно-промышленного комплекса СССР – подчеркнул, что следует развивать традицию организации подобных семинаров, что послужит серьезным стимулом для повышения качества исследований как в Западной Европе,

так и в России. Тем более, что Л. Самуэльсон приступил к изучению данной темы, исследуя сектор обороны Госплана СССР. Первая монография шведского ученого «Красный колосс на гусеницах» раскрыла принципы планирования оборонной промышленности СССР в предвоенные годы. Кропотливая работа в архивах Москвы и Урала позволила подготовить книгу «Танкоград». Замысел этой очень своеобразной для российского читателя книги заключается в том, чтобы на примере истории Южного Урала с 1917 по 1953 год показать сущность исторического процесса через призму бурного развития Челябинской области и символа модернизации СССР – Челябинского тракторного завода.

Участники семинара с большим вниманием выслушали обзор западной историографии по истории оборонно-промышленного комплекса СССР. Профессор Самуэльсон показал сильные и слабые стороны исследований западно-европейских и американских ученых и ответил на многочисленные вопросы участников семинара.

Первый заместитель председателя Государственного комитета по делам архивов Челябинской области Г.Н. Кибиткина рассказала о процессе рассекречивания архивных документов и, таким образом, расширении источниковой базы исторических исследований. Г.Н. Кибиткина подчеркнула, что большой объем информации по теме семинара заключен в партийных архивах. Обратив внимание присутствующих на то, что до конца 1980-х годов понятие «партийная тайна» отождествлялась с государственной, она рассказала о том, как с 1987 года начинался процесс рассекречивания документов партийных организаций предприятий оборонно-промышленного комплекса Южного Урала. Двадцатилетняя трудоемкая деятельность в этом направлении дала крупные результаты. Достоянием гласности стали более 40 000 единиц хранения не только партийных организаций, но и ряда предприятий оборонной промышленности региона. Заметное место среди рассекреченных документов занимает Особая папка Челябинского обкома КПСС, которая включала в себя документы с 1934 до 1972 год. Большая часть Особой папки посвящена работе предприятий оборонно-промышленного комплекса, реализации атомного проекта, организации ракетной промышленности и развитию производства тяжелых танков. Очень много интересных документов содержится в Особой папке Челябинского облисполкома и документах Южно-Уральского совнархоза. Ценные сведения о социальной жизни оборонных предприятий содержат фонды горкомов

КПСС и первичных партийных организаций предприятий ЗАТО Озерска, Снежинска и Трехгорного.

Около миллиона страниц рассекреченных документов ждут своих исследователей, поэтому важнейшей задачей архива и научного сообщества является введение этих материалов в процесс масштабного исторического исследования, тем более что процесс рассекречивания продолжается.

Профессор В.С. Толстиков сконцентрировал внимание участников семинара на нерешенных проблемах исследования социально-экологических вопросов производственной деятельности предприятий атомной промышленности. Он подчеркнул, что до сих пор недостаточно полно и системно названы причины радиационных инцидентов и аварий. Недостаточно раскрыты условия труда участников атомного проекта в первые годы создания ядерного оружия. Следует более настойчиво добиваться воссоздания наиболее полной картины во многом противоречивого процесса освоения технологии радиоактивных делящихся материалов. В последние годы научная общественность все больше склоняется к тому, что радиационная катастрофа на ПО «Маяк» 29 сентября 1957 года стала результатом не случайных обстоятельств, а закономерного исхода сложившейся практики работы предприятия. В этой связи, подчеркнул профессор В.С. Толстиков, следует еще раз обратиться к проблеме подготовленности персонала предприятий атомной индустрии для работы в особо опасных условиях получения оружейного плутония.

Старший научный сотрудник А.В. Буданов вызвал интерес участников семинара сообщением об особенностях развития оборонной отрасли в период работы совнархозов 1957–1965 годов. На ярких убедительных фактах он показал, что приближение органов управления к предприятиям, децентрализация народного хозяйства имели большое позитивное значение и способствовали значительному повышению экономической эффективности их работы.

Выступление доцента Л.В. Шубариной было посвящено интеграции танковой индустрии в оборонно-промышленный комплекс СССР, тому значительному влиянию, которое танковая промышленность оказала на становление атомной отрасли, на взаимодействие руководителей этих отраслей, плодотворность деятельности кадров танковой индустрии в атомном проекте.

В. Н. НОВОСЕЛОВ

Аннотации к статьям

СОЦИУМ

Попов В.Д. Информационная экономика и финансовый кризис. В статье автор делает попытку посредством аналитики выявить причины мирового финансового кризиса. В основе анализа: социальная информациология, теория лауреата Нобелевской премии Д. Стиглица о развитии информационной экономики, «О совершенстве информации», о применении «асимметричной информации» в управлении глобальным рынком, о развитии науки об информационном обществе. Ключевые слова: информация, асимметричность, управление.

Борисенков А.А. Гражданское общество: сущность и особенности формирования. В статье осуществляется анализ различных подходов к толкованию гражданского общества. Выясняется соотношение гражданского общества и демократии, гражданского общества и политики, взаимосвязь гражданского общества и государства. Раскрываются сущность, структура и особенности формирования гражданского общества. Ключевые слова: гражданское общество, гражданская деятельность, гражданские учреждения, демократия, политика, государство.

Горелова Г.Г. Новое мышление в социальном управлении: от стратегии манипуляции – к осознанию ценностей. С позиций гуманистической психологии рассматриваются проблема ответственности и понятие смысла в структуре социальной деятельности управленца. Выделены и охарактеризованы различные аспекты эмоционально-ценностной сферы и оптимального смысла как психологического феномена толерантной личности. Введено и описано понятие «генеративность», определены его психологические составляющие.

Ключевые слова: смысл деятельности, социальная ответственность, эмоционально-ценностная сфера, «генеративность».

Салохин Н.П. Синергетическая парадигма самоорганизации и самоуправления общества в трансформирующейся России. В статье осуществлен теоретический анализ оснований концепции социальной самоорганизации в открытых нелинейных, неравновесных и неустойчивых системах. Локальное территориальное сообщество определяется как самостоятельный субъект процесса. Са-

Annotations to the articles

SOCIUM

Popov V.D. Informational economics and financial crisis. In the article the author makes an attempt to analyze the reasons of the world financial crisis. The analysis based on the social informationology, the theory of the Nobel Prize laureate D. Stiglitz about the development of informational economics.

Key words: information, asymmetry, management

Borisenkov A.A. Civil society: essence and forming features. Analysis of different approaches to interpretation of civil society is realized in the article. Relations between civil society and democracy, between civil society and politics, interrelations between civil society and State are elucidated. Essence, structure and forming features of civil society are revealed.

Key words: civil society, civil activity, civil institutes, democracy, politics, State.

Gorelova G.G. A new mentality in the social management: a way from a strategy of manipulation – to the values meaning. In the context of humanistic psychology the author discusses the problem of responsibility and the notion of the life meaning in the structure of social activity of administrator, identifying and characterizing various aspects of emotions, values and optimal life meaning as a psychological phenomenon of a tolerant personality. The author makes and describes the notion "generativity" and his psychological constituents.

Key words: the activity meaning, a social responsibility; emotions, values and optimal life meaning; "generativity".

Salohin N.P. Socio-synergetic paradigm of self-organization of a Society in the system of convertible Russia. The article deals with a theoretical analysis of social organization concept in open unlined, unbalanced and unstable systems. Community is defined as an independent subject of process. The community is defined as an independent subject of process. The author characterizes self-go-

мууправление рассмотрено как результат развития противоречия между тенденцией нарастания неоднородности в сплошной среде, утверждающей гражданские нормы, и тенденцией рассеивания неоднородности, насаждающей единообразие.

Ключевые слова: локальное территориальное сообщество, нелинейность в развитии, самопорядочение, самоорганизация.

Дедюлина М.А. Адхократия в современном обществе. В данной статье исследуются проблемы адхократии в высоких технологиях. Сегодня новые технологии пока еще не осознают своего воздействия на человека и его ценности. В современном социуме адхократические организации проявляются в двух технологиях: смартфон и флешмоб.

Ключевые слова: адхократия, технологии, социум, смартфон, флешмоб.

Арсеньева О.Ю., Краско М.Г. Социально-экономическое положение семей группы риска: региональный аспект. В статье на материалах эмпирических исследований раскрываются особенности адаптации к современной социально-экономической ситуации семей группы риска, проживающих на территории Югры. Выделяются актуальные для данной группы семей проблемы взаимодействия с федеральной и местной властью в решении проблем удовлетворения основных материальных и духовных потребностей, с целью повышения уровня жизни тех групп населения, которые не могут самостоятельно обеспечить свое существование.

Ключевые слова: социально-экономическое положение, семьи группы риска, основные материальные и духовные потребности, материальная помощь.

ВЛАСТЬ

Савинов Л.В. Элементы российской этнополитики. Возможность или невозможность удовлетворения интересов этнических групп в существующих политических и правовых рамках порождает либо процессы социальной консолидации, либо этнические эксцессы как формы гражданского противостояния, при котором по меньшей мере одна из сторон мобилизуется, организуется и действует по этническому принципу или от имени этническое общности.

Исходя из вышеизложенного, представлена попытка выявления элементов современной российской этнополитики.

Ключевые слова: этнополитика, этнополитические процессы, Россия.

vernment as the result of overcoming contradictions between the tendency of growing dissimilarity taking place in the overall environment, and tendency of spreading dissimilarity implanting of uniformity.

Key words: community, social-synergy paradigm, open unlined, unbalanced and unstable system, self-government.

Dedyulina M.A. Adhocracy in the Modern Society. In the article adhocratic aspects in high technologies are considered. New technologies today are developing with little attention to its impact upon human values. In a modern society adhocratic organization realized in the two technologies flashmob and smartmob.

Key words: adhocracy, technology, smartmob, flashmob, society.

Arsenyeva O.Y., Krasko M.G. Socio-economical status of riskful families: the regional aspect. This article is devoted to the problem of adaptation of the families belonging to the group of risk to the socio-economic situation in the territory of Ugra. Much attention is given to the main characteristics of this process. The main idea of the article is the problem of interaction between these families and different kinds of authorities. The article tells us about the aims of such interactions. The main aim is to meet the needs and to improve the quality of life of those people who can't do it themselves.

Key words: socio-economic situation, families belonging to the group of risk, basic material and spiritual needs, material assistance.

POWER

Savinov L.V. The elements of Russian of ethnopolitics. Possibility or impossibility in the present political and legal framework to meet the needs of different ethnic groups can either stimulate social consolidation or lead to ethnic outrage as a form of civil confrontation, in which at least one side becomes mobilized and organized and acts on the ethnic principle or on behalf of the ethnic community.

Proceeding from the above-mentioned, in article attempt of revealing of elements of a modern Russian ethnopolitics is presented

Key words: ethnopolitics, ethnopolitical process, Russia.

Чесноков А.С. Теоретико-методологические подходы к анализу влияния миграции на политические процессы. Статья посвящена рассмотрению миграционных процессов как существенного фактора социальной среды, оказывающего трансформирующее воздействие на политические процессы. Автор анализирует содержание понятий «политический процесс» и «миграция населения» и выделяет три классических подхода к выявлению взаимосвязи политических и иммиграционных процессов. Кроме того, раскрывается комплексное содержание иммиграционной политики, являющейся отражением стратегической позиции государства относительно регулирования иммиграционных процессов.

Ключевые слова: иммиграция; политический процесс, иммиграционная политика.

Балынская Н.Р. Группы как субъекты политического процесса. Субъекты политического процесса делятся на две группы: традиционно-представительные и периодические. Традиционные субъекты – это политические институты. Периодические – это отдельная личность, группы, которые функционируют в виртуальном информационном пространстве. Ключевые слова: политический процесс, виртуальное информационное пространство, группы, субъекты политического процесса.

Арчаков М.К. Русский религиозно-националистический радикализм в политическом процессе современной России. В статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности религиозно-националистических организаций в политическом процессе России. Изучение деятельности религиозно-националистических организаций позволяет утверждать, что в современном религиозном радикализме существует два направления: православное и неоязыческое. Несмотря на ограниченные возможности для участия в политическом процессе, религиозно-националистический радикализм является потенциально опасной для общества разновидностью право-радикальных идеологий, в которой совмещаются религиозная нетерпимость и агрессивный национализм.

Ключевые слова: радикализм, национализм, православие, язычество, ксенофобия.

Ситник А.Ю. Российское измерение многопартийной системы. На сегодняшний день можно отметить тот факт, что характерной чертой российской партийной системы становится моноцентричность, которая проявляется в доминировании политической

Chesnokov A.S. Theoretical and Methodological Approaches to Analysis of Influence of Migration on Political Processes. The article is devoted to the description of migration as a substantial factor of social environment which affects political processes and transforms them. The author analyzes the terms means “political process” and “migration” and outlines three classical approaches to understanding of interaction between political and immigration processes. Besides, the author explores the substance of immigration policy since the latter is a reflection of state governing bodies’ strategic view on management of immigration processes.

Key words: immigration; political process, immigration policy.

Balynskaya N.R. The groups as subjects of political process. Political subjects are divided into two groups: traditional and periodical. The traditional subjects – political institutes. The periodical subjects are separate individuals, groups, functioning in the virtual informational space.

Key words: political process, virtual informational space, groups, entity’s of political process.

Archakov M.K. Russian religiously nationalistic radicalism in the political process of contemporary Russia. The paper deals with some aspects of the activity of religiously nationalistic organisations in the political process of Russia. The study of activity of religiously nationalistic organisations allows to say that there are two trends in the contemporary right radicalism: orthodox and pagan. In spite of the limited possibilities for the participation in the political process, religiously nationalistic radicalism is potentially dangerous for the society kind of right radical ideologies combining religious intolerance and aggressive nationalism.

Key words: radicalism, nationalism, orthodoxy, paganism, xenophobia.

Sitnik A.Y. Russian dimension of multiparty system. Nowadays the party system of Russia tends to be characterized as mono-centric with the «United Russia» political party dominating within Russian political and party environment. While the real interparty competition is

партии «Единая Россия» в рамках российского партийно-политического пространства. В условиях сокращения реальной партийной конкуренции уровень нормативной эффективности партийной системы России значительно снижается.

Ключевые слова: партийная система России, моноцентричность партийной системы, нормативная институциональная эффективность партийной системы, прагматическая институциональная эффективность партийной системы.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ильиних А.В., Старостина И.А. Территориальное построение государства как фактор выбора избирательной системы (к постановке вопроса). В работе ведется речь о выборе наиболее подходящей избирательной системы в государстве, исходя из его особенностей территориального построения, исследуются избирательные системы отдельных государств в контексте их сравнительного анализа с избирательными системами, применяемыми в России.

Ключевые слова: территория государства, избирательная система.

Ромадова Л.А. Принципы трудового законодательства как регулятива оптимального функционирования социума. В работе приведен философский анализ принципов трудового законодательства как регулятива оптимального функционирования социума. Выражая сущность данной отрасли права, принципы трудового законодательства, являются регулятором, способным обеспечить баланс интересов субъектов трудовых отношений. Автор рассматривает принципы трудового права в историческом аспекте и приводит анализ современного состояния законодательства. Автор делает вывод о необходимости служения принципов идеям гуманистического права и предлагает внести изменение в трудовое законодательство.

Ключевые слова: труд, трудовое законодательство, принципы трудового законодательства, регулятив, социальное партнерство, гуманизм, свобода труда.

Жданов Ю.А. Вопросы организации проведения конкурсов на замещение вакантных должностей муниципальной службы. Статья посвящена анализу проблемных вопросов проведения конкурсов на замещение вакантных должностей муниципальной службы в органах местного самоуправления Челябинской области. Анализируется регла-

shrinking, the level of normative efficiency of the Russian party system is decreasing significantly.

Key words: russian party system, party system mono-centrism, normative institutional efficiency of party system, pragmatic institutional efficiency of party system.

STATE AND LAW

Ilinih A.V., Starostina I.A. The territorial building of the state as a factor of electoral system choice. The main issue discussed in the article is the choice of the most suitable electoral system for the state according to its territorial building. The authors of the article analyze electoral systems of different states in the context of contrastive analysis with Russian ones.

Key words: territory of the state, electoral system.

Romadova L.A. Principles of labor legislation: regulation of optimal functioning of the society. The paper contains philosophic approach to the analysis of the principles of labor legislation serving as the regulation of optimal functioning of the society. The essence of this branch of law is that the principles of the labor legislation are regulation that is capable to facilitate the balance between the participants' interests in the employment relationships. The author examines the principles of the labor legislation in the historic aspect and analyses the contemporary state of legislation. The author comes to the conclusion that these principles have to serve the ideas of humanitarian law and proposes to make changes to labor legislation.

Key words: labor, labor legislation, principles of labor legislation, regulation, social partnership, humanism, labor freedom.

Zhdanov Yu.A. Questions of the organization of carrying out of competitions on replacement of vacant posts of municipal service. The article is devoted to the analysis of problematic questions concerning the organization of competitive selections for the opening positions in municipal service in the

ментация порядка проведения конкурсов на замещение вакантных должностей муниципальной службы (на примере Кыштымского городского округа Челябинской области). Дается общая оценка состоянию работы, связанной с формированием резерва управленческих кадров муниципальных образований Челябинской области (по состоянию на январь 2009 года), в том числе на конкурсной основе.

Ключевые слова: конкурсы, муниципальная служба, кадровый резерв, резерв управленческих кадров.

Цыганов С.И. Совершенствование законодательства об особых экономических зонах. В статье рассматривается вопрос о совершенствовании законодательства Российской Федерации об особых экономических зонах. Автор предлагает изменить цели создания и типологию особых экономических зон.

Ключевые слова: особая экономическая зона, цели создания особых экономических зон, типы и виды особых экономических зон, особые экономические зоны регионального уровня.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Третьяков А.В. Российская металлургия в зеркале мировых и региональных проблем экономического развития. Автор исследует теоретические, методологические, исторические аспекты развития металлургии в XX веке. Особое внимание уделяется черной металлургии в мировом, российском и региональном срезе. Автор формирует оценку современного состояния металлургической отрасли, показывает её основные проблемы, имеющие особую специфику в российских условиях экономических реформ и приватизации. В статье раскрываются основные направления металлургического производства в Челябинской области.

Ключевые слова: черная металлургия, приватизация, региональная экономика, металлургическое производство Челябинской области.

КУЛЬТУРА

Липская Л.А., Липская Е.В. Духовно-нравственные традиции как основа современной образовательной политики. В статье рассматривается проблема выбора современных приоритетов в образовательной политике на основе сложившихся духовно-нравственных традиций в отечественной философско-педагогической мысли.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспи-

Government of the Chelyabinsk Region. The regulation of the organization of competitive selections for the opening positions in municipal service (Kyshtym City of the Chelyabinsk Region is taken as an example) is analyzed. The general estimation is given to the work connected with the formation of the reserve of administrative staff of municipal unions of the Chelyabinsk Region (January, 2009), including competitive selection.

Key words: Competitions, municipal service, personnel reserve, reserve of administrative staff.

Tsyganov S.I. The improvement of legislation on Special Economic Zones. The article deals with the question of the improvement of legislation of the Russian Federation on Special Economic Zones. The author suggests to changing the aims of establishing and the typology of Special Economic Zones.

Key words: special economic zone, aims of establishing special economic zones, types and shapes of special economic zones, special economic zones of regional level.

ECONOMIC POLICY

Tretyakov A.V. The Russian metallurgy in a mirror of world and regional problems of economic development. The Author investigates theoretical, methodological, historical aspects of the development of metallurgy in the XXth century. The special attention is given to ferrous metallurgy in the world, Russian and regional aspects. The author forms an estimation of a modern state of the metallurgical branch, shows its basic problems which have special peculiarities in the Russian conditions of economic reforms and privatization. The article reveals the basic directions of metallurgical manufacture in Chelyabinsk area.

Key words: ferrous metallurgy, privatization, regional economy, metallurgical manufacture of the Chelyabinsk area.

CULTURE

Lipskaya L.A., Lipskaya E.V. Cultural and moral traditions as the basis of the modern educational politics. The article is devoted to the problem of choice among modern priorities in the educational politics on the basis of existing cultural and moral traditions in the national philosophical and educational science.

Key words: cultural and moral education, political and educational conservatism,

тание, политико-образовательный консерватизм, философско-педагогический персонализм, православная педагогика, свобода совести и вероисповедания.

Татаркина А.Р. Проблема организации досуга в южно-уральском городе на рубеже XIX–XX вв. В статье рассматривается заявленная тема в рамках истории повседневности. В исследовании поставлена и решена проблема организации свободного времени в провинциальном городе, отмечены специфические черты провинциального досуга.

Ключевые слова: провинциальный город, повседневная жизнь, досуг, зоны досуга.

ИСТОРИЯ

Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Организация генерального межевания в России. Статья посвящена анализу итогов государственного всеобщего межевания земель в России, проводившегося с середины 60-х годов XVIII в. по начало 40-х годов XIX в. Авторы рассматривают организацию этого грандиозного мероприятия не только как технический процесс, но и как способ реализации государственной земельной политики. Именно с этих позиций объясняется ими успех межевания в центральных (помещичьих) губерниях и неуспех его на окраинах, где помещичье землевладение отсутствовало.

Ключевые слова: генеральное межевание, межевые учреждения, землемеры, организационные принципы всеобщего межевания, поземельные отношения.

Воропанов В.А. Институт стряпчих в системе государственных должностей в 1775 – 1864 гг. (на примере губерний Урала и Западной Сибири). Развитие прокурорского надзора являлось неотъемлемой частью эволюции государственного строя абсолютной монархии. Важным институтом прокуратуры, направленным на правовое ограничение власти местных чиновников и более полную реализацию законодательства, являлись стряпчие. Регламентация функций, апробированные методы, формы и способы деятельности стряпчих, делегирование их полномочий сословным и сословно-национальным правозащитникам способствовало утверждению системы государственного права.

Ключевые слова: дореволюционный государственный надзор, прокуратура, правозащитники, стряпчие.

philosophical and educational personification, the Orthodox education, conscience and religious freedom.

Tatarkina A.R. The problem of leisure organization in towns of South Urals from late XIX to early XX century. The article deals with the topic under analysis in the terms of everyday life. The article focuses on the problem of free time activities in a provincial town and emphasizes its particular features.

Key words: provincial town, everyday life, leisure, areas of leisure.

HISTORY

Smirnov G.S., Smirnov S.S. Organization of General Land Survey in Russia. The article is devoted to the analysis of the results of the state general land survey that was being carried out in Russia from the middle of the 60's of the XVIII-th century to the early 40's of the XIX-th century. The authors present this crucial and enormous event not only as a technical process, but also as a procedure aimed at implementing the state land policy. The authors agree that this very reason explains why the land survey was a success in central, manorial guberniyas (a territorial subdivision of Russia in 1708-1929) and failed in outskirts where the manorial landownership did not exist.

Key words: general land survey/division, land survey institutions, land-surveyors, organisational principles of general land survey, land relations.

Voropanov V.A. Institution of scriveners in the system of public positions in 1775 – 1864 (the provinces of Urals and Western Siberia). The development of the Directorate of Public Prosecutions was an integral part of the absolute monarchy state structure evolution. An important part of the Office of Public Prosecutor intended for legal abridgment of local authority's power and full realization of the Law was an institution of solicitors («Stryapchye»). Specified functions, approved methods, forms of solicitor's activity along with transfer of their authority to estate and national-estate legal defenders promoted forming of public law system.

Key words: pre-revolutionary state surveillance, office of public prosecutor, legal defenders, solicitors («Stryapchye»).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Юбилею Челябинской области посвящается. 21 января 2009 года в Челябинской области прошла научно-практическая конференция «Южный Урал в судьбе России: история и современность», посвященная 75-летию Челябинской области. Организаторами конференции выступили: Правительство Челябинской области, Государственный комитет по делам архивов Челябинской области и Челябинский институт (филиал) Уральской академии государственной службы. Основная цель конференции – оптимизация диалога властных структур, научного сообщества и общественности по проблемам политического, социально-экономического и духовного развития Челябинской области.

Ключевые слова: юбилей Челябинской области, научно-практическая конференция.

Второй международный научный семинар историков оборонно-промышленного комплекса СССР в годы холодной войны. 20 февраля 2009 года в Челябинске прошел второй международный семинар историков оборонно-промышленного комплекса СССР в годы холодной войны. Целью семинара стало подведение промежуточного итога исследований по данной теме, ведущих последние 15 лет. Организация подобных семинаров является серьезным стимулом для повышения качества исследований как в Западной Европе, так и в России.

Ключевые слова: атомная промышленность, оборонно-промышленный комплекс, холодная война, СССР, научный семинар.

SCIENTIFIC LIFE

Devoted to the Anniversary of Chelyabinsk region.

There was a conference «South Urals in the fate of Russia: history and modernity» held 21st January, 2009 in Chelyabinsk Region. It was devoted to the 75th anniversary of Chelyabinsk region. The conference was organized by the Government of Chelyabinsk Region, the State Committee of the Archives affairs of the Chelyabinsk Region and Chelyabinsk Institute of the Ural Academy of Public Administration. The main aim of the conference is to optimize the dialogue of authority structures, scientific circle and the public on the problems of political, socio-economical and spiritual development of the Chelyabinsk Region.

Key words: anniversary of Chelyabinsk region, scientific-practical conference.

The Second International Scientific Seminar of the historians of the USSR Defense Industry in the Cold war years. There was Second International Scientific Seminar of the historians of the USSR Defense Industry in the Cold war years held on 20th February, 2009 in Chelyabinsk. The aim of the seminar was to sum up the researches made on this field for the last 15 years. Such seminars greatly stimulate the raise of the research quality in West Europe as well as in Russia.

Key words: atomic industry, defense industry, cold war, scientific seminar.

Авторы номера

АРСЕНЬЕВА О.Ю., заведующая кафедрой менеджмента Уральского института повышения квалификации и переподготовки специалистов лесного хозяйства, кандидат педагогических наук, доцент, г. Екатеринбург

АРЧАКОВ М.К., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, политологии и социологии Благовещенского государственного педагогического университета, доцент

БАЛЫНСКАЯ Н.Р., кандидат политических наук, доцент кафедры истории, теории государства и права и социологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова

БОРИСЕНКОВ А.А., доктор философских наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления, г. Москва

ВОРОПАНОВ В.А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, доцент

ГОРЕЛОВА Г.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, профессор

ДЕДЮЛИНА М.А., кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Технологического института Южного федерального университета, доцент, г. Таганрог

ЖДАНОВ Ю.А., заместитель начальника управления организационной и контрольной работы Правительства Челябинской области, г. Челябинск

ИЛЬИНЫХ А.В., заместитель заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, кандидат юридических наук

КРАСКО М.Г., директор Департамента труда и социальной защиты населения Ханты-Мансийского автономного округа, соискатель кафедры прикладной социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького

ЛИПСКАЯ Е.В., аспирант Российской академии театрального искусства (РАТИ – ГИТИС), г. Москва

ЛИПСКАЯ Л.А., заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, доктор педагогических наук, доцент, г. Челябинск

НЕЧАЕВА С.В., заместитель директора Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, кандидат исторических наук, доцент

НОВОСЕЛОВ В.Н., заведующий кафедрой истории и философии Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, доктор исторических наук, профессор

ПОПОВ В.Д., доктор философских наук, профессор Российской академии государственной службы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Москва

РОМАДОВА Л.А., заведующая кафедрой правовых дисциплин Благовещенского филиала Финакадемии, г. Благовещенск

САВИНОВ Л.В., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и социального управления Сибирской академии государственной службы, г. Новосибирск

САЛОХИН Н.П., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Омского государственного технического университета, директор Независимого исследовательского центра «Социум»

СИТНИК А.Ю., заместитель директора ОГУ ХЭУ Министерства общего и профессионального образования Свердловской области, аспирант Уральского государственного университета им. А.М. Горького, г. Екатеринбург

СМИРНОВ Г.С., аспирант кафедры истории Отечества Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

СМИРНОВ С.С., доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы

СТАРОСТИНА И.А., председатель избирательной комиссии Челябинской области, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы

ТАТАРКИНА А.Р., кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Челябинского государственного педагогического университета

ТРЕТЬЯКОВ А.В., коммерческий директор ООО «ЭнергоЭксплуатация», соискатель Челябинского государственного университета

ЦЫГАНОВ С.И., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономических теорий Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург

ЧЕСНОКОВ А.С., кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории политической науки Уральского государственного университета им. А.М. Горького, г. Екатеринбург

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Авторы направляют один экземпляр рукописи в электронном варианте (на диске, CD-диске или по электронной почте по адресу saa@urags-chel.ru).

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 20 тыс. знаков без пробелов, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

4. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается в отдельный файл.

5. Название статьи указывается посередине текста 14 шрифтом, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы) занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

6. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках, в конце статьи – библиографический список. Количество ссылок не более 15.

7. Сноски оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

8. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

9. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

10. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

11. Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (до 500 печатных знаков) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Статьи проходят проверку по системе Антиплагиат.

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за публикацию рукописей не взимается.